СОДЕРЖАНИЕ

2018 № 4 (18)

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ; ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕССЫ

Джура В. В., Солобута С. Г. Модернизация гражданского процессуального права в Российской Федерации 3

Латынин О. А. Проблемные вопросы, возникающие в судебной практике при рассмотрении споров об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости 14

Никитина Н. В. Профессиональное юридическое представительство в гражданском судопроизводстве 17

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Андреева Ю. В. Привлечение к административной ответственности членов общественных наблюдательных комиссий по итогам осуществления контроля за учреждениями уголовно-исполнительной системы 20

Гульгоров В. И. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих и лиц, приравненных к ним, за преступления против военной службы 25

Ишигеев В. С., Лапша В. Л. Основания классификации рисков и их уголовно-правовая оценка 28

Татарников В. Г. Принцип справедливости и его отражение в общих началах назначения наказания 31

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кузнецов Е. В., Щетинин А. С. Использование оперативного эксперимента при документировании взяточничества 37

Попова И. П. Возникновение и становление уголовно-процессуального законодательства об обвинительном приговоре в дореформенной России. Часть 2 43

Рудых А. А. Внедрение информационных технологий в практику расследования преступлений (на примере уголовных дел в отношении несовершеннолетних) 49

Себякин А. Г. Пути автоматизации экспертиз: от правовой кибернетики до цифровой криминалистики 53

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Барашева Е. В., Власова Е. Л. Неэффективность международно-правового регулирования в вопросах определения гражданских лиц и незаконных комбатантов 56

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Зарубаева Е. Ю. Парадигмы правопонимания: теоретико-исторический анализ.....59

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данеев А. В., Данеев Р. А. Развитие ГАС «Правосудие» в судах Иркутской области..... 63

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Авдеев М. Е., Сафронова Е. В. К вопросу о понятии раскрытия и расследования преступлений 70

Вастьянова О. Д. Проблемные вопросы статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве 74

Тарасова М. В. Личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства как критерии индивидуализации наказания 77

Черных В. С. Современная правовая система Японии: общая характеристика, особенности.....81

Правила оформления статей, представляемых для публикации в журнале «ГлаголЪ Правосудия» 85

УДК 347.918

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Джура Виктория Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского, административного судопроизводства и организации судебной деятельности, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, e-mail: Viktorya.dzhura@yandex.ru

Солобута Сергей Геннадьевич
магистрант, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия г. Иркутск, e-mail: novikiirk@mail.ru

MODERNIZATION OF CIVIL PROCEDURE RIGHTS IN RUSSIAN FEDERATION

Victoria Dzura
Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of civil, administrative proceedings and organization of judicial activities of The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

Sergey Solobuta
Master's Degree Student, The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Исследуются основные изменения действующего Гражданского процессуального кодекса РФ. Анализу подвергнуты принципы и виды отдельных видов судопроизводств. С учетом внедрения новых институтов и юридических конструкций обосновывается новое знание о социальной модели судопроизводства. Выделены основные тенденции развития гражданского процессуального права, рассмотрены и систематизированы законотворческие инициативы Верховного Суда РФ.

ABSTRACT

The article examines the main changes in the current Civil Procedure Code of the Russian Federation. The principles and types of particular types of legal proceedings are subjected to analysis. Taking into account the introduction of new institutions and legal structures, new knowledge about the social model of legal proceedings is substantiated. The main trends in the development of civil procedural law are highlighted, the legislative initiatives of the Supreme Court of the Russian Federation are reviewed and systematized.

Ключевые слова: модернизация; новые конструкции; электронное правосудие; принципы гражданского процессуального права; модель судопроизводства; процессуальное право.

Key words: modernization; new designs; e-justice; principles of civil procedural law; model of legal proceedings; procedural law.

Появление новых правовых конструкций и норм права в Гражданском процессуальном кодексе РФ позволяет утверждать о создании новой модели судопроизводства в условиях модернизации и процессов конвергенции. Различными словарями модернизация определяется как обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизация предполагает «качественное изменение существующей правовой системы с учетом зарубежного опыта, с одновременным сохранением преемственности развития национальной правовой системы, ее органического единства» [4, с. 5]. Конверге́нция (от лат. *convergo* «сближаю») представляет собой процесс сближения, схождения (в разном смысле), компромиссов.

Процесс модернизации российского процессуального права предполагает внедрение в российскую правовую систему новых юридических конструкций, заимствуемых из романо-германской и англосаксонской правовой системы с учетом социальной согласованности российского общества.

Гражданское, арбитражное и административное судопроизводство претерпевает существенные изменения. Появляются новые средства достижения целей и задач правосудия, провозглашаются принципиально новые принципы судопроизводства («право быть услышанным в суде», «баланс интересов наиболее слабой стороны по отношению к государству», «судейское руководство», «справедливость», «правовая определенность как принцип юридической безопасности государства», «процессуальная экономия», «эффективность», «оптимизация» и пр.).

Стратегия развития судебной системы, имеющая конечную цель создания новой модели судопроизводства, будет, по мнению председателя Совета судей В. В. Момотова, отвечать современным запросам гражданского общества, пользоваться доверием у этого общества и обеспечивать высочайший уровень правовой защищенности. Чтобы достичь этого, Верховным Судом РФ инициировано три стадии судебной реформы.

Первая из них была реализована в 2014 г. и заключалась в объединении Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Благодаря этой мере пришлось исключить споры о подсудности, а также устранить противоречия в толковании и применении правовых норм, пояснил В. В. Момотов.

Второй стадией является создание структурно обособленных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. «Эта мера необходима в связи с тем, что в настоящее время суды областного уровня реализуют полномочия сразу нескольких судебных инстанций по одним и тем же делам. Подобная ситуация, на наш взгляд, не отвечает высоким принципам независимости судей и объективности при отправлении правосудия» [1].

Третья же стадия судебной реформы будет заключаться в реформировании процессуального законодательства, а также законодательства о статусе судей. В отличие от первых двух стадий, которые носят структурный характер и касаются судоустройства, третья стадия реформы касается внутренней организации судебной системы: идет разработка мер по уточнению статуса председателей судов, ограничению давления на судей, прорабатывается вопрос о дисциплинарной ответственности судей, о допустимых и недопустимых судебных ошибках, внедрения термина «административный проступок». Данные вопросы будут решаться с помощью самостоятельных законопроектов и не войдут в «процессуальную революцию». Дискуссионными являются законотворческие инициативы Верховного Суда РФ, среди которых – обязательность наличия высшего юридического образования для представителя в процессе, введение института поверенного, сокращение круга гражданских дел, по которым составляются мотивированные судебные решения, закрепление обзоров судебной практики Верховного Суда РФ в качестве новых обстоятельств для пересмотра судебных решений, развитие процедур судопроизводства.

Термин «процессуальная революция» рассматривается обществом в связи с внесением множества поправок в российское процессуальное право, как крупных, так и мелких, направленных на унификацию трех видов процесса. Такой термин содержит некий «бунтарский дух» в отношении данных изменений, реализация которых может привести к обратному эффекту: быть судьей в собственном деле и пр.

Инициативы следует рассматривать в аспекте «процессуальной эволюции» – необратимого процесса исторического развития, и лишь при отсутствии компромисса свидетельствовать о протестном движении. Невозможно говорить о процессуальной революции, поскольку наличие революционной ситуации признается тогда, когда «верхи не могут, а низы не хотят»[1].

Реформирование схемы судебной системы России путем создания обособленных девяти кассационных и пяти апелляционных судов общей юрисдикции начато путем внесения законотворческих инициатив Верховного Суда РФ в постановлении от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона "О внесении изменении в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» (далее – проект).

Перемещение судебных составов апелляционных и кассационных судов субъектов к 2019 г. в отдельные структурные единицы судебной системы должно способствовать повышению и укреплению независимости судей. Предлагается ввести апелляционный пересмотр промежуточных решений суда областного уровня апелляци-

[1] Ленин В. И. Маевка революционного пролетариата. 1913 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

онным судом общей юрисдикции, который сегодня осуществляется судебной коллегией того же суда, что делает его крайне неэффективным. Процессуальная эволюция преследует две основные цели: последовательное проведение в жизнь принципа инстанционности и укрепление независимости судов. Важной составляющей принципа инстанционности является наличие у каждой судебной инстанции самостоятельного предмета рассмотрения. В противном случае увеличение числа инстанций является бессмысленным, ведь они лишь последовательно проверяют одно и то же. Структурное выделение звена кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции в отдельные самостоятельные инстанции, не связанные территорией субъектов Российской Федерации, как предлагают разработчики закона, позволит исключить влияние на результаты рассмотрения дела различными силами в регионе. В качестве недостатков, по нашему мнению, следует выделить территориальную удаленность, временные затраты, транспортные расходы граждан и судебных представителей.

Другим не менее существенным изменением проекта является отказ от институтов «подведомственности» и «договорной подсудности». Институт подведомственности появился в 60-е гг. XX в., его целью было разграничить компетенцию между судами и другими государственными органами власти. Разграничение предметов ведения между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, а также в зависимости от определенной категории дел позволит снизить большое количество споров о подведомственности. Споры о подсудности между судами в действующем процессуальном праве не допустимы и прямо закреплены в законе (ч. 4 ст. 33 ГПК, ч. 2 ст. 27 КАС РФ, ч. 4 ст. 39 АПК РФ). При ошибочном возбуждении производства по делу не в своей компетенции, судебные органы будут направлять дело в нужный суд. При выявлении компетенции на стадии принятия иска, суды будут их возвращать на основании неподсудности. Запрет на выбор подсудности обосновывается необоснованной нагрузкой на суды Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Данное ограничение будет иметь одно исключение: договорную подсудность можно устанавливать лишь в делах, осложненных иностранным элементом.

Судебное профессиональное представительство как институт КАС РФ, в случае реализации законодательных инициатив, будет закреплен в ГПК РФ и АПК РФ. В качестве представителей граждан и организаций в суде смогут выступать только адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование. Данное требование не будет распространяться на законных представителей граждан. Кроме того, проектом предлагается дополнить процессуальное законодательство положениями о новом процессуальном лице – поверенном, который также сможет выступать в качестве представителя лиц, участвующих в деле. Государственная Дума РФ во втором чтении приняла положения проекта с некоторыми изменениями. Представителями истцов и ответчиков в судах по гражданским и арбитражным делам могут быть только те, кто имеет высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности. Это правило не будет действовать только для дел, подлежащих рассмотрению мировыми судьями или районными судами. В начальной версии проекта было предложено ввести «поверенного», процессуальные полномочия которого сводятся к даче суду объяснений в устной и письменной форме, возможности получать извещения, вызовы и иные судебные акты. Теперь от этой идеи отказались.

Тенденции развития гражданского процессуального права вызвали следующие изменения:

• исключение принципа непрерывности. В судебной практике наступила потребность в упразднении принципа непрерывности рассмотрения юридических дел в административном, арбитражном и гражданском судопроизводстве. Редакция ч. 3 ст. 157 ГПК РФ позволяет суду до окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его разбирательства рассматривать другие гражданские, уголовные и административные дела, а также дела об административных правонарушениях.

В юридической литературе отмечаются как положительные, так и отрицательные отзывы. Изъятие непрерывности позволит суду более определенно планировать рабочее время, исключить обязательность проведения разбирательства заново при объявлении перерыва, не производить повторное рассмотрение исследованных до перерыва доказательств, а также способствует повышению оперативности судебной деятельности[1]. Отказ от принципа непрерывности отдельными авторами обосновывается несогласованностью с особенностями памяти человека: информация, которая воспринята человеком определенное время назад, с течением вре-

[1] Терехин В. А., Захаров В. В. Некоторые аспекты оптимизации гражданского судопроизводства // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

мени может притупляться и забываться. Судьи вынуждены обращаться вновь к исследованию доказательств, прочтению протоколов судебных заседаний, и это продиктовано желанием вынести судебный акт, отвечающий требованиям процессуального закона. Отвлечение же на иную информацию способствует процессу забывания: «Забывание как процесс генетический начинается с отвлечения внимания от объекта. Любое переключение внимания с объекта А на объект Б означает своего рода забывание А» [1, с. 52]. Другие авторы категорически заявляют, что качество рассмотрения и разрешения гражданских дел приносят в жертву скорости его рассмотрения [9, с. 12–28];

- внедрение принципов: процессуальная экономия, информационная открытость, активная роль суда или судейское руководство, процессуальная добросовестность, правовая определенность и справедливость и пр.

Процессуальная экономия представляет собой: 1) сбережение времени; 2) простоту и ясность; 3) упрощение процедур в деятельности судей и уменьшение нагрузки судей; 4) уменьшение расходов на содержание судей и дешевизну судопроизводства.

Согласно правовой позиции, изложенной Конституционным Судом РФ в постановлении от 19 июля 2011 г. № 17-П, целью процессуальной экономии является эффективное использование средств процессуальной защиты, сокращение временных и трудовых ресурсов при сохранении уровня процессуальных гарантий, в постановлении от 17 июля 2012 г. № 1389-О указывается, что осуществление процессуальных прав должно отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения.

О важности процессуальной экономии свидетельствуют упрощение и ускорение процессуальных процедур. В настоящее время суды общей юрисдикции, ранее рассматривающие дела в приказном производстве, рассматривают – в упрощенном порядке, а арбитражные суды, сформировавшие практику ведения упрощенного производства, стали рассматривать дела в приказном производстве. В европейской юридической науке эффективность рассматривается в контексте управленческого подхода (*managerial approach*) к правосудию и понимается, главным образом, как экономичность и результативность.

Принцип процессуальной экономии должен настраивать стороны и суд на полное, рациональное и своевременное рассмотрение и разрешение дела. При этом применение указанного принципа не должно умалять процессуальные гарантии сторон, не должно влиять на оценку доказательств по делу. Возражать против своевременного рассмотрения дела будет недобросовестная сторона, пытающаяся использовать процессуальные нормы для затягивания спора. Следовательно, принцип процессуальной экономии будет отвечать интересам добросовестных сторон процесса: 1) возможности суда проводить разделение и объединение дел; предъявлению встречного иска, где критерий взаимной связи между исками будет достаточно широким; 2) замене стороны в рамках того же заявления без необходимости инициировать отдельный процесс, например, по делам, связанным с рассмотрением дел о банкротстве; 3) выделению части требований в отдельное производство в целях эффективного правосудия; 4) возможности для суда принять заявление, жалобу к производству при наличии процессуальных недостатков с указанием на необходимость устранить недостатки к судебному заседанию; 5) возможности подачи внепроцессуального обращения; 6) пересмотру судебного акта судом вышестоящей инстанции без передачи дела на новое рассмотрение; 7) праву стороны самой выбрать доказательства, на которые она будет ссылаться в обоснование своих доводов и возражений и др.

В пункте 1 ст. 6.1. ГПК РФ, п. 3 ст. 2 АПК РФ, п. 1 ст. 10 КАС РФ предусмотрено, что судопроизводство в судах и исполнение судебного постановления осуществляются в разумные сроки. Следовательно, суть процессуальной экономии заключается в достижении процессуального результата с наименьшими затратами труда за счет рационального использования процессуальных средств и методов защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов.

Процессуальная экономия рассматривалась в работах видных ученых: В. В. Яркова, Л. А. Тереховой, Г. Л. Осокиной и многих других. А. А. Ференс-Сороцкий сравнивал принцип процессуальной экономии с принципом процессуального формализма, который является противоположным. По его мнению, защита прав должна осуществляться быстрее, так как всякое нарушение права вызывает затруднения для людей, и чем скорее они закончатся, тем лучше. Пока право не защищено или не подтверждено, создается временная неопределенность, влекущая осложнения для заинтересованных лиц [10, с. 31–35]. Суть его в том, что: 1) процессуальное право должно устанавливать определенные правовые формальности: обязательные формы, сро-

ки и способы совершения процессуальных действий; 2) процессуально-правовые формальности должны соблюдаться в установленной законом последовательности совершения действий под страхом признания ничтожным соответствующего действия, если оно не было облечено в надлежащую, предписанную процессуальным законом форму. Следовательно, неисполнение процессуальных формальностей в ряде случаев ведет к ничтожности самого действия. Мотивы суда, содержащиеся в мотивировочной части судебного решения: «иного и (или) обратного в материалы дела стороной не представлено, сторона не использовала процессуальную возможность», не будут рассматриваться как нарушение принципа справедливости, судейского руководства и правовой определенности.

Переход права на «судебное толкование» и формирование «стандартов доказывания» по определенным категориям дел свидетельствует об активной роли суда в рамках судебного руководства. К примеру, суды общей юрисдикции получили право по своей инициативе назначать экспертизу (это положение в отличие от АПК РФ прямо не закреплено в ГПК РФ), а по отдельным категориям Верховный Суд РФ обязал судей осуществлять запросы в правоохранительные и иные государственные органы. Такая практика действует, например, по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим, по признанию права собственности на земельный участок и пр.;

- принцип информационной открытости рассматривается в тандеме с термином «электронное правосудие».

Деятельность судебных органов власти стала рассматриваться с позиции судебного управления или «государственной услуги», предоставляемой гражданам в связи с осуществлением правосудия. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регламентирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

Обязательность электронных технологий в рамках фиксации процессуальной информации используется в российском судопроизводстве как неотъемлемый атрибут «электронного правосудия»:

1) ведение процесса через Интернет, т. е. возможность заполнения и отправления посредством информационно-коммуникационных технологий заявлений, ходатайств, жалоб;

2) электронный документооборот, позволяющий участникам процесса обмениваться юридически важными документами, в которых информация представлена в электронно-цифровой форме;

3) фиксация судебных заседаний при помощи средств цифровой записи;

4) возможность ознакомления с текстами судебных решений и материалами дела всеми желающими, а также с информацией о деятельности судов.

Термин «электронное правосудие» может применяться как условный термин, поскольку во многом не отвечает требованиям процессуальной формы. Возможность существования процессуальных документов в электронном виде не исключает необходимости их фиксации на бумажном носителе. Сами материалы дела в традиционном бумажном варианте не отменяются. Следовательно, текст судебного акта, выполненный на электронном носителе, выполняет лишь «транспортную» функцию.

Термин «электронное правосудие» не совпадает с термином «информатизация судов». Суды в своей деятельности используют компьютерную технику, но только в качестве подсобного, а не процессуального средства. Вместе с тем «электронное правосудие» тесным образом связано с использованием информационных технологий, представляя собой достижение определенного уровня информатизации.

К основным элементам этого качественно нового явления можно отнести следующие: 1) подачу документов в электронном виде; 2) извещение участников процесса с помощью электронных технологий, в частности посредством Интернета; 3) удаленное участие в совершении процессуальных действий (в том числе, и в судебном заседании) посредством видеоконференцсвязи; 4) фиксацию судебных заседаний путем аудио-, видеозаписей; 5) организацию электронного документооборота; 6) размещение информации о деятельности судов в сети Интернет.

Электронные средства позволяют не только передавать, но и фиксировать информацию. Причем электронная форма передачи и фиксирования информации обладает существенными и значимыми преимуществами: лишена таких свойств, как время и территория. Это проявляется в способности мгновенной передачи и фиксации информации (аудиозапись, видеозапись): обеспечение доступа к текстам судебных актов всем желающим посредством сети Интернет, ознакомление с материалами дела в упрощенном производстве посредством предоставленного судом кода доступа лицам, участвующим в деле, а также в возможности находиться за пределами

судебного зала, но принимать участие в судебном заседании (видеоконференцсвязь). Внедрение элементов «электронного правосудия» неизбежно затрагивает существующую процессуальную форму, причем в реализации как отдельных процессуальных действий, так и принципов процессуального права. С учетом принципа процессуальной экономии планируется техническая возможность осуществления видеоконференцсвязи путем взаимозаменяемости судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Отдельными правовыми актами регламентируются отдельные элементы судебного управления по исполнению судебных актов. Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 утверждена государственная программа развития судебной системы, предусматривающая создание электронного архива документов с целью перехода на принудительное исполнение в электронной форме. Верховный Суд РФ в своих постановлениях о рассмотрении и разрешении дел в приказном[1] и упрощенном производстве[2] предусмотрел возможность направления судом по просьбе взыскателя судебного приказа для исполнения в форме электронного документа, подписанного электронной квалифицированной подписью. Аналогичные нормы были заложены позже в ч. 3 ст. 319 АПК РФ, ч. 6 ст. 229.5 АПК РФ; ч. 1 и ч. 2 ст. 130, ч. 3, ч. 5 ст. 428 ГПК РФ; ч. 2 ст. 123.8, п. 9 ст. 353 КАС РФ;

- отказ от составления мотивированного решения. Освобождение судей от обязанности готовить судебные акты без мотивировочной части продиктовано глобальными процессами сближения различных правовых систем, что не может влиять на результаты судебной деятельности в Российской Федерации.

Исключение в проекте предусмотрено по делам, рассмотренным в порядке заочного производства, и при рассмотрении дел:

1) по спорам о детях;

2) о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью;

3) о правах граждан на жилое помещение;

4) о восстановлении на работе (службе);

5) о защите пенсионных прав;

6) о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц;

7) по корпоративным спорам;

8) связанных с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;

9) с участием иностранных лиц, в том числе иностранного государства. По этим делам проект предусматривает обязательное составление мотивированного решения.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П указывается, что ничто не дает такой повод для подозрений суда в пристрастности, как отсутствие мотивированности решения. Наметившаяся системность вынесения подобных решений выступает свидетельством необъективности либо отсутствия профессиональных качеств у судьи, в отношении которого должен рассматриваться вопрос о применении мер ответственности [3]. В отдельных актах Конституционный Суд РФ называет мотивированность судебного акта одной из процессуальных гарантий реализации права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, обосновывая правовыми позициями Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

При проверке вышестоящими судебными органами отсутствие мотивов не позволяет проверить иные требования судебного акта, его законность и обоснованность. В данном случае речь идет о выявлении и устранении судебной ошибки в рамках проверки вышестоящей судебной инстанцией судебного решения, материалов дела и отмене и (или) изменении судебного акта. Нередко отсутствие аргументов позволяет вышестоящей инстанции определить, что: выводы суда первой инстанции не соответствуют обстоятельствам дела; без приведения доводов суд отверг доказательства; суд первой инстанции оставил без внимания конкретные обстоятельства дела и пр. Вместе с тем наметилась тенденция рассматривать результаты судебной деятельности в пользу авторитета судебного органа власти, отказа от нигилизма в праве, укрепления законности и правопорядка, предупреждения правонарушений, формирования уважительного отношения к закону и суду.

Вызывает замечание слово «формирование», тогда как в других странах, например в США, Англии, Германии и др., незыблемым требованием для судьи является признание его обществом авторитетом в праве.

[1] О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2016 г. № 62 // Рос. газ. 2017. 3 янв.

[2] О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2016 г. № 62 // Рос. газ. 2017. 25 апр.

В связи с переходом российского права на «стандарты доказывания» акты вышестоящих судебных органов рассматриваются в рамках судебного толкования и управления, а те соображения (мотивы), по которым суд пришел к своему решению, наделяют судебный акт признаком убедительности. Так, что существенно и фундаментально: убедительность судебного акта и (или) авторитет судебного органа власти. Слабо мотивированный либо немотивированный судебный акт зачастую непонятен лицам, участвующим в деле, и потому он неубедителен и снижает авторитет принявшего его суда[1]. Недостаточная мотивированность судебных актов может рассматриваться не только как недостаток или дефектность, но и как компонент недопустимой судебной ошибки.

Неудовлетворительная работа, пишет М. С. Маркунин, может быть выражена, в частности, в вынесении немотивированных судебных актов [7]. Немотивированность судебных решений, по мнению автора, заключается в отсутствии выводов относительно какого-либо довода стороны по делу либо в отсутствии ссылки на законодательство, которое суд применяет и т. д.

От полноты и последовательности мотивировочной части решения зависит формирование уважительного отношения к закону и суду (ст. 2 ГПК РФ, п. 5 ст. 2 АПК РФ), качество отправления правосудия, контролируемое вышестоящими судебными органами власти. Мотивировочная часть представляет собой самую сложную и объемную часть судебного решения. Сегодня отказ от мотивировочной части решения вызван необходимостью высвобождения значительного количества времени, усилий судьи, денежных затрат на изготовление судебных актов и низкого процента обжалования судебных актов[2].

Отсутствие структурной единицы (мотивировочной части судебного решения) в содержании судебного акта рассматривается не только в разрезе юридической техники (для России сокращенная форма судебного акта приемлема была только для судебного приказа), но и того, что судья подошел к рассмотрению и разрешению юридического дела поверхностно и не исследовал надлежащим образом необходимые обстоятельства. Отказные определения и вовсе называют отписками. Степень доверия общества и граждан к суду и повышение его авторитета согласуются с принципом «быть выслушанным судом», прямо закрепленным, например, в Конституции Германии и в Гражданском процессуальном уложении Германии.

В российском процессуальном праве данный принцип прямого закрепления не имеет, и лишь Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 12 марта 2001 г. № 4-П назвал «право быть услышанным» общеправовым принципом и привел пример этого древнеримского принципа: *audi alteram partem* – «выслушать обе стороны» в рамках справедливого правосудия.

Общество и граждане в целом должны иметь гарантии, что будут не только выслушаны, но и услышаны судом. И такой гарантией является написание мотивированного судебного решения. «Правосудие должно быть не только совершено, но и должно быть видно, что оно совершено»[3]. Конституции ряда европейских государств закрепляют требование мотивированности судебных актов и действий судебной власти как конституционно-правовой принцип [5, с. 67–88]. В качестве примера: в дореволюционный период России решение суда по существу выносилось именем императора, в настоящий момент российский судья выносит решение именем «государства» – Российской Федерации, а в Германии судебное решение принимается и выносится именем «народа».

В России роль мотивированного решения воспринимается обществом как полноценная гарантия выслушанной и услышанной правовой позиции сторон, равный доступ к правосудию и возможность обжалования судебного акта проверочными инстанциями. Ведь для того, чтобы понять гражданам – стоит ли обжаловать судебное решение, – необходимо прочитать его мотивировку с анализом всех доводов и возражений сторон, объяснением, почему одни доказательства приняты судом, а другие отвергнуты.

Положительным является опыт арбитражных судов по предоставлению сторонами в су-

[1] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 июля 2007 г. № 2236/07 и от 18 сент. 2007 г. № 3894/07; О некоторых вопросах оформления судебных актов арбитражных судов в Российской Федерации : информ.-метод. письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 нояб. 2008 г. № ВАС-С01/КАУ-1864 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

[2] О судебном решении : постановление Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2003 г. № 23 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

[3] На проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : заключение Правительства РФ от 2 февр. 2018 г. № 856п-П4 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

дебный процесс проектов судебных актов в рамках устоявшейся позиции[1]. В арбитражном процессе активно реализуется право быть услышанным в суде.

Возможность обжалования судебных актов осложнена для проигравшей стороны необходимостью написания в установленный законом срок заявления об изготовлении судебного решения в окончательном виде. Иным лицам, не участвующим в деле, но о правах и обязанностях которых вынесено решение по существу, затруднительно обжаловать резолютивную часть решения. Поскольку в большинстве случаев упускается возможность получения текста решения суда в окончательной форме или в полном объеме (терминология разная по ГПК РФ и АПК РФ и требует унификации).

Спорная правовая ситуация может иметь следующее развитие событий: 1) при проверке апелляционной инстанции суд может согласиться с появлением в деле новых доказательств и новых обстоятельств, принять их, перейти по правилам первой инстанции с вынесением и изготовлением нового решения в полном объеме, а может не согласиться, и гражданин теряет процессуальные возможности; 2) может отменить и (или) изменить судебный акт (резолютивную или мотивировочную часть судебного решения, не изменяя исхода дела); 3) может обнаружить недостатки судебного решения, исправление которых не представляется возможным апелляционной инстанции.

Судебный акт может быть отменен и тем же судьей, что вынес последний судебный акт, таковой признается промежуточным актом, взамен которого выносится итоговое судебное решение. При иных дефектах судебного акта, допущенных судом в отсутствие самоконтроля и до вступления таковых в законную силу, исправление судебных актов предусматривает возможность изготовления текста в полном объеме, включая мотивировочную часть, по инициативе суда. Возникает неопределенность в процессуальном праве: изготовление текста судебного решения по инициативе какой судебной инстанции реализует данную гарантию. Вышестоящего или нижестоящего, при исправлении недостатков судебного решения и (или) существенных и фундаментальных нарушений материального и процессуального права. Где граница между безусловными основаниями отмены судебного решения и положениями ч. 6 ст. 330 ГПК РФ: правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним формальным соображениям.

Поэтапный переход от бумажного текста судебного решения до изготовления текста судебного акта на электронном носителе или в электронной версии приводит к ряду неординарных ситуаций:

1) например, недостатки, допущенные в протоколе судебного заседания, повлияли на законность судебного решения. Протокол, написанный с нарушениями норм процессуального права, признается судами, как и вовсе его отсутствие в материалах дела, и приводит к отмене судебного акта по безусловным основаниям;

2) текст подлинника судебного акта оказался короче, чем электронная версия судебного акта, размещенного в сети Интернет. Верховный Суд РФ сделал вывод о том, что устранить данные противоречия не представляется возможным. Наличие подобных разночтений недопустимо. Указанное нарушение является существенным и не позволяет признать данный судебный акт законным[2].

Требование к мотивировочной части означает соблюдение права на справедливый суд, гарантированного ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Вынесение столь краткого решения «в усеченной форме», из которого не следуют мотивы выводов суда, предполагает создание для граждан сложности с обжалованием судебного акта.

В романо-германской системе предусмотрена в определенных случаях сокращенная форма судебного решения: отсутствие мотивировочной и описательной части. Такое отступление предусмотрено для заочных решений, решений на основании признания требования или отказа от требования, решений, недопустимость обжалования которых очевидна. Во всех иных случаях требования к мотивировочной части зафиксированы в законе: содержит обоснование компетенции данного суда по рассматриваемому делу, а также краткое обобщение доводов, на которых решение основывается в фактическом и правовом отношениях, с указанием соответствующих правовых норм, установленных фактов и оценкой доказательств [8].

[1] Об утверждении инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций) : постановление пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 дек. 2013 г. № 100 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

[2] Постановление Верховного Суда РФ № 47-АД 16-4 от 6 июня 2016 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

В отличие от немецкого судебного решения французские судьи отличаются лаконичностью. Р. Давид указывает: «…решение, сжатое в одной фразе, считается здесь тем более совершенным, чем короче и выдержаннее в том самом концентрированном стиле, который понимают и которым восхищаются только опытные юристы» и далее: «…французские судебные решения понятны только посвященным, тогда как более развернутые немецкие решения читаются гораздо легче» [2, с. 90, 107]. В данном случае речь идет не только о языке и стиле судебных актов, стройность и понятность которых не вызывают замечаний, но присутствует ссылка на институт судебного профессионального представительства, дающий гарантию дальнейшего обжалования в условиях сокращенной формы решения.

Английские судьи не обосновывают свои приказы. Краткость изложения судебного решения характерна для производства по так называемым малым искам и для упрощенного производства. Те решения, которые выносятся в состязательном процессе, содержат анализ и оценку доказательств, установление фактов, отбор, толкование и применение материальных норм, кому и при каких условиях можно получить судебный акт. Английские барристеры и американские адвокаты на вопрос, почему у них низкий процент отмены судебных актов, указывают следующее: «Для того, чтобы пожаловаться, надо найти настолько резонные доводы, которые разрушат всю логику суда первой инстанции. А это ведь решения на десятки, а то и сотни страниц… суд настолько все мотивировал, разобрал все доводы оппонентов, так все подробно описал, почему доводы проигравшего оказались неприемлемыми, что сам понимаешь, что был не прав»[1].

Обычное молчание судебных органов власти, допущенное по мотивам принятия соответствующего правового акта, означает нарушение принципа справедливого судебного разбирательства (как точный и ясный ответ в уголовном судопроизводстве по вопросу приобщения экспертизы к материалам дела п. 52 постановления ЕСПЧ по делу «Красуля против Российской Федерации» от 22 февраля 2007 г.).

Признавая мотивированность как значимого требования, предъявляемого к судебному акту, ЕСПЧ подчеркивает, что положение ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не должно толковаться как обязывающее предоставлять подробный ответ по каждому приведенному доводу (п. 83 постановления ЕСПЧ по делу «Кузнецов и другие против Российской Федерации» от 22 февраля 2007 г.).

Российские судьи отождествляют требование обоснованности и мотивированности судебных актов[2], аргументируя отказ от мотивировки судебного акта имеющимися материалами дела. Вместе с тем только в мотивировочной части указываются обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд принял или отверг те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд. Данная часть судебного решения может включать разрешение процедурных вопросов: обеспечительные меры, вопросы о немедленном исполнении и прочее, влияющие на исход дела.

В российском гражданском процессуальном праве судебные органы выносят заочные решения, где сохраняются требования к мотивировочной части, а судебные приказы, выдача которых осуществляется в приказном производстве, не содержат описательной и мотивировочной части, хотя эти требования прямо предусмотрены ч. 5 п. 1 ст. 127 ГПК РФ. Последние акты условно можно назвать промежуточными решениями, поскольку право заявительного характера на обжалование возлагается на стороны и в дальнейшем они не лишены возможности вновь инициировать рассмотрение дела, но уже в исковом или упрощенном производстве.

В первом случае отмена заочного решения происходит на основании заявления об отмене решения по существу (ст. 237–242 ГПК РФ), а во втором случае отмена судебного приказа происходит на основании возражения относительно исполнения (ст. 129 ГПК РФ).

Иные особенности связаны с итоговыми судебными актами мировых судей и районными (городскими) судами в порядке упрощенного производства, не предусматривающими обязательное составление мотивированного решения. Таковыми являются: определение возможности оспорить решение суда первой инстанции исключительно на основании резолютивной части решения, заявительный характер на принятие решения в окончательной форме в гражданском процессе или решения в полном объеме в арбитражном процессе, а в отдельных случаях не подлежащий восстановлению процессуальный

[1] Бевзенко Р. Есть ли смысл в освобождении судей от обязанности готовить судебные акты с мотивировкой? // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

[2] О судебном решении: постановление Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2003 г. № 23 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

срок в порядке ст. 112 ГПК РФ в гражданском судопроизводстве. Таким примером является Определение Демского районного суда г. Уфы (Республика Башкортостан) от 25 февраля 2016 г. по делу № 11-19/2016: не предусмотрено обжалование определений первой инстанции по результатам обращения сторон о составлении мотивированного решения, поскольку действующим Гражданским процессуальным кодексом данное определение не исключает возможность дальнейшего движения дела, так как стороны вправе подать апелляционную жалобу на состоявшееся решение. Речь идет об обжаловании резолютивной части решения, что для граждан является крайне затруднительным. В арбитражном процессе этот вопрос был решен Верховным Судом РФ в рамках допустимости применения по аналогии норм ГПК РФ, предусматривающих изготовление мотивировочной части решения суда первой инстанции при обжаловании заявителем решения в апелляционной инстанции. Но остается и другая ситуация, когда граждане и юридические лица лишаются права обжаловать отказные определения, поскольку в арбитражном процессе отдельно от итогового решения могут обжаловаться те акты, что затрудняют движение дела. Остальные определения обжалуются только совместно с решением по существу.

Вместе с тем отсутствие мотивированности судебного акта в гражданском и арбитражном процессуальном праве не влечет безусловного основания к отмене. В литературе отмечается, что в отдельных судебных актах могут отсутствовать «отдельные доводы и доказательства сторон… а их аргументация сводится к ничем не подкрепленным констатациям», либо появилась тенденция при предварительной процедуре рассмотрения кассационных и надзорных жалоб в Верховном Суде РФ выносить шаблонную мотивировочную часть определения об отказе в передаче жалоб на рассмотрение в судебном заседании» [6, с. 19].

Вместе с тем в п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П была выражена правовая позиция по природе отказного определения и предварительной процедуры как ненарушающей права на судебную защиту. Безусловно, существуют судебные акты, которые отдельно от решения не обжалуются в вышестоящие инстанции, но и отсутствие или искажение мотивов принятия промежуточных определений могут повлиять на оценку исхода дела и итоговый судебный акт.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П указывается, что ничто не дает такой повод для подозрений суда в пристрастности, как отсутствие мотивированности решения. Наметившаяся системность вынесения подобных решений выступает свидетельством необъективности либо отсутствия профессиональных качеств у судьи, в отношении которого должен рассматриваться вопрос о применении мер ответственности [3, с. 36–39].

Депутаты Государственной думы РФ единогласно одобрили во втором чтении реформу процессуального законодательства в России с учетом заключения Правительства РФ от 2 февраля 2018 г. № 856п-П4[1]. После первого чтения законопроект изменился: из него убрали идею отказа от составления мотивировочной части решения суда в качестве общего правила, поскольку она могла привести к фактическому ограничению права на доступ к правосудию, к усилению закрытости судебной власти.

В настоящее время ч. 3 ст. 199 ГПК РФ, ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ предусмотрена возможность судьи не составлять мотивированное решение по рассмотренному делу, что является затруднительным для граждан и усложняет порядок обжалования судебных актов в установленный законом срок. Процедура упрощенного производства предполагает рассмотрение дела по существу в состязательном процессе с учетом позиции обеих сторон спора, но с сокращенными временными и финансовыми затратами сторон и временными затратами суда. Требования, рассматриваемые в упрощенном порядке, как правило, не являются бесспорными. Однако их обоснованность легко проверяется по представленным сторонами документам без необходимости личного участия в судебном заседании. Результаты рассмотрения и разрешения, согласно ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ в форме вынесения судом резолютивной части решения, граждане должны отслеживать по движению дела, размещенного на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникативной сети Интернет. Дата вынесения судом и подписания резолютивной части решения считается датой принятия решения (ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ).

[1] На проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : заключение Правительства РФ от 2 февр. 2018 г. № 856п-П4 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Процедура вынесения решения в упрощенном порядке сближается с процедурой выдачи судебного приказа: стороны в суд не вызываются, протокол судебного заседания не ведется, предварительного судебного заседания не проводится, разбирательство дела не откладывается. Основными категориями гражданских дел, рассмотренных районными (городскими) судьями в порядке упрощенного производства, являются иски о взыскании сумм по договору займа, кредитному договору; споры, связанные с наследованием имущества; споры, возникающие из трудовых правоотношений и пр. Результаты и порядок обжалования таких социально значимых категорий дел вызывают некоторые сложности у граждан. Решение суда общей юрисдикции по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, приводится в исполнение по истечении сокращенного срока на апелляционное обжалование (ст. 209, ст. 210, ч. 1 ст. 232.1 ГПК РФ) или после его вынесения в случаях обращения судом решения к немедленному исполнению.

В условиях социальных и политических перемен требует переосмысления новая формирующаяся модель гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Переход на новые информационные технологии, появление новой процессуальной формы электронного судебного решения, процессуальных документов, иных технических возможностей рассмотрения и разрешения споров свидетельствуют о модернизации отечественного процессуального права. Изменение российской судебной системы должно осуществляться поэтапно, с научным осмыслением должного и возможного. Новые юридические конструкции и новое качество процессуальных правоотношений должны отвечать требованиям доступности, ясности, эффективности и правовой определенности.

Список литературы

1. Боднар А. М. Общая психология (память) : учеб. пособие. Екатеринбург, 2006. 187 с.

2. Давид Р., Жоффре Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1996. 400 с.

3. Дегтярев С. Л. К вопросу об ответственности судебной власти и судей в Российской Федерации // Арбитраж. и гражд. процесс. 2007. № 12. С. 36–39.

4. Зайцев О. В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России : дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. 447 с.

5. Кудрявцева Е. В., Прокудина Л. А. Как написать судебное решение. М. : Юрайт, 2012. 152 с. (Серия «Профессиональные навыки юриста»).

6. Малюкина А. Суд не мотивировал свое решение. Можно ли отменить судебный акт // Арбитраж. практика для юристов. 2018. № 2. С. 18–22.

7. Маркунин Р. С. Система юридической ответственности судебной власти // Рос. юстиция. 2018. № 7. С. 50–52.

8. Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // Междунар. публ. и частн. право. 2008. № 2. С. 11–13.

9. Туманов Д. А., Алехина С. А. О некоторых тенденциях развития гражданского процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 12–28.

10. Ференс-Сороцкий А. А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. 1991. № 4. С. 31–35.

УДК 347.9

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ

Латынин Олег Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
Председатель Арбитражного суда Республики Крым, г. Симферополь, e-mail: nradost1972@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES ARISING IN JUDICIAL PRACTICE WHEN CONSIDERING DISPUTES ON CHALLENGING THE RESULTS OF DETERMINING THE CADASTRAL VALUE

Oleg Latynin
Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines
Crimean branch of The Russian State University of Justice, The Chairman of the Commercial court of the Republic of Crimea, Simferopol, Republic of Crimea

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены некоторые особенности судебного оспаривания результатов определения кадастровой стоимости. Сделан вывод о необходимости совершенствования арбитражного процессуального законодательства, регламентирующего производство по данной категории дел.

ABSTRACT

The article is devoted to some features of judicial challenge to the results of determining the cadastral value. The author has concluded that it is necessary to improve the arbitration procedure legislation regulating the production of this category of cases.

Ключевые слова: оспаривание кадастровой стоимости; кадастровая стоимость; процесс оспаривания; арбитражный суд.

Keywords: challenging cadastral value; cadastral value; contest process; arbitration court.

В соответствии с положениями действующего законодательства, кадастровая стоимость является налоговой базой для расчета земельного налога, налога на имущество физических лиц, налога на имущество организаций, а также подлежит применению для расчета арендной платы по договорам аренды государственной или муниципальной собственности.

Нормативное определение кадастровой стоимости содержится в Федеральном законе «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», согласно положениям которого кадастровой является стоимость, установленная в результате проведения государственной кадастровой оценки или в результате рассмотрения споров о результатах определения кадастровой стоимости либо определенная в случаях, предусмотренных законом. В настоящее время зачастую понятие кадастровой стоимости отождествляют с понятием рыночной стоимости на дату ее оценки [1; с. 60].

В современный период наблюдается тенденция увеличения количества споров об оспаривании результатов кадастровой стоимости, поскольку действующий механизм кадастрового оценивания не позволяет в полной мере обеспечить учет особенностей конкретных объектов.

Под оспариванием результатов определения кадастровой стоимости понимается предъявление любого требования, возможным результатом удовлетворения которого является изменение кадастровой стоимости объектов недвижимости, включая оспаривание решений и действий (бездействия) Комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости[1].

[1] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

С принятием Федерального закона от 4 июня 2014 г. № 143-ФЗ произошло изменение подведомственности дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. Так, ранее рассмотрение данной категории дел осуществлялось арбитражными судами субъектов Российской Федерации по правилам гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ. В настоящее время рассмотрение административных дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости осуществляется в порядке гл. 25 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации верховными судами республик, краевыми, областными судами, судами городов федерального значения, судом автономной области и судами автономного округа.

Изменение подведомственности данной категории дел вне зависимости от субъектного состава способствует формированию единообразной практики рассмотрения дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости.

На законодательном уровне установлено два основания, по которым возможно оспаривание кадастровой стоимости, а именно недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости, и установление в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую установлена его кадастровая стоимость.

Рассмотрение споров о результатах определения кадастровой стоимости, в соответствии с п. 9 ст. 24.11 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», осуществляется с учетом особенностей, установленных данным законом.

Спорным представляется вопрос о необходимости назначения судебной оценочной экспертизы в рамках рассмотрения дела. Несмотря на отсутствие императивного требования о необходимости назначения судебной экспертизы, в настоящее время суды назначают судебную оценочную экспертизу по делам об оспаривании кадастровой стоимости по собственной инициативе.

Исходя из разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда РФ в п. 23 Постановления № 28 от 30 июня 2015 г., мы приходим к выводу, что цель назначения и проведения судебной оценочной экспертизы состоит в определении действительной рыночной стоимости объекта и установлении наличия или отсутствия факта нарушения требований законодательства при составлении отчета об оценке рыночной стоимости объекта, которые могли повлиять на определение итоговой величины рыночной стоимости, а также является ли информация, использованная оценщиком, достоверной, достаточной и проверяемой.

Из системного толкования норм процессуального законодательства следует, что отчет об оценке и экспертное заключение саморегулируемой организации на отчет об оценке не имеют для суда заранее установленной силы и оцениваются наравне с другими доказательствами. В данной связи полагаем, что назначение судебной оценочной экспертизы при рассмотрении указанной категории дел представляется необходимым и обоснованным, а также может гарантировать установление реальной рыночной стоимости.

В соответствии с положениями п. 4 ч. 2 ст. 246 КАС РФ к заявлению об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости прилагается отчет, составленный на дату, по состоянию на которую была определена кадастровая стоимость объекта недвижимости. При этом непредставление данного документа влечет за собой негативные последствия для заявителя, в частности является основанием для оставления заявления без движения, а в случае неустранения недостатков – основанием для его возвращения. Суд оставляет заявление без рассмотрения, если истцом в установленный судом срок нарушения не будут устранены, в случаях, если факт отсутствия отчета об оценке, составленного на дату, по состоянию на которую была определена кадастровая стоимость объекта недвижимости, выяснится в ходе рассмотрения дела[1].

Особое значение представляет вопрос, относятся ли затраты на подготовку отчета оценщика об определении рыночной стоимости объектов недвижимости и проведение его экспертизы к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела.

До принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» существовала неоднозначная судебная практика отнесения к судебным издержкам связанных с рассмотрением дела затрат, понесенных в связи с оплатой услуг оценщика. Однако с принятием указанного Постановления, Пленум Верховного Суда РФ однозначно разъяснил, что в состав судебных издержек могут быть включены расходы, понесенные заявителем в связи с собиранием доказательств до предъявления заявления в суд, в случае, если такие расходы были необходимы для реализации права на обращение в суд.

[1] О некоторых вопросах, возникающих …

Кроме того, поскольку соблюдение досудебного порядка урегулирования спора является обязательным для юридических лиц, то издержки на подготовку отчета об оценке недвижимости при оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объекта недвижимости признаются судебными и подлежат возмещению.

Особое внимание необходимо уделить проблеме возмещения судебных расходов при оспаривании результатов кадастровой стоимости. Поскольку гл. 25 КАС РФ не предусмотрено иного, то судебные расходы подлежат распределению по правилам гл. 10 КАС РФ, т. е. в случае удовлетворения требований об установлении рыночной стоимости объекта судебные расходы взыскиваются с органа, утвердившего результаты определения кадастровой стоимости.

Интерес представляет позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная в п. 31 Постановления № 28 от 30 июня 2015 г., согласно которой в случаях, когда заинтересованным лицом не оспаривается установление кадастровой стоимости в размере рыночной ни по основаниям возникновения, ни по содержанию, то судебные расходы подлежат отнесению на заявителя. Высшей судебной инстанцией в данном случае разъяснено, что решение по такому делу не может быть истолковано как принятое против заинтересованного лица, поскольку последнее не имеет юридических интересов, противоположных интересам заявителя. Таким образом, в случае, если заинтересованным лицом в ходе рассмотрения дела представлены возражения по требованиям заявителя и судебный акт принят в пользу заявителя, то судебные расходы относятся на заинтересованное лицо.

Высшей судебной инстанцией также сформированы определенные правила распределения судебных расходов. В частности, если результаты определения кадастровой стоимости оспорены по основанию недостоверности сведений об объекте оценки и требования удовлетворены судом, то судебные расходы подлежат взысканию с органа, утвердившего результаты государственной кадастровой оценки. Если пересмотр кадастровой стоимости осуществлялся ввиду наличия технической ошибки в сведениях об объекте оценки, то расходы относятся на орган, допустивший такую ошибку.

При определении величины взыскиваемых судебных расходов с целью поддержания баланса интересов сторон представляется верным определять подлежащие взысканию судебные расходы соразмерно сложности конкретного дела, учитывая факт наличия или отсутствия вины ответчиков, установленной в судебном порядке, при установлении кадастровой стоимости.

Поскольку до настоящего времени указанные положения не получили своего закрепления на уровне федерального законодательства, считаем необходимым внесение изменений в процессуальное законодательство с целью его совершенствования. В частности, считаем целесообразным закрепление особенностей распределения судебных расходов по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости.

Список литературы

1. Барамзин К. Н. К вопросу оспаривания кадастровой стоимости // Оценка инвестиций. 2016. № 1. С. 59–62.

УДК 347.91

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Никитина Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского, административного судопроизводства и организации судебной деятельности, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, e-mail: n-v-nikitina@mail.ru

PROFESSIONAL LEGAL REPRESENTATION IN CIVIL PROCEEDINGS

Natalia Nikitina

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil, Administrative Justice and Organization of Judicial Activities, The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Освещается один из существенных вопросов в институте судебного представительства, связанный с оказанием профессиональной квалифицированной юридической помощи. Анализируются теоретические подходы, позволяющие составить целостное представление о квалифицированной юридической помощи. Исследуются правовая основа и законодательная база обозначенной проблемы.

ABSTRACT

This article covers one of the significant issues in the institute of legal representation related to the provision of professional qualified legal assistance. The author analyzes the theoretical approaches that allow to form a holistic view of qualified legal assistance. The legal basis and legislative base of the indicated problem is investigated.

Ключевые слова: профессиональное представительство; квалифицированная юридическая помощь; судебное представительство; представитель; адвокат.

Keywords: professional representation; qualified legal assistance; legal representation; representative; lawyer.

Основы судебного представительства заложены в Конституции РФ. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 48 право на получение квалифицированной юридической помощи гарантировано каждому. В предусмотренных законом случаях юридическая помощь оказывается бесплатно[1]. Проанализировав действующее законодательство и научную литературу, можно прийти к выводу о том, что на данный момент легальное определение понятия «квалифицированная юридическая помощь» отсутствует, что влечет за собой неопределенность в вопросе обеспечения государством права граждан, закрепленного в указанной норме Конституции РФ.

На протяжении длительного времени в юридической науке ведется дискуссия о необходимости введения норм, регламентирующих профессиональное представительство. В теории гражданского процесса имеется ряд исследований, рассматривающих данную проблему. Однако среди исследователей также отсутствует единство мнений. Квалифицированная юридическая помощь рассматривается как исключительно адвокатская деятельность либо как деятельность лиц, которые обладают специальными знаниями в области права и соответствующими профессиональными навыками. Следует отметить, что основой указанных определений является субъект оказания квалифицированной юридической помощи, в связи с чем не дается конкретного понятия «квалифицированной юридической помощи».

На данный момент институт представительства все более отдаляется от оказания квалифицированной юридической помощи и, естественно, требует специального процессуального регулирования. Собственно, иного и быть не может, ведь данная деятельность обеспечивает реализацию конституционного права граждан. Тем не менее действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ по-прежнему в качестве единственного ценза, предъявляемого к представите-

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

лю, указывает наличие у него полной дееспособности. Иными словами, лицо, участвующее в деле, вправе обратиться к любому дееспособному гражданину, обладающему необходимыми и достаточными юридическими знаниями и навыками для оказания квалифицированной юридической помощи, независимо от того, осуществляет он такую деятельность на профессиональной основе или нет [6]. Однако если лицо, участвующее в деле, поручает ведение дела в суде адвокату, то в этом случае помимо общих правил о судебном представительстве необходимо учитывать положения Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1]. В силу подп. 4 п. 2 ст. 2 названного Федерального закона, оказывая юридическую помощь, адвокат участвует в качестве представителя в гражданском судопроизводстве. При этом согласно п. 4 указанной статьи представителями организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления в гражданском судопроизводстве могут выступать только адвокаты, за исключением случаев, когда эти функции выполняют работники, состоящие в штате указанных организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления, если иное не установлено [Там же]. В данном случае речь идет уже о профессиональном представительстве. Ряд новелл в правовом регулировании данного вопроса содержится также в Кодексе административного судопроизводства РФ[2]. Сказанное ранее можно рассматривать в качестве попытки разрешения остро стоящего в Российской Федерации вопроса о гарантиях обеспечения квалифицированной юридической помощи. Но, с другой стороны, такой подход можно расценивать как подготовительный этап для введения адвокатской монополии, обозначенной в государственной программе «Юстиция»[3].

Однако безапелляционное отнесение к категории профессионального судебного представительства лишь деятельности, оказываемой лицами, наделенными статусом адвоката, по мнению М. В. Богомолова, представляется ошибочным. Так как в связи с этим можно прогнозировать, что применение норм оказания квалифицированной юридической помощи в рамках представительства будет вынуждать граждан прибегнуть к услугам адвокатов, которые в подавляющем большинстве платные, либо участвовать в судопроизводстве самостоятельно, что не лучшим образом скажется на ситуации с доступностью и качественностью правосудия [2].

Д. В. Ленкауцан полагает, что квалифицированная юридическая помощь – это деятельность не только адвоката, круг субъектов, которые оказывают такую помощь, велик, а квалифицированная юридическая помощь может оказываться в любом виде судопроизводства [4].

Н. С. Потапенко считает, что заслуживает внимания точка зрения о том, что кандидатам и докторам юридических наук должно быть дозволено представительствовать, даже если они не адвокаты. С другой стороны, многообразие гражданско-правовых споров позволяет утверждать, что даже опытный адвокат не может являться квалифицированным специалистом в любой правовой сфере. Возникает вопрос о том, почему о необходимой квалификации свидетельствует только лишь юридическое образование, ведь специалисты в сфере таможенного, банковского дела, антикризисного управления по определенным категориям дел зачастую могут оказать более квалифицированную помощь. Поэтому такой чисто формальный критерий, как наличие высшего юридического образования или ученой степени в сфере права, а также наличие адвокатского статуса не дают реальной гарантии оказания квалифицированной помощи [6].

Ряд процессуалистов, таких как А. Л. Миронов, В. И. Баловнева, Д. О. Баловнев, анализируя право на получение квалифицированной юридической помощи, особо выделяют вывод о том, что следует отказаться от сужения круга лиц, имеющих право оказывать квалифицированную юридическую помощь, так как это приведет к отрицательным последствиям, но при этом необходимо предусмотреть в законе ответственность за оказание неквалифицированной юридической помощи и механизм ее реализации [1; 5]. В решении задачи обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь важно не перестараться и не ввести множество административных барьеров, граничащих с невозможностью реализации права на судебную защиту.

В связи с этим представляется обоснованным суждение В. А. Гука, который полагает не

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[3] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» : постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 312 // Собр. законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. 2). Ст. 2158.

вполне оправданными предложения М. В. Богомолова о реализации «концепции профессионального процессуального представительства», основанной на принципе «профессиональности» оказываемых услуг, которая предполагает введение для потенциальных представителей образовательного ценза сдачу квалификационных экзаменов и дальнейшую регистрацию лиц, успешно их сдавших, в качестве имеющих право осуществлять процессуально-представительскую деятельность на профессиональной основе с выдачей соответствующего свидетельства, а также создание кодекса профессиональной этики [2; 3].

На основании всего вышеизложенного, можно заключить, что вопрос о профессиональном представительстве в гражданском процессе по-прежнему сохраняет свою актуальность. Существует множество вопросов, требующих законодательного разъяснения, поэтому Закон о квалифицированной юридической помощи просто необходим. Он должен, прежде всего, четко определить самостоятельное процессуальное положение лиц, которые будут оказывать квалифицированную юридическую помощь, а также закрепить легальное определение рассматриваемого понятия. В этом случае институт представительства будет обеспечивать те задачи, ради которых он и был основан, а именно носящий, с одной стороны, правозащитный характер, а с другой стороны, способствующий своевременному и правильному рассмотрению гражданских дел. Однако институциональная составляющая не является гарантией ее реализации на практике [6]. Многое зависит от действительного профессионализма и ответственности самих судебных представителей, а также от стремления судей создать в гражданском процессе обстановку подлинной состязательности с участием профессиональных судебных представителей.

Список литературы

1. Баловнева В. И., Баловнев Д. О. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути решения // Право: история, теория, практика : материалы IV Междунар. науч. конф. СПб, 2016. С. 53–55.

2. Богомолов М. В. Институт судебного представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 202 с.

3. Гук В. А. Представительство в гражданском процессе: правозащитная функция и актуальные вопросы совершенствования законодательства // Юрид. наука и правоохран. практика. 2014. № 2 (28). С. 22–28.

4. Ленкауцан Д. В. Проблемы толкования понятия квалифицированной юридической помощи // Молодой ученый. 2018. № 7. С. 133–136.

5. Миронов А. Л. Реализация конституционного права человека и гражданина на получение квалифицированной юридической помощи при осуществлении правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 243 с.

6. Потапенко Н. С. Проблемы профессионального судебного представительства в гражданском процессе // Кубанское агентство судебной информации : юрид. сетев. электрон. науч. журн. 2017. № 1. С. 70–81.

УДК 343.8

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО ИТОГАМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА УЧРЕЖДЕНИЯМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Андреева Юлия Васильевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Красноярского государственного аграрного университета
председатель Общественной наблюдательной комиссии Красноярского края, г. Красноярск
e-mail: sibupnis@mail.ru

ATTRACTION TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MEMBERS OF THE PUBLIC OBSERVING COMMISSIONS ON THE RESULTS OF IMPLEMENTATION OF THE CONTROL OF INSTITUTIONS OF CRIMINAL AND EXECUTIVE SYSTEMS

Yulia Andreyeva
Associate professor of the chair of criminal law and criminology
Krasnoyarsk State Agrarian University Candidate of Law Sciences, associate professor
Chairman of the public monitoring Committee of the Krasnoyarsk territory, Krasnoyarsk

АННОТАЦИЯ

Приводятся решения судов первых и апелляционных инстанций по привлечению членов Общественных наблюдательных комиссий (ОНК) к административной ответственности по ст. 5.59, 13.11, 19.3, 19.12, 19.32 КРФ об АП с целью правового информирования последних и предупреждения совершения ими правонарушений; сформулировано предложение по порядку информирования ОНК о судебных решениях, выносимых в субъектах Российской Федерации в отношении членов ОНК.

ABSTRACT

The article cites the decisions of the courts of the first and appellate instances to involve members of the Public Supervisory Commissions (PSC) in administrative responsibility under Art. 5.59, 13.11, 19.3, 19.12, 19.32 CRF on AP for the purpose of legal informing the latter and preventing the commission of offenses; a proposal was made on the procedure for informing the PSC about court decisions in the subjects of the Russian Federation regarding members of the PSC.

Ключевые слова: общественная наблюдательная комиссия; члены общественной наблюдательной комиссии; уголовно-исполнительная система; учреждения уголовно-исполнительной системы; привлечение к ответственности членов общественной наблюдательной комиссии.

Keywords: a public supervisory commission, members of the public supervisory commission, the penitentiary system, the institutions of the penitentiary system, prosecution of members of the public supervisory commission.

Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – Федеральный закон об общественном контроле) регламентируется деятельность общественных наблюдательных комиссий (далее – ОНК). Согласно п. 1 ст. 15 данного Федерального закона к основным формам деятельности ОНК относится посещение мест принудительного содержания граждан.

В ч. 2 ст. 16 Закона об общественном контроле регламентировано то, что при осуществ-

лении своих полномочий члены ОНК обязаны соблюдать положения нормативных правовых актов, регулирующих работу мест принудительного содержания, а также подчиняться законным требованиям их администраций.

Однако по итогам осуществления контроля нередко члены ОНК привлекаются к административной ответственности.

Так, член ОНК П. проследовала в режимное учреждение территориального подразделения УФСИН России по Мурманской области, имея при себе люксометр.

Впоследствии органом административной юрисдикции в отношении нее был составлен протокол по ч. 2 ст. 19.3 КРФ об АП[1].

Однако постановлением судьи Октябрьского районного суда г. Мурманска от 12 декабря 2013 г. было принято решение производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 19.3 КРФ об АП, в отношении члена ОНК П. прекратить, в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Суд, обосновывая свое решение, сослался на п. 150.1 и 160 Инструкции по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Министерства юстиции РФ от 15 февраля 2006 г. № 21-дсп, на основании которой члены ОНК обязаны сдавать при проходе на территорию следственного изолятора лишь средства мобильной связи и оружие [4][2].

Далее, за нарушение требований уголовно-исполнительного законодательства при посещении исправительной колонии УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области к административной ответственности был привлечен член ОНК П.

Нарушение правопорядка членом ОНК заключалось в том, что при посещении исправительного учреждения (далее – ИУ) он взял с собой конверт с обращением осужденного и отказался выполнить законные требования сотрудника о прохождении процедуры регистрации данного документа.

Ленинградской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 2 ст. 19.32 КРФ об АП[3] в отношении П. и направлено на рассмотрение в суд, который, согласившись с позицией спецпрокурора, 22 июня 2016 г. вынес решение о его привлечении к административной ответственности, назначив наказание в виде штрафа в сумме 600 руб. [7][4].

Другим аналогичным примером послужит случай, когда С., являясь членом ОНК Ростовской области, при посещении учреждения уголовно-исполнительной системы принял от осужденного к лишению свободы жалобу в письменном виде и вынес ее за пределы территории ИУ без ее регистрации.

По итогам проведенной проверки было вынесено постановление о возбуждении дела об административном правонарушении по ч. 2 ст. 19.32 КРФ об АП в отношении С. и постановлением от 27 сентября 2011 г. мирового судьи судебного участка № 7 Ворошиловского района г. Ростова-на Дону ему было назначено наказание в виде административного штрафа в размере 750 руб. [3][5].

Далее, Е., являясь членом ОНК Ростовской области, 26 января 2015 г., находясь в кабинете младшего инспектора в ИУ ГУФСИН России по Ростовской области, приняла от осужденного, отбывающего наказание в данной исправительной колонии, запечатанный конверт, адресованный председателю ОНК, с находившимся внутри письмом этого осужденного, предназначен-

---

[1] В данном составе административного правонарушения предусмотрена ответственность за неповиновение гражданина законному распоряжению или требованию сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы при исполнении ими обязанностей по обеспечению безопасности и охране этих учреждений, поддержанию в них установленного режима, охране и конвоированию осужденных (подозреваемых, обвиняемых).

[2] Постановление судьи Октябрьского районного суда г. Мурманска от 12 дек. 2013 г. в отношении члена ОНК Мурманской области П. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/ujlSWeq8w4V6/ (дата обращения: 02.06.2018).

[3] В данном составе административного правонарушения предусмотрена ответственность за нарушение членом ОНК требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов по вопросам исполнения наказаний, а также невыполнение законных требований администрации места принудительного содержания.

[4] Член Общественной наблюдательной комиссии Санкт-Петербурга П. привлечен к административной ответственности за нарушение требований уголовно-исполнительного законодательства [Электронный ресурс] // УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области : сайт. URL: http://78.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=261583 (дата обращения: 02.06.2017).

[5] Постановление мирового судьи судебного участка № 7 Ворошиловского района г. Ростова-на Дону от 27 сент. 2011 г. в отношении члена ОНК Ростовской области С. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-9-voroshilovskogo-rajona-g-rostova-na-donu-s/act-201744130/ (дата обращения: 02.06.2018).

ного его жене. Данный конверт Е. не представила для регистрации в отдел специального учета или в канцелярию исправительной колонии. Зная о находившемся при ней конверте с незарегистрированной почтовой корреспонденцией осужденного, на контрольно-пропускном пункте Е. отрицательно ответила на неоднократные вопросы сотрудников исправительной колонии о наличии у нее предметов или вещей, которые необходимо предъявить либо передать администрации ИУ, осуществив попытку выноса данного конверта. Однако в ходе досмотра на контрольно-пропускном пункте названный конверт с незарегистрированной почтовой корреспонденцией осужденного был у Е. изъят, с составлением соответствующего акта. Действия Е. квалифицированы по ч. 2 ст. 19.32 КРФ об АП [6][1].

В качестве следующего примера приведем ситуацию, когда член ОНК Ростовской области П. самостоятельно проследовал в административное здание исправительной колонии, расположенное за пределами территории колонии, и без разрешения администрации вошел в кабинет отдела специального учета, в котором хранятся личные дела осужденных, и попытался ознакомиться с личным делом осужденной. Таким образом, в действиях члена ОНК П. усмотрели признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.32 КРФ об АП. Постановлением мирового судьи от 26 сентября 2011 г. производство по делу об административном правонарушении, установленном ч. 2 ст. 19.32 КРФ об АП, в отношении П. было прекращено за отсутствием состава административного правонарушения [2][2].

Дальше, член ОНК Ростовской области Е. 23 июля 2014 г. в интернете по URL адресу: http://gulagu.net/profile/2914/blog/3939.html/ разместила обращение жены осужденного, направленное в адрес заместителя председателя ОНК Ростовской области. В тексте обращения были указаны персональные данные осужденного – фамилия, инициалы, адрес, сведения о документе, удостоверяющем личность, сведения о личной жизни, а также его персональные данные – фамилия, имя, отчество, год рождения, сведения о судимости, сведения о личной жизни. При этом осужденный согласие на обработку персональных данных членам ОНК Ростовской области не представлял. В результате постановлением мирового судьи судебного участка № 2 Кировского судебного района г. Ростова-на-Дону от 15 октября 2014 г. Е. была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.11 КРФ об АП, и подвергнута к административному наказанию в виде штрафа в доход государства в размере 300 руб. [5][3].

Другим аналогичным примером является случай, когда член ОНК Ростовской области <ФИО5>, достоверно зная о наличии запрещенного к хранению и использованию сотового телефона у осужденного <ФИО6>, отбывающего наказание в исправительном учреждении, находясь в не установленном проверкой месте, с принадлежащего ей мобильного телефона, действуя вопреки установленному для осужденных режиму содержания, имеющему своей целью изоляцию осужденных от внешнего мира, а также порядку предоставления осужденным телефонных переговоров, установленному ст. 92 УИК РФ, осуществляла телефонные звонки на мобильный телефон <ФИО6>, с которым в нарушение ч. 2 ст. 23 УИК РФ вела по телефону беседу, действуя вопреки основной цели уголовно-исполнительного законодательства – предупреждение совершения осужденными новых преступлений, – закрепленной в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, склоняла <ФИО6> к совершению преступных действий – незаконному приобретению наркотического средства «героин», после чего просила подложить наркотическое средство в ботинок осужденному <ФИО7>, с которым у данного члена ОНК сложились неприязненные отношения, вызванные судебной тяжбой. В ходе телефонных бесед осужденный <ФИО6> неоднократно пытался отговорить <ФИО5> от задуманного, мотивируя нежеланием привлекать невиновного к ответственности, однако <ФИО5>, действуя противоправно, настаивала на этом. После чего, не поддавшись уговорам <ФИО5>, <ФИО6> выдал представителям администрации учреждения сотовый телефон, на который им

[1] Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Пролетарского судебного района г. Ростова-на-Дону от 07 апр. 2015 г. в отношении члена ОНК Ростовской области Е. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-proletarskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-495162888/ (дата обращения: 02.06.2018).

[2] Постановление мирового судьи судебного участка № 3 г. Волгодонска от 26 сент. 2011 г. в отношении члена ОНК Ростовской области П. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-3-g-volgodonska-rostovskoj-oblasti-s/act-200027601/ (дата обращения: 02.06.2018).

[3] Постановление мирового судьи судебного участка № 2 Кировского судебного района г. Ростова-на-Дону от 15 окт. 2014 г. в отношении члена ОНК Ростовской области Е. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-kirovskogo-rajona-g-rostova-na-donu-s/act-215221090/ (дата обращения: 02.06.2018).

осуществлялась запись телефонных переговоров с <ФИО5>. В результате постановлением мирового судьи члена ОНК <ФИО5> признали виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.32 КРФ об АП и назначили ей наказание в виде административного штрафа в размере 500 руб. [8][1].

В качестве следующего примера приведем ситуацию, когда постановлением мирового судьи судебного участка № 7 Тракторозаводского района г. Челябинска от <дата обезличена> члену ОНК П. вменялось несоблюдение требований УИК РФ за осуществление кино-, фото- и видеосъемки объектов, обеспечивающих безопасность и охрану осужденных, в помещении штрафного изолятора, невыполнение законных требований должностных лиц уголовно-исполнительной системы о прекращении кино-, фото- и видеосъемки объектов, обеспечивающих безопасность и охрану осужденных, в нарушение ч. 5 ст. 24 УИК РФ [9][2]. Однако решением судьи Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 30 сентября 2013 г. вышеуказанное постановление мирового судьи было отменено, производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 19.32 КоАП РФ, прекращено за отсутствием в действиях члена ОНК П. состава правонарушения.

Далее, члены ОНК по Республике Коми М. и Д. при проходе через контрольно-пропускной пункт в ИУ были ознакомлены с перечнем предметов, вещей и продуктов питания, запрещенных к передаче осужденным согласно Правилам внутреннего распорядка ИУ, и указали, что при себе таких предметов не имеют, с содержанием ст. 19.12 КРФ об АП были ознакомлены, о чем свидетельствуют их подписи.

Однако член ОНК М. пронес на территорию исправительной колонии запрещенные к хранению и использованию, приобретению осужденным предметы, а именно: цифровой фотоаппарат, ноутбук, цифровое аудиозаписывающее устройство и деньги.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Республики Коми от 25 июля 2011 г. решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 26 апреля 2011 г. в части отказа в удовлетворении требований М. о признании действий сотрудников ГУФСИН по Республики Коми, выразившихся в задержании, ограничении права на свободу передвижения; несоставлении протокола об административном задержании; административном задержании (ограничении свободы) свыше установленного законом срока, было отменено и вынесено новое решение об удовлетворении требований [1][3].

Также в качестве примера приведем ситуацию, когда постановлением мирового судьи судебного участка по г. Стерлитамаку член ОНК Республики Башкортостан Ч. привлечен к административной ответственности по ст. 19.12 КРФ об АП в виде штрафа за незаконный пронос документов осужденному [10][4].

Необходимо обратить внимание и на случай, когда осужденный А. обратился в суд с заявлением о привлечении к административной ответственности по ст. 5.59 КРФ об АП председателя ОНК Липецкой области в связи с несовременным рассмотрением его жалобы ОНК.

Как следует из объяснений члена ОНК Липецкой области Г., заключения ОНК по итогам проверки доводов жалобы А. не составлялось, письменного ответа в адрес А. не направлялось. По доводам жалобы членами ОНК Липецкой области было принято решение, которое ими обсуждалось, но письменно оформлено не было, а также не было запротоколировано обсуждение решения на заседании комиссии. При этом представитель ответчика ссылался на то, что в Федеральном законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» и Конституции РФ нет указания на обязательность наблюдательной комиссии составлять заключения и давать письменный ответ на обращения лиц, находящихся в местах лишения свободы, а лишь есть указание на то, что по обращениям должны проводиться проверка, приниматься меры, что является доб-

[1] Постановление мирового судьи судебного участка <номер обезличен> Кировского судебного района <город обезличен> от <дата обезличена> в отношении члена ОНК <область обезличена> <фамилия, имя, отчество обезличены> [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-kirovskogo-rajona-g-rostova-na-donu-s/act-215759921/ (дата обращения: 02.06.2018).

[2] Постановление мирового судьи судебного участка № 7 Тракторозаводского района г. Челябинска от <дата обезличена> в отношении члена ОНК Челябинской области П. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-lipeckij-oblastnoj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-103694780/ (дата обращения: 02.06.2018).

[3] Определение Судебной коллеги по гражданским делам Верховного суда Республики Коми от 25 июля 2011 г. в отношении члена ОНК по республике Коми М. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gcourts.ru/case/1374559 (дата обращения: 02.06.2018).

[4] Постановление мирового судьи судебного участка <номер обезличен> по г. Стерлитамак от <дата обезличена> в отношении члена ОНК по Республике Башкортостан Ч. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-6-po-g-sterlitamak-respubliki-bashkortostan-s/act-207520500/ (дата обращения: 02.06.2018).

рой волей членов комиссии. Также представитель ответчика объяснил, что регламент ОНК Липецкой области на заседании ОНК обсуждался, но не утверждался.

В итоге суд решил признать обоснованным заявление осужденного А. об оспаривании действий ОНК Липецкой области по несвоевременному рассмотрению и направлению ответа на его обращение и взыскать с ОНК Липецкой области расходы по оплате государственной пошлины в сумме 200 руб. в доход бюджета городского округа г. Липецка.

Далее, в апелляционной инстанции было установлено то, что ОНК Липецкой области была проведена проверка по обращениям осужденного А., однако ответ на них дан только 12 ноября 2010 г., т. е. с нарушением срока, определенного Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Установив факт несоблюдения указанного срока, суд удовлетворил заявление осужденного А. Вместе с тем суд не учел, что заявителем оспаривалось бездействие непосредственно ОНК Липецкой области, в то время как она действует в форме общественного объединения, не являющегося юридическим лицом, и поэтому не обладает соответствующей правоспособностью (п. 1 ст. 37 ГПК РФ, п. 3 ст. 49 ГК РФ). Не обладая правоспособностью юридического лица, ОНК Липецкой области не может являться лицом, участвующим в деле. Поэтому в силу ст. 3 ГПК РФ заявление об оспаривании бездействия ОНК Липецкой области не подлежало рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, из чего следовало исходить суду. В итоге постановлением Правобережного районного суда г. Липецка от 19 ноября 2010 г. первоначальное решение по делу было отменено и производство по делу прекращено [11][1].

Таким образом, при обобщении судебной практики стоит отметить, что члены ОНК в основном совершают административные правонарушения при проходе через контрольно-пропускной пункт; нарушении процедуры регистрации исходящей корреспонденции, полученной во время посещения учреждений уголовно-исполнительной системы; размещении и распространении персональных данных лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в том числе в сети Интернет; допущении использования запрещенных предметов последними лицами, в том числе и в личных целях членов ОНК.

В итоге представляется верным Общественной палате РФ анализировать судебную практику по привлечению членов ОНК к административной ответственности и обобщать ее в ежегодном обзоре для дальнейшей рассылки по региональным ОНК в целях правового информирования членов ОНК.

[1] Решение Правобережного районного суда г. Липецка от <дата обезличена> в отношении ОНК Липецкой области [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-pravoberezhnyj-rajonnyj-sud-g-lipecka-lipeckaya-oblast-s/act-103007573/ (дата обращения: 02.06.2018).

УДК 344.121

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ЛИЦ, ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ, ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Гульгоров Вадим Игоревич
преподаватель кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь
e-mail: vgulgorov@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE CRIMINAL RESPONSIBILITY OF MINORTERS OF MILITARY SERVANTS AND PERSONS, DISTURBED TO IT, FOR CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

Vadim Gulgorov
Lecturer at the Department of Theory and History of Law and the State of The Crimean branch of The Russian State University of Justice, Simferopol

АННОТАЦИЯ

Рассматривается вопрос о признании субъектами преступлений против военной службы несовершеннолетних военнослужащих, а также несовершеннолетних лиц, приравненных к военнослужащим. Проанализированы положения нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус указанных субъектов, а также рассмотрены выработанные в теории и на практике позиции по поставленному вопросу и предложен вариант его разрешения.

ABSTRACT

The article is intended to clarify the issue of the recognition by the subjects of crimes against the military service of underage servicemen, as well as minors who are considered to be equal to servicemen. The author analyzed the provisions of the regulatory legal acts establishing the legal status of these subjects, and also considered the positions developed in theory and practice on the issue raised and suggested the option of its resolution.

Ключевые слова: уголовная ответственность военнослужащих; субъект воинского преступления; несовершеннолетние военнослужащие; приравненные к военнослужащим лица; военное образовательное учреждение; учебный военный центр; факультет военного обучения (военная кафедра); курсанты; обучающиеся; учебные сборы.

Keywords: criminal responsibility of military personnel; a subject of military crime; underage military personnel; equated to military personnel; military educational institution; military training center; military training department (military department); cadets; students; training fees.

Актуальность работы обоснована недостаточной разработанностью в отечественной науке уголовного права вопроса об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих и приравненных к ним лиц. На сегодняшний день в Российской Федерации функционируют 32 военных образовательных учреждения высшего образования и 2 военных профессиональных образовательных учреждения. Кроме того, обучение граждан по программам военной подготовки осуществляют 37 учебных военных центров и 68 факультетов военного обучения и военных кафедр[1]. При таких статистических данных вопрос о признании курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования, а также обучающихся учебных военных центрах и на факультетах во-

[1] Об учебных военных центрах, факультетах военного обучения и военных кафедрах при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования : распоряжение Правительства РФ от 6 марта 2008 г. № 275-р // Собр. законодательства РФ. 2008. № 10 (2 ч.). Ст. 973 (действует без изменений).

енного обучения (военных кафедрах) субъектами воинских преступлений не разрешен окончательно. Подобная неопределенность в вопросе уголовной ответственности указанных лиц влечет за собой пробел в их правовом статусе. Целью исследования является выработка возможных вариантов решения обозначенной проблемы.

Как известно, в соответствии с ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» призыву на военную службу подлежат граждане Российской Федерации мужского пола, достигшие возраста 18 лет[1]. Вместе с тем ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», раскрывая понятие военнослужащего, относит к указанной категории также курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования[2].

В соответствии с абз. 2. ч. 1 ст. 35 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» поступать в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования вправе граждане, не проходившие военную службу, в возрасте от 16 до 22 лет[3]. Таким образом, к категории военнослужащих могут быть отнесены также лица, не достигшие возраста 18 лет.

Согласно п. 11 Положения об учебных военных центрах поступать в них могут граждане возрастом до 24 лет. На факультет же военного обучения (военную кафедру) граждане могут поступать до достижения ими 30-летнего возраста (п. 9 Положения о факультетах военного обучения (военных кафедрах))[4].

Поскольку Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»[5] не устанавливает минимального возраста для поступления в образовательную организация высшего образования, то теоретически существует возможность прохождения гражданином, не достигшим совершеннолетнего возраста, учебных сборов (стажировок), во время которых на него будут распространяться права и обязанности призванных на военные сборы граждан, пребывающих в запасе (п. 33 и 36 Положения об учебных военных центрах и Положения о факультетах военного образования (военных кафедрах) соответственно)[6].

В этой связи возникает вопрос: относятся ли перечисленные категории лиц к субъектам преступлений против военной службы, перечисленных в разделе XI УК РФ? Часть 1 ст. 331 УК РФ указывает на то, что субъектами преступлений против военной службы (воинских преступлений) признаются военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов[7].

В отношении курсантов военных образовательных организаций позиция Верховного Суда РФ менялась со временем. Так, в Постановлении от 19 декабря 2001 г. № 1н-0312/01 Верховный Суд поддержал позицию, согласно которой курсанты не могут быть признаны субъектами воинских преступлений, а в более позднем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной службы или альтернативной гражданской службы» было выражено противоположное мнение[8].

---

[1] О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475 (в ред. от 22.02.2017).

[2] О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331 (в ред. от 22.11.2016).

[3] О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475 (в ред. от 22.02.2017 г.).

[4] Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования (вместе с Положением об учебных военных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, Положением о факультетах военного обучения (военных кафедрах) при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования) : постановление Правительства РФ от 6 марта 2008 г. № 152 // Собр. законодательства РФ. 2008. № 11 (1 ч.). Ст. 1025 (в ред. от 07.03.2016).

[5] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598 (в ред. от 01.05.2017)

[6] Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования (вместе с Положением об учебных военных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, Положением о факультетах военного обучения (военных кафедрах) при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования) : постановление Правительства РФ от 6 марта 2008 г. № 152 (в ред. от 07.03.2016) // Собр. законодательства РФ. 2008. № 11 (1 ч.). Ст. 1025.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.03.2017) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[8] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2001 г. № 1н-0312/01 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

По этому поводу профессор кафедры уголовного права Военного университета К. В. Фатеев отметил: «...гражданин, поступающий в военное образовательное учреждение профессионального образования, осознавая правовые последствия своих действий, добровольно принимает на себя обязанность подчиняться ограничивающим его права и свободы требованиям закона, в том числе неукоснительно соблюдать воинскую дисциплину, имея при этом в виду возможное применение к нему юридической, в том числе уголовной, ответственности за совершенные правонарушения» [1].

Однако, если в вопрос об уголовной ответственности курсантов военных образовательных учреждений уже внесена некоторая ясность, то названный вопрос относительно граждан, обучающихся в учебных военных центрах и на факультетах военного обучения (военных кафедрах) при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, остается практически не затронутым судебной практикой.

Как уже отмечалось, на граждан, направленных на учебные сборы или стажировки, распространяются права и обязанности призванных на военные сборы граждан РФ, пребывающих в запасе. Следует обратить внимание на отсутствие каких-либо исключений из прав или обязанностей данных лиц.

Часть 1. ст. 331 УК РФ относит к субъектам воинских преступлений в том числе и граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов[1].

Согласно ч. 5 ст. 20, абз. 2 ч. 1.1 ст. 54 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» учебные сборы (стажировки) приравниваются к военным сборам[2].

Применив грамматический, логический, систематический, а также телеологический способы толкования норм права к взаимосвязанным нормам ч. 1. ст. 331 УК РФ и ч. 5 ст. 20, абз. 2 ч. 1.1 ст. 54 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», а также п. 19 и 21 Положения об учебных военных центрах и Положения о факультетах военного образования (военных кафедрах) соответственно, мы пришли к выводу о том, что на вопрос о признании субъектами воинских преступлений обучающихся в учебных военных центрах и на факультетах военного образования (военных кафедрах) во время прохождения ими учебных сборов необходимо дать положительный ответ, поскольку:

1) отсутствуют какие-либо исключения из обязанностей данных лиц;

2) согласно ч. 5 ст. 20, абз. 2 ч. 1.1 ст. 54 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» учебные сборы (стажировки) приравниваются к военным сборам;

3) военная подготовка граждан не будет иметь успеха без установления для лиц, проходящих такую подготовку, юридической ответственности наравне с военнослужащими, в том числе уголовной;

4) выведение названной категории лиц из круга субъектов воинских преступлений создало бы условия для злоупотребления правами такими лицами, что, в свою очередь, могло бы причинить вред интересам военной службы и государства.

Таким образом, мы предлагаем признать перечисленные категории лиц субъектами преступлений против военной службы и внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 331 УК РФ, а также в ч. 1 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Список литературы

1. Фатеев К. В. К вопросу о возможности привлечения к уголовной ответственности за преступления против военной службы курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования [Электронный ресурс] // Воен.-уголов. право. 2002. № 9–10. URL: http://voenprav.ru/doc-1767-1.htm.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.03.2017) // Собр. законодательства РФ. 1996 г. № 25. Ст. 2954.

[2] О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 22.02.2017) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

УДК 343.2

ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ РИСКОВ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Ишигеев Владимир Степанович

заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, профессор кафедры уголовного права Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

Лапша Вадим Леонидович

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

BASIS to CATEGORIZATIONS RISK AND THEIR CRIMINAL-LEGAL ESTIMATION

Vladimir Ishigeyev

Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Baikal State University, Professor of the Department of Criminal Law, The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

Vadim Lapsha

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Baikal State University, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Анализируются предлагаемые учеными основания (критерии) классификации, а также каждому дается уголовно-правовая оценка. Приведена точка зрения автора в виде предложенных оснований (критериев) для классификации рисков и их уголовно-правовой оценки.

ABSTRACT

In article are analyzed proposed scientist of the basis (the criteria) to categorizations, as well as each is given criminal-legal estimation. Own standpoint of the author is also brought in article in the manner of offered bases (the criterion) for categorization risk and their criminal-legal estimation.

Ключевые слова: деяние; риск; обоснованный риск; обстоятельства, исключающие преступность деяния.
Keywords: act; risk; reasonable risk; circumstances precluding criminality.

В действующем уголовном законодательстве риск делится исходя из оснований: как характера действий и предпринятых при этом мер безопасности, так и объекта, которому может быть причинен вред. Хотя изначально законодатель планировал, включая положения о риске в уголовное законодательство, обойтись лишь несколькими его видами. Но вскоре законодатель отказался от такого решения и ввел институт обоснованного риска, цель которого охватить все возможные его виды.

В уголовно-правовой литературе также нет единого мнения относительно оснований классификации обоснованного риска.

Исследуя риск с уголовно-правовой точки зрения, М. С. Гринберг классифицирует риск как по производственной, так и хозяйственной сфере деятельности человека. В связи с этим риск различается не только по объекту, но и по степени его регламентации [1, с. 43].

Одной из первых классификаций видов правомерного риска была также классификация Г. В. Овчинниковой относительно типичных сфер применения риска [5, с. 61]:

– взаимодействие человека и техники;
– медицина;
– научные исследования;
– экономическая и хозяйственная деятельность.

Любая сфера человеческой деятельности в целом подлежит правовому регулированию, в том числе уголовному. Исследование влияния риска в той или иной сфере деятельности поз-

волит полноценно защитить объекты уголовно-правовой охраны.

В. А. Петровский указывает, что в психологии классификация риска проводится по такому основанию, как наличие мотива, т. е. от получения каких-либо преимуществ от рискованной деятельности [7, с. 28, 29].

С. С. Захаровой выделяется группа рисков по объекту причинения потерь. Также ученый указывает, что, выделяя отдельные виды обоснованного риска, следует применять следующие критерии:

1. При наличии или отсутствии подготовленности решения. В данном случае идет полная проработка психикой человека ситуации риска от постановки цели до ее достижения.

2. В зависимости от возможности выбора действовать определенным образом. По этому основанию риск осуществляется, исходя из прогноза последствий и оценки шансов на успех.

3. По характеру принятого решения о рискованном действии. А именно в зависимости от количества лиц, принявших рискованное решение.

4. В зависимости от заинтересованности лица в достижении поставленной цели. Это возможно в случаях, если индивидуум имеет заинтересованность в реализации действий, связанных с риском, и получении при этом положительных результатов. Также в других ситуациях, в которых лицо обязано действовать без наличия своей заинтересованности, а в силу своей обязанности.

5. По характеру оцениваемых и прогнозируемых обстоятельств.

Механизм принятия решения и прогнозирования развития ситуации риска характеризуется следующими параметрами:

а) социально позитивной и существенной целью (связанной с результатом, значимым для рискующего лица);

б) оцениваемостью ситуации как дающей вероятность избрания варианта действия между безопасным и опасным либо с разной степенью опасности;

в) наличием информации, достаточной как для прогнозирования последствий реализации определенного варианта действий, так и для предполагаемого вывода о шансе реализации цели.

6. Степень согласованности с третьими лицами. В одних жизненных случаях это требование ситуации, а в других такое требование отсутствует.

7. Количество рискующих субъектов при совершении действий. Так как решение о риске могут принять одни лица, а реализовать его приходится другим. И исходя из этого, уголовно-правовая оценка действовавших лиц разная. Так, если субъект, принявший и реализовавший решение, один, тогда и отвечать будет только он. Но если субъекты неодинаковые, то, например, лицо, выполнившие приказ в полном объеме, не может быть привлечено к уголовной ответственности за превышение пределов допустимости риска (за исключением заведомо незаконного приказа или распоряжения). Но при ситуациях, где наличествует эксцесс исполнителя, субъект будет находиться за рамками риска, в соответствии с чем будет нести ответственность за реально нанесенный вред.

8. Возможность выбора поведения.

9. Объект причинения вреда. Объектом причинения вреда в данном случае являются взятые под уголовно-правовую охрану общественные отношения.

10. Степень причиненного вреда. В случаях уголовно-правовой оценки объема, причиненного рискованными действиями вреда.

11. Характер причиненного вреда. В аспекте количества общественных отношений, которым нанесен ущерб.

12. По временному промежутку между действием лица и наступившим вскоре последствием. Данное основание представляет интерес с уголовно-правовой точки зрения, так как в одних случаях вред общественным отношениям наступает незамедлительно, а в других он отдален от действия во времени и может проявиться только через какое-то время [2].

И в целом проанализировав существующие точки зрения на предмет основания классификации обоснованного риска, С. С. Захарова приходит к выводу, что им в основном является функциональное назначение риска.

Как отмечает А. Ю. Шурмудов, нужно выделять также личный критерий (основание), каковым представляется цель, к достижению которой пытается приблизиться рискующий субъект. В связи с чем целью при обоснованном риске – является социально полезный результат, но при осуществлении рискованных действий можно проследить наличие дополнительных целей, намерений, мотивов, побуждений и т. п. [8].

Давая уголовно-правовую оценку риску, необходимо также обращать внимание не только на характер и степени причиненного вреда, но и на цель этих действий. Только выяснив цель действий лица, можно рассматривать причиненный им вред.

В качестве классификационных оснований Н. Ш. Козаев отмечает, что ими могут быть избраны различные связи и основания риска: психоло-

гические, социально-философские, юридические, социально-экономические и т. д. Ученый предлагает классифицировать основания по роду и характеру деятельности, а также статусу субъекта, допускающего рискованную деятельность [3, с. 99].

Специфичным основанием (критерием) выступает ситуация, где присутствует риск. Автором такого основания Т. Ю. Орешкиной [6, с. 89], в частности, указывается, что есть риск в ситуациях, связанных с причинением вреда и не связанных с таковым.

Высказывая собственную точку зрения по изучаемому вопросу, акцентируем внимание на следующих моментах.

Во-первых, как верно указал С. Ф. Милюков, в обществе широко распространилось демонстративное пренебрежение к элементарным правилам безопасности [4, с. 204].

Во-вторых, полагаем, что все основания для классификации риска можно подразделить на две группы, исходя из природы риска, а именно связанные с риском как актом субъективного свойства риска и как акты объективного свойства риска.

Характеризуя первую группу, отметим, что она рассматривает риск в виде определенных действий лица по достижению цели, которые характеризуются тремя составляющими всего рискованного процесса, а именно началом действий, развитием последствий и конечным результатом. В связи с чем ее составляют следующие основания:

1) природа возникновения рискованных действий, т. е. их источник;
2) стадия достижения цели;
3) масштаб действий;
4) повторяемость действий;
5) степень допустимости действий;
6) результат рискованных действий.

Характеризуя вторую группу оснований классификации, отметим ее объективный характер в виде тех сфер деятельности, которые связаны с риском, а именно:

1) медицинской;
2) правоохранительной;
3) аварийно-спасательной;
4) научной;
5) транспортной;
6) производственно-технической;
7) спортивной.

Таким образом, по нашему мнению, с позиции деятельного подхода к изучению оснований (критериев) классификации видов рисков в социальной практике можно заключить, что они составляют две группы, а именно объективного и субъективного характера. В связи с чем составляющие данных групп нуждаются в дальнейшем исследовании, а именно на предмет уголовно-правовой оценки вреда от рискованных действий.

Список литературы

1. Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М. : Госюриздат, 1963. 132 с.
2. Захарова С. С. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2005. 237 с.
3. Козаев Н. Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. 176 с.
4. Милюков С. Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства : дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2000. 422 с.
5. Овчинникова Г. В. Виды профессионально-хозяйственного риска // Правоведение. 1990. № 4. С. 60–66.
6. Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния : учеб. пособие / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2016. 112 с.
7. Петровский В. А. К психологии активности // Вопр. психологии. 1975. № 3. С. 26–28.
8. Шурдумов А. Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. 190 с.

УДК 343.24

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩИХ НАЧАЛАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Татарников Владимир Германович
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия
г. Иркутск, e-mail: voldemar55@mail.ru

THE PRINCIPLE OF JUSTICE AND ITS REFLECTION IN THE GENERAL PRINCIPLES OF SENTENCING

Vladimir Tatarnikov
Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law
The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Рассматривается влияние принципа справедливости на содержание норм Уголовного кодекса РФ, посвященных общим началам назначения наказания. Принцип справедливости требует: наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Поэтому принцип справедливости предполагает отсутствие формальных ограничений в учете судом указанных обстоятельств. Высказана точка зрения, что исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание, не соответствует принципу справедливости в уголовном праве. Предложено внести изменения в Уголовный кодекс России и установить, что в качестве отягчающих наказание могут быть учтены обстоятельства, не указанные в ст. 63 Уголовного кодекса РФ.

ABSTRACT

The purpose of the article is to clarify the impact of the principle of justice on the content of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on the General principles of sentencing. The principle of justice requires that the punishment should correspond to the nature and degree of public danger of the crime, the circumstances of its Commission and the identity of the perpetrator. Therefore, the principle of justice presupposes the absence of formal restrictions in the court's consideration of these circumstances. The author believes that an exhaustive list of aggravating circumstances does not correspond to the principle of justice. In this regard, the article proposes to amend the criminal code of Russia and to establish that the circumstances not specified in article 53 of the Criminal code of the Russian Federation may be taken into account as aggravating punishment.

Ключевые слова: принцип справедливости; наказание; общие начала назначения наказания; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Keywords: principle of justice; penalties; General principles of sentencing; mitigating and aggravating circumstances.

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. впервые текстуально закреплены принципы, на основе которых строится уголовное законодательство. Одним из них является принцип справедливости[1].

В соответствии со ст. 6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Статья 6 расположена в главе первой УК РФ, посвященной задачам и принципам Уголовного кодекса. Поэтому данная норма, как и другие аналогичные нормы данной главы, носит наиболее общий характер и раскрывается в других разделах и главах как Общей, так и Особенной частей УК РФ.

Принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ, разумеется, не является каким-то особым свойством современного российского уголовного законодательства. Хотя указанный принцип и не был текстуально закреплен в Уголовном кодексе РСФСР, содержание российско-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

го уголовного законодательства, действовавшего до принятия УК РФ 1996 г., также строилось на основе общеправовых принципов законности, справедливости, гуманизма и т. д. Разумеется, изменения в политической, экономической, социальной сфере, происшедшие в постсоветский период, оказали заметное влияние на содержание основополагающих принципов права и на их реализацию в нормах современного уголовного законодательства.

Например, изменения в системе ценностей, связанные с провозглашением в ст. 2 Конституции РФ человека, его прав и свобод высшей ценностью, отразились и на содержании уголовно-правовых норм и их расположении в Уголовном кодексе РФ[1]. Так, Особенная часть УК РФ открывается разделом о преступлениях против личности. Что касается УК РСФСР 1960 г., то в структуре Особенной части преступления против личности занимали третье место после государственных преступлений и преступлений против социалистической собственности.

Одним из условий назначения справедливого наказания конкретному виновному лицу является установление справедливой санкции за его совершение. Наиболее строгие меры наказания, в том числе смертная казнь и пожизненное лишение свободы, в первоначальной редакции УК РФ предусматривались лишь за деяния, связанные с умышленными посягательствами на жизнь. В дальнейшем сфера применения пожизненного лишения свободы была расширена за счет преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, преступлений террористической направленности, преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков[2]. Указанные изменения в первую очередь направлены на последовательную реализацию принципа справедливости путем установления более строгих санкций, отражающих реальную общественную опасность указанных преступлений.

Разумеется, принцип справедливости оказывает прямое влияние на содержание различных уголовно-правовых норм, а не только тех из них, которые непосредственно касаются назначения наказания. Справедливыми должны быть и нормы УК РФ, устанавливающие основания и порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения и снятия судимости, об особенностях ответственности за неоконченное преступление, за преступление, совершенное в соучастии и т. д.

Принцип справедливости отразился и в общих началах назначения наказания. Общие начала назначения наказания впервые были сформулированы в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. в ст. 37 УК РСФСР следующим образом: «Суд назначает наказание в пределах, установленных статьей Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, в точном соответствии с положениями Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Общей части настоящего Кодекса. При назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность». Эта норма просуществовала в неизменном виде весь период действия УК РСФСР до 1 января 1997 г. С этого момента вступил в силу Уголовный кодекс РФ 1996 г. В УК РФ 1996 г. общим началам назначения наказания посвящена ст. 60. В действующем Уголовном кодексе общие начала назначения наказания сформулированы более подробно.

Во-первых, в ч. 1 ст. 60 УК РФ появилось требование о назначении лицу, признанному виновным в совершении преступления, справедливого наказания. Поскольку принцип справедливости является общеправовым, то, применительно к назначению наказания, реализация данного принципа обеспечивается соблюдением требований, вытекающих из общих начал назначения наказания.

Во-вторых, в ст. 60 УК РФ сформулированы особенности назначения наказания за преступления, санкции которых являются альтернативными: более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 «№ 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29 февр. 2012 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1162; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1166; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

В-третьих, при назначении наказания по совокупности преступлений и по совокупности приговоров предусмотрена возможность назначения наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующими статьями Уголовного кодекса. В период действия УК РСФСР 1960 г. суд имел такую возможность только при назначении наказания по совокупности приговоров. Согласно ст. 41 УК РСФСР при сложении наказаний в виде лишения свободы общий срок наказания не должен был превышать десяти лет, а за преступления, по которым УК РСФСР допускалось назначение лишения свободы на срок более десяти лет, наказание не должно было превышать пятнадцати лет. Подобные ограничения существенно сужали возможности судов для назначения справедливого наказания.

В-четвертых, в ч. 3 ст. УК РФ появился дополнительный критерий индивидуализации наказания: влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В-пятых, из формулировки общих начал назначения наказания исключено положение о роли правосознания при назначении наказания.

Рассмотрим теоретические аспекты изменений в формулировке общих начал назначения наказания и их практическое значение.

Часть 1 ст. 60 УК РФ содержит положения общего характера о назначении справедливого наказания. Механизм реализации принципа справедливости раскрыт в части третьей ст. 60 УК РФ, согласно которой помимо требований об учете при назначении наказания характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного при назначении наказания необходимо учитывать, в том числе, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, предусмотренные в ст. 61 и 62 УК РФ, – это по сути форма закрепления в законе наиболее типичных обстоятельств, влияющих на назначение наказания в сторону его смягчения или, наоборот, усиления. Вне связи с обстоятельствами совершенного преступления или личностью виновного указанные обстоятельства не существуют [3, с. 87]. Поэтому смягчающие и отягчающие обстоятельства не упоминаются в ч. 1 ст. 6 УК РФ. В части первой статьи 6 УК РФ дается более широкая формулировка, согласно которой наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Данная формулировка охватывает любые обстоятельства, влияющие на назначение наказания.

В то же время, излагая принцип справедливости в ст. 6 УК РФ, законодатель лишь в общей форме указал на те обстоятельства, учет которых обусловливает справедливость наказания и иных мер уголовно-правового характера. Логично предположить, что содержание требований об учете характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного должно быть раскрыто в других нормах уголовного законодательства, например, посвященных назначению наказания. Однако содержание этих понятий ни в УК РСФСР, ни в УК РФ не раскрывалось. Толкование указанных понятий дано в постановлениях пленумов Верховного Суда СССР, а затем в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Высшие судебные инстанции, разъясняя их содержание, всегда давали примерный перечень обстоятельств, относящихся к характеру и степени общественной опасности преступления. Впервые содержание требований закона об учете степени общественной опасности преступления было дано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания». В постановлении отмечается, что при определении степени общественной опасности преступления следует исходить из совокупности *всех обстоятельств, при которых совершено конкретное преступное деяние* (форма вины, мотивы, способ, обстановка и стадия совершения преступления, тяжесть наступивших последствий, степень и характер участия каждого из соучастников в преступлении и т. д.)[1].

Аналогичный подход к формированию перечня указанных обстоятельств наблюдается и в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: «степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, *в частности* (курсив наш. – *В. Т.*) от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершен-

[1] О практике применения судами общих начал назначения наказания : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. // Бюл. Верховного Суда СССР. 1979. № 4. С. 17–21.

ном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)»[1].

Обоснованность такого подхода вполне очевидна. Если какое-либо из обстоятельств, повышающих или, наоборот, понижающих общественную опасность содеянного, не будет учтено судом при назначении наказания, то такое наказание нельзя считать справедливым вследствие своей мягкости, либо, наоборот, суровости.

Кроме характера и степени общественной опасности преступления, важным критерием индивидуализации наказания является личность виновного. Личность раскрывают множество самых различных факторов социального, демографического, психологического, правового и т. д. характера. Разумеется, не все из них имеют уголовно-правовое значение и учитываются при назначении наказания. Важнейшем фактором, влияющим на назначение наказания, является общественная опасность личности виновного. В этой связи учету подлежат такие обстоятельства, как совершение в прошлом преступлений, административных правонарушений, плохое отношение к семье, нарушение трудовой дисциплины, совершение аморальных проступков и т. д.

Однако личность виновного не исчерпывается одними лишь отрицательными свойствами. Как справедливо заметил В. Д. Филимонов, суд должен учесть не только общественную опасность, но и общественную ценность преступника [4, с. 40].

Очевидно, что как обстоятельства, повышающие общественную опасность личности виновного, характеризующие виновного отрицательно, так и обстоятельства, наоборот, характеризующие его с положительной стороны, невозможно исчерпывающим образом перечислить в нормах права. Именно по этой причине высшие судебные инстанции СССР, РСФСР и Российской Федерации, разъясняя содержание требований об учете личности виновного, всегда приводили примерный перечень данных о личности, подлежащих учету при назначении наказания.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания» отмечается, что установленные по делу данные, отрицательно характеризующие подсудимого (уклонение от общественно полезного труда, злоупотребление спиртными напитками, плохое отношение к семье, работе, нарушения общественного порядка и правил общежития и т. п.), подлежат учету при назначении наказания, поскольку они относятся к личности виновного, а не к отягчающим обстоятельствам, указанным в ст. 39 УК[2].

В действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» также дан примерный перечень данных о личности: «к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, *в частности* (курсив наш. – *В.Т.*), относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)»[3].

В данном постановлении Пленума содержится лишь одно ограничение, касающееся учета данных о личности при назначении наказания: «исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей»[4]. Таким образом, закон не содержит никаких формальных ограничений в учете обстоятельств дела, характеризующих преступление и личность виновного независимо от того, влияют ли они на наказание в сторону усиления, или, наоборот, смягчения наказания. Нет таких ограничений ни в действующих, ни в ранее принятых постановлениях высших судебных инстанций.

В то же время по отношению к обстоятельствам, отягчающим наказание, подход законодателя и сложившейся практики применения УК РФ совершенно противоположный. Если применительно к смягчающим обстоятельствам закон прямо указывает на возможность признания смягчающими и других обстоятельств, не указанных в

[1] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

[2] О практике применения судами общих начал назначения наказания : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. // Бюл. Верховного Суда СССР. 1979. № 4. С. 17–21.

[3] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

[4] Там же.

законе (ч. 2 ст. 61 УК РФ), то применительно к отягчающим обстоятельствам в ст. 63 УК РФ такой оговорки нет. Более того, Пленум Верховного суда в упомянутом постановлении от 22 декабря 2015 г. разъяснил, что предусмотренный ст. 63 УК РФ перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит[1]. Аналогичные разъяснения давались Пленумом Верховного Суда СССР и Пленумом Верховного суда РСФСР. В юридической литературе такое положение обычно объяснялось тем, что перечень отягчающих обстоятельств является закрытым из соображений гуманизма, недопустимости ухудшать положение виновного ссылкой на обстоятельства, прямо не указанные в законе и т. д. [1, с. 7].

Как представляется, в таком подходе заложена методологическая ошибка, которая заключается в том, что он противоречит принципу справедливости в уголовном праве и самой сути общих начал назначения наказания. Дело в том, что любое смягчающее или отягчающее обстоятельство является по существу формой проявления обстоятельств, влияющих на степень общественной опасности преступления, либо характеризует личность виновного. Важнейшим признаком любого преступления является общественная опасность. Размер общественной опасности – это величина, так сказать, объективная, и задача суда – правильно определить этот размер. Для этого суд учитывает при назначении наказания характер и степень общественной опасности преступления, принимая во внимание различные обстоятельства, либо повышающие, либо, наоборот, снижающие общественную опасность преступления.

Современный уголовный закон в отличие от УК РСФСР 1960 г. трактует смягчающие и отягчающие обстоятельства как форму выражения обстоятельств, относящихся к преступлению и личности виновного. Такой вывод вытекает из ч. 3 ст. 60 УК РФ, согласно которой при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, *в том числе* обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Из приведенной формулировки видно, что понятия «характер и степень общественной опасности преступления», «личность виновного» шире, чем «смягчающие и отягчающие обстоятельства». Поэтому любое обстоятельство, которое может повлиять на общественную опасность преступления или личности виновного, может быть учтено в рамках закона как относящееся к степени общественной опасности преступления либо к личности виновного. Применительно к отягчающим обстоятельствам, в юридической литературе справедливо отмечается что отягчающие обстоятельства могут быть определены как данные, которые: 1) относятся к преступлению и (или) к личности виновного, 2) значительно усиливают ответственность, наказание ввиду их существенного влияния на степень общественной опасности преступления и личности (либо только личности) [2, с. 12–13]. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» суд, ссылаясь в приговоре на отягчающие обстоятельства, должен приводить их в той формулировке, которая изложена в ст. 63 УК РФ[2]. В то же время, мотивируя свои выводы о мере наказания, суд по смыслу закона вправе при учете личности виновного и степени общественной опасности преступления сослаться на те или иные обстоятельства, не повторяя формулировки аналогичных обстоятельств, указанных в ст. 63 УК РФ, а также расширяя указанные формулировки. Кроме того, суд может в приговоре сослаться на данные о личности и обстоятельства, свидетельствующие о повышенной степени общественной опасности преступления и в том случае, если указанные обстоятельства вообще отсутствуют в перечне отягчающих наказание в ст. 63 УК РФ. По такому пути шла судебная практика в период действия УК РФ 1960 г. Аналогичной позиции придерживается и современная судебная практика.

Например, в приговоре по делу Кружая, признанного виновным Иркутским областным судом в разбойном нападении с целью завладения денежными средствами автозаправочной станции и в убийстве кассира, отмечается, что в соответствии со ст. 6, 60 УК РФ, при назначении наказания подсудимому Кружаю В. А., суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенных им двух умышленных преступлений, одно из которых направлено против личности и собственности, второе – против жизни и здоровья, относящихся к категории особо тяжких преступлений; а также личность виновного, который ранее судим и, имея не сня-

[1] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58...

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

тую и не погашенную в установленном законом порядке судимость, в том числе, за совершенное убийство, а также за преступление против общественной безопасности при отягчающих обстоятельствах, вновь совершил умышленные особо тяжкие преступления, что свидетельствует о высокой степени социальной запущенности Кружая В. А. и его склонности к совершению умышленных преступлений. По совокупности совершенных преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд приговорил Кружая к лишению свободы сроком на двадцать два года со штрафом в размере 100 тыс. руб., с ограничением свободы в один год шесть месяцев, с отбыванием первых пяти лет лишения свободы в тюрьме[1].

В этом и других подобных случаях суды обоснованно мотивируют назначение строгого наказания ссылкой на обстоятельства, относящиеся к степени общественной опасности преступления и к личности виновного, которые либо отсутствуют в перечне отягчающих наказание обстоятельств, либо приводятся в формулировке, существенно отличающейся от той, которая содержится в ст. 63 УК РФ. Такой подход не только не противоречит закону, но, напротив, является непременным условием назначения справедливого наказания.

В целях устранения формальных препятствий в реализации принципа справедливости при назначении наказания представляется необходимым дополнить ст. 63 Уголовного кодекса РФ ч. 1-1 следующего содержания: «При назначении наказания могут учитываться в качестве отягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи».

Список литературы

1. Козлов А. Л. Отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. 19 с.

2. Кругликов Л. Л. Отягчающие обстоятельства как ограничительное средство в российском уголовном праве // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники) / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2017. № 6. С. 13–12.

3. Татарников В. Г. Уголовно-правовая охрана личности. Иркутск : Изд-во ИРГТУ, 2008. 172 с.

4. Филимонов В. Д. Учет личности преступника при назначении наказания // Тр. Том. гос. ун-та. Т. 224: Вопр. сов. государства и права. Томск, 1974. С. 38–45.

[1] Иркутский областной суд [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21492170&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Кузнецов Евгений Викторович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, e-mail: kev300579@yandex.ru

Щетинин Артем Сергеевич

слушатель, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, e-mail: artemshetinin@icloud.com

USING THE OPERATIVE-SEARCH EXPERIMENT IN THE DOCUMENTATION OF BRIBES

Evgeniy Kuznetsov

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor, The East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

Artem Shchetinin

Student, The East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Раскрываются отдельные условия проведения оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент» при документировании взяточничества. Приводится соотношение оперативного эксперимента и провокации взятки. Рассматривается проблема использования оперативного эксперимента при документировании мелкого взяточничества и предлагаются пути ее решения.

ABSTRACT

This article describes the individual rules of the operative search actions “operative-search experiment” in the documentation of bribery. The ratio of operative-search experiment and provocation of bribery is given. The problem of using operative-search experiment in documenting petty bribery is considered and the ways of its solution are offered.

Ключевые слова: коррупция; взяточничество; мелкое взяточничество; документирование взяточничества; оперативно-разыскная деятельность; оперативно-разыскные мероприятия; оперативный эксперимент; провокация преступления.

Keywords: corruption; bribery; petty bribery; documentation of bribes; operative search activity; operative search actions; operative-search experiment; provocation of a crime.

Борьба с коррупцией в органах государственной власти является стратегической, приоритетной задачей всех правоохранительных органов, решение которой позволяет обеспечить эффективное развитие государства, нормальную работу всех его институтов.

По данным статистики, в 2015 г. выявлено 32 455 коррупционных преступлений, из которых 13 938 – взяточничество. В 2016 г. зафиксировано 32 924 факта преступной коррупции, в том числе взяточничества – 9984. За 2017 г. зарегистрировано 29 630 аналогичных преступлений,

из которых – 12 111 связаны со взяточничеством[1].

Ученые отмечают, что современные уголовно-процессуальные методы, используемые органами предварительного следствия, не в состоянии обеспечивать результативное выявление и документирование скрытых фактов коррупции и взяточничества [4, с. 15]. Поэтому следует согласиться с мнением А. И. Тамбовцева и Н. В. Павличенко о том, что в тех случаях, когда процессуальные методы и средства недостаточно эффективны в обеспечении правосудия, то только оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) с ее негласными силами, средствами и методами может позволить добиваться высоких показателей [6, с. 7]. С учетом того, что взятка является одним из наиболее трудно выявляемых и доказуемых коррупционных преступлений, именно оперативно-разыскными способами возможно успешно противодействовать данному виду латентных преступлений, эффективно преодолевая трудности его раскрытия.

Анализ материалов практики деятельности органов, осуществляющих ОРД, указывает на то, что ведущее место по результативности и частоте использования в выявлении и документировании взяточников составляет оперативно-разыскное мероприятие (далее – ОРМ) «оперативный эксперимент» [3, с. 16].

Оперативный эксперимент позволяет создать и контролировать условия, в которых взяткополучатели проявляют свои преступные намерения. Искусственно «вызывая» определенное событие, оперативники получают возможность документировать подготавливаемое, совершаемое или совершенное коррупционером преступление.

Данное ОРМ позволяет выявить и пресечь преступную деятельность лиц, в отношении которых уже есть документально обоснованные подозрения в получении взятки.

Результативность и законность проведения оперативного эксперимента зависят от различных условий: во-первых, от правильной оценки имеющихся данных о получении либо вымогательстве взятки; во-вторых, от профессионализма оперативных сотрудников.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] (далее – ФЗ «Об ОРД») в ст. 8 определил ряд условий, обеспечивающих законность действий сотрудников оперативно-разыскных органов в ходе искусственного моделирования коррупционных событий: проведение ОРМ только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД; осуществление его для документирования преступлений, относящихся к категории средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления.

В ходе проведения оперативного эксперимента должна быть соблюдена грань между законностью и провокацией. Во избежание провокации взятки, ответственность за которую предусмотрена ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации[3] (далее – УК РФ), сотрудники оперативно-разыскных органов должны уметь уверенно разграничивать эти действия.

Характерной чертой законности проведения оперативного эксперимента является недопустимость создания оперуполномоченными таких условий, при которых взяткодатель или взяткополучатель лишен возможности свободно выбирать варианты своего поведения [5].

По мнению Б. В. Волженкина, проведение оперативного эксперимента будет считаться правомерным в тех ситуациях, когда объект ОРМ («преступник») самостоятельно начинает совершать подготовительные преступные действия, тем самым проявляя умысел на совершение преступления в сфере взяточничества. При этом данные факты должны быть задокументированы оперуполномоченными [1, с. 45].

Верховный Суд РФ в постановлении пленума от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» поясняет, что от провокации взятки следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, которые, в отдельных случаях, могут спровоцировать должностное лицо на получение взятки. Указанные действия состоят в передаче взятки с согласия должностного лица, когда оно было получено в результате склонения этих лиц к ее получению при обстоятельствах, указывающих на то, что без вмешательства правоохранителей умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено. Принятие должностным лицом в этом случае

[1] Состояние преступности в России [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России : сайт. URL: https://мвд.рф/reports /item/12899359/ (дата обращения: 05.03.2018).

[2] Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2016. № 28. Ст. 4558.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 18. Ст. 2569.

материальных ценностей или услуг имущественного характера не должно расцениваться как провокация взятки, так как в содеянном нет состава преступления[1]. Однако, в любом случае, подобные действия оперативных сотрудников должны быть признаны незаконными, с вытекающими для этого выводами об отсутствии в действиях должностного лица – объекта ОРМ состава преступления.

Примером незаконности оперативного эксперимента, приведшего, по мнению суда, к провокации взятки, может служить оправдательный приговор Первомайского районного суда Оренбургской области.

В своем решении суд указал, что из постановления о проведении оперативного эксперимента от 1 июня 2009 г. следует, что в ходе рассмотрения поступившей оперативной информации было установлено, что сотрудники таможенного пункта «Маштаково» требуют взятку в сумме от 5 тыс. руб. за осуществление таможенного оформления и пропуска автомобильного транспорта. Однако в постановлении не содержалось данных о том, что оперуполномоченные располагали надлежащим образом собранными сведениями о том, что до оперативного эксперимента сотрудник таможни имел умысел на получение взяток и специально готовился к этому. Не следует это и из других материалов дела, представленных суду.

При таких обстоятельствах суд считает, что в судебном заседании не было доказано то, что у органа, осуществлявшего ОРД, до проведения оперативного эксперимента в отношении сотрудника таможни, были сведения о приготовлении его к совершению преступления. В итоге суд пришел к выводу об отсутствии законных оснований для проведения оперативного эксперимента[2].

Для того чтобы исключить вышеуказанное нарушение, в рамках проверки сведений о причастности лица к взяточничеству, оперуполномоченные должны проводить комплекс ОРМ, в результате которых должен быть задокументирован преступный умысел взяткополучателя. Среди наиболее востребованных в практике следует выделить такие ОРМ, как опрос, наведение справок, наблюдение, а в отдельных случаях и мероприятия, ограничивающие право граждан на тайну телефонных и иных переговоров.

В ходе ОРМ опрос оперативные сотрудники могут уточнить сведения о предмете взятки, месте, времени, а также обстоятельствах ее получения или дачи. Если взятка уже передана, возможно уточнить, где, когда и при каких обстоятельствах это происходило, действия взяткополучателя по исполнению обещанных обязательств. Кроме этого обязательно следует выяснить круг возможных свидетелей и очевидцев преступления, которые в последующем могут быть допрошены по уголовному делу в качестве свидетелей [2, с. 129–130].

Проверить полученные данные о лицах и фактах, указанных в сообщении о взяточничестве, часто позволяет такое ОРМ, как наведение справок. С его помощью могут быть получены сведения из различных учреждений, предприятий и организаций, путем направления запросов, а также изучения материалов архивных дел. Наведение справок может способствовать установлению времени совершения преступления, обстоятельств дачи или получения взятки, должностных обязанностей взяткополучателя, фактов, свидетельствующих о выполнении им принятых на себя обязательств, а также других сведений, имеющих значение для дела.

Фактически во всех оперативно-разыскных проверках информации по фактам взяточничества используется наблюдение. Данное ОРМ проводится как самостоятельное мероприятие или как составная часть оперативного эксперимента. Реализуясь в ходе визуального, электронного или комплексного слежения за взяткодателем, оно позволяет документировать значимые события, например предварительные встречи заявителя и взяткодателя, поведение последнего в процессе осуществления криминальных действий. Кроме этого, наблюдение позволяет фиксировать действия коррупционера в момент его задержания с поличным.

С учетом современного технического прогресса в ходе наблюдения оперативные сотрудники должны стараться всегда использовать современные технические средства, обеспечивающие аудио- и видеофиксацию происходящего преступного события. Например, по сообщениям средств массовой информации сегодня сотрудниками Федеральной службы безопасности России для наблюдения за преступниками и документирования их противоправной деятельно-

[1] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

[2] Приговор Первомайского районного суда Оренбургской области от 23 нояб. 2010 г. по уголовному делу № 345-564/2010 [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-orenburgskaya-oblast-s/act-100187932 / (дата обращения: 05.03.2018).

сти активно задействуются квадрокоптеры с видеоаппаратурой[1].

В целях поиска следов преступления, орудий его совершения, предметов и документов, могущих впоследствии стать вещественными доказательствами, рекомендуется проводить обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. В результате данного ОРМ могут быть обнаружены предметы взятки, документы, связанные с обстоятельствами ее получения, а также установлены иные сведения, имеющие значение для дела [8, с. 25–26].

В делах о взяточничестве для проверки первичной информации и доказывания часто используются результаты такого ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров. Оно позволяет зафиксировать данные о подготовке к совершению коррупционного преступления, условия сговора, обязательства, взятые на себя взяткодателем и взяткополучателем. С помощью указанного ОРМ устанавливаются место и время передачи взятки, ее предмет, а также иные данные, имеющие значение для выявления и пресечения преступления.

Например, Изосимов А. А. и Изосимова О. Р. были осуждены районным судом г. Владимира за покушение на посредничество во взяточничестве, совершенное группой лиц по предварительному сговору в крупном размере. Одним из весомых доводов обвинения стали доказательства, сформированные на основе результатов ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», с помощью которого была задокументирована связь посредника с взяткодателем и взяткополучателем[2].

Аналогичная информация может быть получена и в рамках таких смежных с прослушиванием телефонных переговоров ОРМ, как «снятие информации с технических каналов связи», «контроль почтовых отправлений телеграфных и иных сообщений» и «получение компьютерной информации».

Эффективным по коррупционным делам, но достаточно сложным в реализации, является ОРМ «оперативное внедрение». В целях защиты лиц, внедренных в организованные преступные группы, факт его проведения редко фигурирует в материалах уголовного дела о взяточничестве, однако его результаты часто используются оперативными сотрудниками и следователями в качестве ориентирующей информации, позволяющей эффективно спланировать не только другие ОРМ, но и следственные действия.

В контексте исследования возможности проведения оперативного эксперимента в борьбе со взяточничеством необходимо затронуть проблему его проведения в целях выявления и документирования такого «нового» вида преступления, как мелкое взяточничество, предусмотренное ст. 291.2 УК РФ.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[3] определена уголовная ответственность за получение или дачу взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей.

В связи с тем, что с момента установления уголовной ответственности за мелкое взяточничество прошло порядка двух лет, необходимо проанализировать сложившуюся практику применения ст. 291.2 УК РФ и позиции ученых по данному вопросу.

Анализ указанной нормы уголовного закона позволяет обратить внимание на три основные проблемы:

1. Отсутствие в рассматриваемой норме таких квалифицирующих признаков, как сопряженность преступления с вымогательством взятки, а также совершение его группой лиц, в том числе организованной.

2. Отсутствие, по аналогии со ст. 291.1 УК РФ, специальной нормы, предусматривающей ответственность посредника за мелкое взяточничество.

3. Невозможность использования целого ряда ОРМ по причине отнесения мелкого взяточничества к категории преступления небольшой тяжести [7, с. 12–13].

Обращая внимание на первые две проблемы, хотелось бы отметить, что из-за указанных законодательных пробелов из-под уголовной ответственности выведена целая категория соучастников групповых фактов мелкого взяточничества, а традиционно признаваемые общественно опасными деяния (сопряжение преступления с вымогательством, групповой характер преступной деятельности) не находят своего

[1] Коррупцию в СК выявили с квадрокоптера [Электронный ресурс]. URL: https://kompromat1.org/articles/35941-korruptsijuvskvyjavilinskvadrokoptera (дата обращения: 20.03.2018).

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии Владимирского областного суда от 14 янв. 2016 г. по уголовному делу № 22-60/2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-vladimirskij-oblastnoj-sud-vladimirskaya-oblast-s/act-502843420/ (дата обращения: 05.03.2018).

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4257.

дифференцированного подхода при назначении уголовного наказания, с позиции усиления ответственности за подобные деяния.

По поводу третьего пробела отметим, что проведение ОРМ, условно относимых к группе судебного санкционирования, а также осуществление оперативного эксперимента по делам о мелком взяточничестве, с точки зрения оперативно-разыскного закона является недопустимым. Это объясняется тем, что согласно ст. 8 ФЗ «Об ОРД», проведение ОРМ судебного санкционирования, например снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений телеграфных и иных сообщений допустимо только при условии, если они проводятся для документирования преступлений, относящихся к подследственности органов предварительного следствия. Согласно п. 1, ч. 3 ст. 150 УПК РФ расследование мелкого взяточничества должно производиться органом дознания. Кроме этого, такие ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров и оперативный эксперимент, согласно ст. 8 ФЗ «Об ОРД», разрешено проводить только для проверки сообщений о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких. Нельзя проводить для выявления мелкого взяточничества и ОРМ, ограничивающие право граждан на неприкосновенность жилища, например наблюдение и обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

В силу последнего обстоятельства оперуполномоченные в борьбе с указанным видом противоправного деяния формально лишились эффективного инструментария в виде ОРМ «оперативный эксперимент».

Одним из способов решения данной проблемы может быть внесение изменений в ФЗ «Об ОРД». В частности, предлагаем внести в ст. 8 указанного закона дополнительное условие проведения ОРМ, согласно которому оперативный эксперимент, а также ОРМ, ограничивающие конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, могут проводиться для проверки сведений о факте совершения преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ.

До момента, пока вышеописанный пробел не будет устранен, основным ОРМ, которое в настоящее время можно рекомендовать для использования оперативными сотрудникам ОВД в целях задержания взяточников с поличным, должно являться наблюдение, при условии, что оно не проводится в жилище.

Однако указанное ОРМ следует считать законно проведенным тогда, когда оперуполномоченными искусственно не создаются негласно контролируемые условия и, соответственно, не происходит подмены указанного ОРМ оперативным экспериментом, так как в этом случае действия сотрудников оперативно-разыскных органов должны признаваться недопустимыми.

Кроме ОРМ «наблюдение» факт получения мелкой взятки может доказываться результатами ОРМ «опрос», проводимого в отношении потерпевших и свидетелей. Последнее может быть особенно эффективным в тех случаях, когда должностное лицо «поставило получение взятки на поток». Например, такие факты часто имеют место в учебных заведениях, когда преподаватели за незаконное вознаграждение массово выставляют оценки студентам целой группы или курса за экзамен или зачет. Массовый опрос студентов, по результатам которого получены одинаковые показания о факте вымогательства у них денежных средств, может обеспечить доказывание вымогательства мелкой взятки без задержания взяткополучателя с поличным.

В качестве примера подобного способа документирования и последующего доказывания факта получения взятки служит уголовное дело № 1-118/2016 г. Согласно обвинительному приговору суда, доцент кафедры «Экономика и коммерция» ГОУ ВПО «МГТУ» Франюк Р. А. был привлечен к уголовной ответственности за получение взяток в виде денег от студентов своего вуза за незаконные действия в их пользу, а именно за внесение в зачетные книжки студентов и аттестационную ведомость заведомо ложных сведений о получении положительных итоговых оценок за экзамен. Основу обвинения составили показания более 20 студентов, выступавших свидетелями по делу, от которых Франюк Р. А. получил деньги за сдачу экзамена. Проведя анализ показаний всех свидетелей, суд пришел к выводу о доказанности преступления, поскольку все свидетели подтвердили факт передачи взятки. Сопоставив показания свидетелей, суд посчитал, что они последовательны, аргументированы, согласуются между собой, не имеют противоречий и раскрывают картину совершенного преступления[1].

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области по уголовному делу 1-118/2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-magnitogorska-chelyabinskaya-oblast-s/ act-532153619/ (дата обращения: 05.03.2018).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

Проведение оперативного эксперимента и провокационные действия при изобличении взяточников – взаимоисключающие понятия. Оперативный эксперимент в отличие от провокации не инициирует преступное поведение лица, а вмешивается в уже начавшуюся реализацию преступного умысла, провокатор же сам возбуждает у другого лица намерение совершить преступление.

Целью оперативного эксперимента является подтверждение имеющихся сведений о преступлении и привлечение виновных к уголовной ответственности; целью провокации является склонение другого лица любыми способами к совершению преступления, искусственное создание доказательств совершения преступления либо шантаж.

Оперативно-разыскное выявление и документирование «нового» состава преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ («Мелкое взяточничество»), сопряжено с рядом трудностей, обусловленных тем, что ОРМ, условно относимые к группе судебного санкционирования, а также осуществление оперативного эксперимента по делам о мелком взяточничестве запрещены. В силу последнего обстоятельства оперуполномоченные формально лишились эффективного инструментария в борьбе с указанным видом преступления.

Одним из способов решения описанной проблемы может быть внесение изменений в ФЗ «Об ОРД». В частности, в ст. 8 указанного закона необходимо включить дополнительное условие проведения ОРМ, согласно которому оперативный эксперимент, а также ОРМ «судебного санкционирования» могут проводиться для проверки сведений о факте совершения преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ.

В настоящее время основным ОРМ, которое рекомендуется проводить для задержания «мелких» взяточников с поличным, является наблюдение, при условии, что оно не проводится в жилище. Кроме ОРМ «наблюдение» факт получения мелкой взятки может документироваться результатами и других мероприятий, например опросом, проводимым в отношении потерпевших и свидетелей. Последнее может быть особенно эффективным в тех случаях, когда должностное лицо «поставило получение взятки на поток».

Список литературы

1. Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 43–45.

2. Данько В. А. Пример передового опыта выявления и документирования взяточничества в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России : материалы Регион. науч.-практ. конф. 2016. С. 129–130.

3. Дронов С. Е. Использование оперативного эксперимента для изобличения взяточников // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2017. С. 16–21.

4. Куликов А. В. Объективная необходимость документирования и использования результатов оперативно-разыскной деятельности по делам о взяточничестве // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петерб. ун-та МВД России. 2018. № 1. С. 14–17.

5. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. М. : Инфра-М, 2004. 386 с.

6. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия, требующие судебного санкционирования: вопросы соотношения // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петерб. ун-та МВД России. 2017. № 3. С. 7–10.

7. Чуклина Э. Ю. Некоторые проблемы практики применения статьи 291.2 Уголовного кодекса РФ (мелкое взяточничество) // Studium. 2018. № 1. С. 12–13.

8. Шашин Д. Г., Коршунов А. В. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: некоторые проблемы правового регулирования и проведения // Оперативник (сыщик). 2016. № 2. С. 25–29.

УДК 343.1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБВИНИТЕЛЬНОМ ПРИГОВОРЕ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ ЧАСТЬ 2

Попова Ирина Павловна

председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке
старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, e-mail: irinabaikal@mail.ru

THEGENESIS AND FORMATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION ABOUT CRIMINALVERDICT DOREFORM RUSSIA PART 2

Irina Popova

the Chairman of the Ust-Ilim City Court of the Irkutsk Region in Honorable Resignation
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure
The East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Выявлены исторические тенденции современного уголовно-процессуального законодательства об обвинительном приговоре. В результате применения всеобщего диалектического метода научного познания, общенаучных методов системного исследования и применения таких частнонаучных методов, как историко-правовой и сравнительно-правовой, сделан вывод, что начиная с уголовного правосудия Древней Руси судопроизводство и приговор должны были соответствовать требованию справедливости.

ABSTRACT

The purpose of this study is to identify historical trends in modern criminal procedure legislation on conviction. As a result of the application of the universal dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of system research, and the application of such private scientific methods as historical legal and comparative legal, the author came to the conclusion that, since the criminal justice of Ancient Rus, the trial and sentence had to be Meet the requirement of justice.

Ключевые слова: правосудие; приговор; обвинительный приговор; уголовное судопроизводство; справедливость; виновность; наказание.

Keywords: jurisdiction sentence; conviction; criminal proceedings; justice; criminal verdict; punishment.

Постановление приговора в XVIII в. было отделено от остального процесса, предусматривая более усложненную процедуру при рассмотрении государственных преступлений. Такие приговоры «все более и более наполнялись описательно-мотивировочной частью, в связи с тем, что государство ощущало востребованность общества объяснять причины суровых наказаний государственных преступников» [8, с. 29–30]. Приговор постановлялся на основании «экстрактов» – выписок из дела, кратких письменных докладов, содержащих доводы следствия и предложения по наказанию, которые играли роль прообраза будущих приговоров по уголовным делам.

Приговоры в основном формировались коллегиально. Окончательное решение, вынесенное после обсуждения в Кабинете министров, передавалось в сыскное ведомство, в важных случаях представлялось на подпись монарху. Тот, в свою очередь, подписывал подготовленную заранее резолюцию. Император оставался верховным судьей, принимая непосредственное участие в судопроизводстве по наиболее важным политическим делам, определяя некоторые окончательные решения [8, с. 132–133, 214]. По наиболее значимым политическим делам для проведения следствия и вынесения приговора создавались специальные временные су-

дебные комиссии (суды), состав которых определял исключительно император. Несмотря на то что император мог рассмотреть данные вопросы единолично, российские монархи привлекали для участия в подобного рода судах своих политических сподвижников.

Свод законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленный (далее – Свод законов), в томе XV содержал процессуальные нормы, регламентирующие «Судопроизводство по преступлениям» [12, с. 562]. В соответствии с требованиями Свода законов наказание отменялось в связи со смертью преступника, вследствие примирения с обиженным и вследствие давности (ст. 155), а помилование и прощение виновных – не зависело от суда и было в руках Верховной Самодержавной власти, коим участь виновных могла смягчаться или даровалось прощение (ст. 165).

В соответствии с указанными в Своде законов нормами по окончании следствия дело направлялось в суд, где на основании собранных материалов, без устного и гласного разбирательства, разрешалось по существу.

На основании ст. 1181, 1182 т. XV Свода законов признание подсудимого рассматривалось как совершенное доказательство и не требовало других доказательств и судья не мог опасаться учинить по делу приговор, если это признание было добровольным, «в судебном месте пред судьею» и «совершенно сходно с происшедшим действием», «о достоверности и истине оного сомневаться невозможно».

На суд не возлагалась обязанность допрашивать кого-либо из участников процесса, кроме случая опроса обвиняемого о проведении пристрастных допросов и других неправильных действий в ходе предварительного следствия. Постановление приговора производилось немедленно по заслушивании докладной записки, на «рассуждение», как правило, полагалось не более трех часов [5, с. 48].

Между тем, по мнению В. А. Линовского, приговор по Своду законов должен был основываться на несомнительных доказательствах и удовлетворять началам правды и справедливости, поскольку «цель уголовного судопроизводства есть удовлетворить требованиям правды; поэтому в уголовных приговорах не может быть терпима никакая неправда и никакая неправильность, а, напротив, в уголовном судопроизводстве должны быть даны все средства, все меры для того, чтобы предупредить и устранить от уголовного приговора ту и другую» [6, с. 156, 186]. Чтобы «приговор суда имел полную силу и действие, как приговор коллегии, представляющей Государство и осуществляющей суд как бы его самого» [1, с. 228], уголовный приговор должен быть постановлен законным составом суда, к подсудности которого отнесено данное дело, и уполномоченным на это самим государством, и состоять из судей, соответствующих определенным требованиям.

Я. И. Баршев предлагал следующую классификацию приговоров, основанную на положениях Свода законов:

1. По их предмету и цели:

1) главные (окончательные), которыми разрешается окончательно главный предмет;

2) сторонние, которыми решается какой-либо сторонний пункт в уголовном деле.

2. По отношению к содержанию:

1) главные приговоры, которые в свою очередь разделяются на а) освободительные совершенно или только от инстанции и б) на обвинительные и смешанные, т. е. частью освободительные, частью обвинительные;

2) сторонние приговоры заключают в себе мнение и решение суда или а) о необходимости и образе продолжения и дополнения следствия, или б) относительно его прекращения до будущего времени, или в) о другом каком-либо соприкосновенном и неглавном пункте в деле.

В судах первой степени различали приговоры, если наказание не предусматривало лишение жизни, чести, доброго имени или торговой казни. В ином случае суд первой инстанции составлял «мнение», которое передавал вместе с делом в вышестоящий суд (т. XV, ст. 1067) [1, с. 191–192].

Составлению приговора по Своду законов предшествовали приготовительные действия, к числу которых относились действия, направленные на рассмотрение и дополнение следствия (т. XV, ст. 1007–1015), и приготовление из дела записок и выписок (т. XV, ст. 1062–1066). Поскольку рассмотрение дел осуществлялось коллегиальным составом суда, то в целях ускорения судопроизводства одному из членов суда поручалось рассмотреть подлинные акты, на основании которых он готовил выписку или письменное извлечение из дела.

Свод законов предъявлял требования к форме и содержанию выписок: в них в хронологическом порядке излагались поводы и основания уголовного преследования, суть обвинения с представленными в обоснование доказательствами, приводились сведения о личности преступника с изложением всех обстоятельств, свидетельствующих за и против него (если преступление групповое, то такие сведения должны были

быть приведены в отношении каждого соучастника), и обстоятельства, смягчающие и отягчающие преступление.

Коллегиальное принятие решения предваряло совещание и голосование членов суда, при этом были предусмотрены принятие решение большинством голосов и порядок подсчета голосов с предположением в пользу обвиняемого (т. II, ст. 144, 145).

Требования к содержанию приговора заключались в том, что он должен был составляться без всякого пристрастия по прилежном рассмотрении всех обстоятельств вмененного преступления, основываться на доказательствах и точном разуме закона, а не на одном лишь судейском рассуждении. Приговор должен был излагаться ясно и без излишних обстоятельств. В нем необходимо было указать «существо и ход дела, потом сведения, какие в соображение с делом приняты могут быть, и законов, которые могут быть положены в основание решения, и само судейское решение, которое должно быть изложено столь ясно и определенно, чтобы ясно было видно, осужден ли обвиняемый, к какому он приговорен наказанию и за какое преступление или он признан невинным и в какой степени» [1, с. 233–234; 6, с. 183].

Приговор изготавливался письменно. Структура его включала:

1. Предисловие, включающее имя, возраст и другие данные лица, в отношении которого постановлен приговор, предмет приговора, указание на суд и все пункты рассмотренного дела.

2. Часть, в которой излагались основания принятого решения с изложением обстоятельств дела, основанных на законе, и сам приговор, основанный на главных и относительно сторонних пунктах в деле.

3. Заключение.

Приговор постановлялся по Указу Его Императорского Величества (т. XV, ст. 1068–1072).

Таким образом, можно констатировать, что именно Сводом законов была предусмотрена такая структура приговора, которая сохранилась и в действующем уголовно-процессуальном законе: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части. Приговор провозглашался секретарем открыто в присутствии истца и ответчика (т. XV, ст. 1168). В зависимости от личности подсудимых и вида наказания определялись сроки и место объявления приговоров. В частности, если в положенный срок осужденный не являлся, не приносил отзыва и не представил законных причин, которые препятствовали этому, то он терял право на перенос дела и приговор приводился в исполнение (т. XV, ст. 1169–1171).

Как и ранее, по делам о государственных преступлениях была предусмотрена возможность создания особых судов и установления специальных правил. К примеру, в середине 1826 г. был специально учрежден Верховный уголовный суд над декабристами, который свои выводы сформулировал на основе представленных Следственным комитетом документах. Вся работа указанного суда, состоящего из верноподданных представителей властной верхушки, велась под пристальным личным контролем и по указаниям императора. В этом смысле данный процесс, где даже не ставился вопрос о виновности или невиновности подсудимых, а разрешались лишь вопросы степени вины и соответствующего наказания, мало чем отличался от процессов XVIII в., что верно отмечает Я. Н. Куемжиева [5, с. 196].

Составители Судебных уставов, обосновывая Судебную реформу, назвали пять «главнейших недостатков» порядка уголовного судопроизводства по Своду законов, среди которых отмечали, что «суд производится заочно, без бытности подсудимого, по письменным актам, составленным во время следствия; решения постановляются на основании установленной законом теории формальных доказательств, без принятия в основании личного убеждения судьи; и дела подвергаются рассмотрению трех, четырех и более инстанций» [14, с. 21].

Давая оценку основным чертам следственного процесса, существовавшего до принятия 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) [11, с. 120–251], многие ученые-процессуалисты критиковали саму возможность существования наряду с обвинительным и оправдательным приговором приговора о подозрении (*absolution ab instantia*) [4, с. 6; 13, с. 44; 15, с. 332; 16, с. 65–66]. «Кто не может быть по совести обвинен судом, должен быть оправдан» [9, с. 52], – считал С. В. Познышев. Возможность существования приговора об оставлении в подозрении было обусловлено наличием теории формальных доказательств, разделявших доказательства на совершенные и несовершенные.

Согласно имеющимся статистическим сведениям, большинство уголовных дел в судах до Судебной реформы 1864 г. разрешалось вынесением приговора об оставлении в подозрении. Так, И. В. Гессен указывал, что по сведениям Министерства юстиции «судебными местами

постановлялось приговоров обвинительных только 12,5 %, остальные же 87,5 % приходились главным образом на приговоры об оставлении в подозрении» [3, с. 7].

По дореформенному законодательству оправдательный приговор мог быть постановлен в случае полного отсутствия улик. Обвинительный приговор мог быть постановлен только на совершенных доказательствах, при этом в отдельных случаях несколько несовершенных доказательств в совокупности могли образовывать совершенное доказательство (ст. 308). Если же для постановления обвинительного приговора собранных доказательств оказывалось недостаточно, то в отношении подсудимого выносился приговор об оставлении в подозрении. При установлении новых доказательств оставленный в подозрении мог быть снова привлечен к суду по тому же делу.

В. К. Случевский, оценивая значение принципов уголовного процесса для судьи как «роль маяков, освещающих его путь» [13, с. 48], к одному из таковых относил принцип необходимости разрешения предъявленного суду обвинения уголовным приговором, при этом указывал на то, что из этого принципа следует в первую очередь необходимость постановить приговор по делу, вне зависимости от отказа прокурора от обвинения на суде; во-вторых: «суд должен разрешить в своем приговоре вопрос о виновности по существу, не оставляя подсудимого в подозрении... и, наконец, постановленный судом приговор с соблюдением существенных обрядов и форм судопроизводства по вступлении его в законную силу, признается приговором, вмещающим в себе истину и не допускающим нового рассмотрения (*noninidem*)» [13, с. 71]. Исключение из уголовного процесса такого вида приговора, как приговор об оставлении в подозрении, был отнесен составителями Уставов к главнейшим основным положениям Судебной реформы [7, с. 314; 14, с. 5–7].

Анализируя положения Свода законов, следует согласиться с обоснованным мнением Л. В. Головко о том, что «судебная реформа создавалась, конечно, не на пустом месте… многие уголовно-процессуальные нормы Свода законов плавно перетекли в Устав уголовного судопроизводства, где стали восприниматься в качестве органически присущих именно пореформенному процессу» [2, с. 29].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [10, с. 174–309] содержало понятие преступления (ст. 1) и требование о наложении наказания только по закону, судом, в случае доказанности и виновности: «Наказание за преступление или проступок, а в тех случаях, когда оное в законах постановлено и за покушение на преступление, или приготовление к нему или же и за самый на оное умысел, может быть определено судом тогда только, во-первых, когда содеяние преступления или проступка, или же покушение на оные или приготовление к ним, или существование преступного умысла несомненно доказаны; во-вторых, когда при том содеянное или умышленное должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину» (ст. 96, 97).

Согласно Уложению о наказаниях к отягчающим обстоятельствам относились также повторность и рецидив преступлений («повторение того же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое» – ст. 137). Наказание увеличивалось и «по мере того, чем выше было состояние, звание и степень образованности преступника» (ст. 135).

Суд был обязан назначать наказание только по закону с учетом смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, но мог «увеличивать или уменьшать меру следующего ему наказания, только не выходя из пределов, также законами для сего постановленных» (ст. 151). Суд мог представить в Сенат представление о смягчении наказания (ст. 157, 158). «Наказание вовсе отменяется: 1) за смертью преступника; 2) вследствие примирения с обиженным; 3) вследствие давности», – гласила норма ст. 160 Уложения о наказании [10, с. 174, 192].

Подводя итог исследованию дореформенного законодательства об обвинительном приговоре, можно сделать следующие выводы. Судопроизводство в Древней Руси было простым и устным, судьи основывали свое решение на формальных доказательствах и не могли выносить решений, противоречащих результатам примененных ордалий. Решение больше основывалось на правосознании судей, но должно было быть *мотивированным и справедливым*, поскольку несправедливое решение могло вызвать протест в обществе, принимавшем активное участие в правосудии. Видов приговоров было два*: обвинительный и оправдательный.* Такой источник, как Мерило Праведное, содержал требования к судьям осуществлять правосудие независимо, стремясь к вынесению *справедливых* решений («вправду»).

На следующих этапах развития дореформенного судопроизводства происходит усложне-

ние как самой процедуры рассмотрения дела, так и процедуры постановления обвинительного приговора. Подготовка судебного решения стала более сложной, технические функции изготовления письменного текста приговора стали поручаться иным лицам, присутствующим в ходе рассмотрения дела, что приводило к волоките в уголовном судопроизводстве и требовало процессуальных гарантий независимости судей при принятии решений. Приговоры по менее важным уголовным делам были краткими. По более сложным делам предусматривалось составление *краткого содержания приговора* (дата, состав суда, указание от имени государя на суть преступления и наказание), через несколько дней в присутствии сторон оглашался подробный приговор.

По нормам Соборного уложения 1649 г., предусматривавшего самостоятельную главу «О суде», процесс делился на суд (судебное следствие) и «вершение дела» (принятие решения). *До принятия решения по делу составлялся протокол судебного заседания,* который подписывался сторонами. По вынесении приговора его *копии вручались* сторонам. По важным политическим делам против государства составлялся *краткий приговор*, содержащий рассмотрение вопросов вины и наказания.

С реформами Петра I, начавшими процесс отделения суда от администрации, судья получил право на выражение *особого мнения*, но решение суда основывалось на формальных доказательствах, без учета личного убеждения судьи, а само судебное разбирательство было тайным, в отсутствие сторон. В Кратком изображении процессов или судебных тяжб была самостоятельная глава «О приговоре», закреплявшая процедуру тайного голосования коллегиального состава суда, при этом члены судебного присутствия должны были хранить *тайну совещания.* Провозглашение приговора происходило в присутствии состава суда и сторон, но секретарем суда. При этом текст приговора, который подписывался судом и аудитором, готовил аудитор или секретарь. В случае смерти обвиняемого выносились приговоры «посмертно».

Можно констатировать, что именно Сводом законов 1832 г., регламентировавшим «Судопроизводство по преступлениям», была предусмотрена такая структура приговора, которая сохраняется и в действующем уголовно-процессуальном законе: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части. *Появляются виды обвинительного приговора (освобождающие от наказания, с назначением наказания)* и приговор об оставлении в подозрении, когда для постановления обвинительного приговора собранных доказательств оказывалось недостаточно. Составлению приговора предшествовали действия, в том числе, направленные на рассмотрение и дополнение следствия. Регламентирован был порядок совещания коллегиального состава суда, приговор провозглашался публично в присутствии сторон.

Понятие виновного деяния трансформировалось из понятия «обида»[1], существовавшего в Древней Руси, не знавшей разделения на гражданские и уголовные дела, в понятие «преступление» к XVIII в. По существу установление виновности изначально было возложено на стороны, тяжущиеся в судебном споре Древней Руси, где была исковая форма защиты нарушенного права, а позднее – на суд по судебникам XVI в. Цели наказания были: возмездие, материальное пополнение казны, изоляция преступников и устрашение. С развитием законодательства в исследуемый период учитывается повторность (рецидив) преступлений, не просто предусматривающая более строгое наказание, но и членовредительство «лихих» людей.

Впервые о полном исключении наказания упоминается в Артикуле Воинском 1715 г., предусматривающем такую возможность в трех случаях, в том числе, в отношении несовершеннолетних, оставив этот вопрос на разрешение родителей, применявших различные воспитательные меры.

Уложение о наказаниях уголовных 1845 г. предусматривало возможность судьям представить прошение о смягчении наказания в Сенат, если имеющихся у суда полномочий о смягчении наказания оказывалось, по их мнению, недостаточно. Наказание за совершенное преступление назначалось только по закону, судом, при доказанности обвинения и виновности. Наказание отменялось в связи со смертью, примирением с потерпевшим или в связи с давностью.

Список литературы

1. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. 319 с.

2. Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т. 2: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л. В. Головко. М. : Юстицинформ, 2014. 340 с.

[1] Под обидой понималось причинение морального или материального ущерба частному лицу со стороны другого лица.

3. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб. : Типолит. Ф. Вайсберга и П. Гершукина, 1905. 267 с.

4. Кони А. Ф. Введение. Цит. по: Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. 1 / под общ. ред. М. Н. Гернета. Изд-е М. М. Зива. М. : Культура, 1914. 342 с.

5. Куемжиева Я. Н. Уголовное судопроизводство по преступлениям против государства в Российской империи первой половины XIX в. : дис. …. канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2005. 215 с.

6. Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса : Тип. Л. Нитче, 1849. 262 с.

7. Набоков В. Работы по составлению Судебных Уставов. Общая характеристика Судебной реформы // Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М. : Объединение, 1915. С. 303–353.

8. Пачков А. А. Судопроизводство по преступлениям против государства в послепетровский период XVIII в. : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. 234 с.

9. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Изд. Г. А. Лемана. М. : Типо-лит. Т.д. Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. 328 с.

10. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. М. : Юрид. лит., 1988. 432 с.

11. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 8: Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1991. 496 с.

12. Свод законов Российской Империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 15: Свод законов уголовных. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1832. 562 с.

13. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – Судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 669 с.

14. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. В 4 ч. Ч. 2. СПб. : Тип. II Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. 504 с.

15. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 2 / 3-е изд. пересм. и доп. СПб. : Сенатская тип., 1910. 669 с.

16. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М. : Типо-Лит. В. Рихтера, 1915. 432 с.

УДК 343.98

ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКУ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ)

Рудых Алексей Александрович
начальник отдела «К» ГУ МВД России по Иркутской области
г. Иркутск, e-mail: irkutianin38@gmail.com

IMPLEMENTATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PRACTICE OF PACING THE CRIMES (ON THE EXAMPLE OF CRIMINAL CASES IN RESPECT OF MINORS)

Alexey Rudyh
Head of the «K» Department of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются новые виды преступлений в отношении несовершеннолетних, а также изменения уголовного законодательства в сфере противодействия таким преступлениям. Определены источники получения ориентирующей информации для расследования рассматриваемых преступлений, раскрыты приемы получения криминалистической информации на начальной стадии расследования. Описана эффективность и доступность открытых информационных технологий для получения криминалистической информации.

ABSTRACT

The article discusses new types of crimes against minors, as well as changes in the criminal law in the sphere of countering such crimes. Sources of orienting information have been identified for the investigation of the crimes in question, and methods have been disclosed for obtaining forensic information at the initial stage of the investigation. The efficiency and availability of open information technologies for obtaining forensic information is described.

Ключевые слова: информация; идентификационный модуль абонента; получение информации; сеть; социальная сеть; совершение действий; интересующий пользователь; группа.

Keywords: information; subscriber identity module; information retrieval; network; social network; performing actions; user of interest; group.

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет на сегодняшний день является самым популярным и необходимым коммуникативным средством, применяемым людьми по всему миру. Ежедневное использование самых различных программных приложений, основанных на принципах передачи цифровой информации для общения между людьми, стало нормой. Особенно интенсивно эти достижения технического прогресса используют несовершеннолетние, для удовлетворения своей потребности в общении. Ни для кого не секрет, что современный подросток зачастую уделяет гораздо больше времени сетевому общению в ущерб реальному. Особенно популярным средством общения несовершеннолетних являются социальные сети. Возможность создания тематических групп, размещения различного контента и удобного поиска обусловливают популярность и стремительное развитие таких технологий. Не так давно правоохранительные органы столкнулись с проблемой пропаганды девиантного поведения среди несовершеннолетних с помощью социальных сетей и различных программных приложений. В информационном пространстве появилось такое явление, как «группы смерти», созданные для организации «виртуального квеста», связанного с совершением действий, опасных для жизни или здоровья подростков. Виртуальные группы и сообщества, называющие себя движение «АУЕ», пропагандирующие криминальный образ жизни, которые подталкивают подростков к совершению различных преступлений. Существуют группы так называемого буллинга, призывающие

к травле одного из членов подростковой группы, группы «зацепинга», «руфинга», пропагандирующие совершение действий, представляющих угрозу для жизни и здоровья подростков. Одним из самых опасных интернет-движений является «колумбайн», или «скулшутинг». Оно заключается в пропаганде совершения нападений на учебные и иные заведения с использованием огнестрельного и иных видов оружия, а также взрывчатых веществ, с последующим совершением суицида.

Различный контент и призывы, размещенные в таких виртуальных сообществах и группах, если не являются первопричиной совершения подобного рода преступлений, то, как минимум, провоцируют несовершеннолетних на совершение определенного алгоритма действий в сложной жизненной ситуации.

В рамках уголовно-правового противодействия указанным преступлениям в Уголовный кодекс РФ внесены ряд изменений. Изменению подверглась ст. 110 УК РФ, во вторую часть которой внесен квалифицированный состав в отношении несовершеннолетнего, а также лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Возросла ответственность за совершение данного преступления. Кроме того, Уголовный кодекс пополнился новыми составами преступлений: ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». В конструкции всех перечисленных составов включен признак – деяние совершено в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)[1].

Учитывая, что указанные преступления могут совершаться с использованием сети Интернет и программных приложений, обязательным элементом деятельности правоохранительных органов по противодействию таким преступлениям должно стать использование возможностей информационно-телекоммуникационных технологий. Следует отметить, что ценным, а порой единственным источником криминалистической информации является информационно-телекоммуникационное пространство, включая социальные сети. В социальных сетях аккумулируются сведения о действиях каждого пользователя, его сообщения, контакты, размещенные визуальные материалы, информация о передвижениях пользователя, все это может сохраняться достаточно продолжительный период времени.

Социальные сети фактически представляют собой программу для электронно-вычислительных машин, предназначенную для обработки, приема и передачи электронных сообщений. В соответствии с действующим законодательством, социальные сети относятся к числу организаторов распространения информации в сети Интернет[2]. В этой связи актуальным средством расследования преступления на первоначальном этапе, когда деятельность следователя и оперативных служб носит характер быстрых и интенсивных действий, становится использование доступных цифровых технологий, которые, что называется, находятся «под рукой». Поддерживая точку зрения Е. П. Ищенко о том, что первоначальный этап в структуре следственной деятельности занимает весьма важное место, так как ошибки и недочеты, допущенные на этом этапе, влекут за собой последствия, которые могут отрицательно сказаться на установлении объективной истины по делу в целом [2, с. 7], необходимо указать на важность анализа предметов и информации, имеющихся у следствия. Как правило, перечень информации, характерный для первоначального этапа расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, включает сведения об абонентских номерах или месте нахождения средств связи, используемых несовершеннолетними, в период, предшествующий совершению преступления. Лицу, осуществляющему расследование, необходимо обратить внимание на широкие возможности использование модуля идентификации абонента (сим-карт), принадлежащих потерпевшему или лицу, совершившему преступление. В ситуации, когда установление фактического местонахождения абонентского модуля затруднительно, наиболее целесообразно использование механизма восстановления дубликата карты с помощью услуг оператора связи, в случае, когда договор на оказание услуг связи для несовершеннолетнего заключен одним из родственников. Модуль идентификации абонента является не толь-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : офиц. текст (по сост. на 1 февр. 2018 г. с табл. изменений). М., 2018. 237 с.

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_61798/9ab7abe2b9fe407f507610f7e6e14a951d575585/ (дата обращения: 07.12.2018).

ко источником получения криминалистической информации в силу своей природы как цифрового носителя информации, но и средством оперативного получения криминалистической информации, находящейся за пределами физического пространства проведения следственных действий. Это обусловлено тем, что сегодня симкарты являются средством авторизации и доступа к различным телекоммуникационным сервисам, программным приложениям, сервисам кредитных организаций, онлайн-сервисам операторов связи и т. п. Методика расследования рассматриваемых и других преступлений может включать в себя ряд действий с использованием общедоступных информационных сервисов, позволяющих получить достаточный объем информации, необходимой для выдвижения следственных версий и организации расследования преступления на последующих этапах.

Исследуя природу разных видов информации, А. В. Богданов утверждает, что, несмотря на то, что такого рода информация не имеет статус доказательства, она важна на стадии предварительного расследования, так как имеет тактическую ценность, т. е. позволяет оптимально организовать процесс расследования, полно и детально разобраться в обстоятельствах дела [1]. К действиям по получению такой информации возможно отнести следующие приемы:

– использование идентификационного модуля абонента для проверки факта регистрации и последующего получения доступа в личный кабинет абонента оператора беспроводной связи. Указанный прием позволяет получить данные о наличии дополнительных сим-карт, зарегистрированных на интересующее лицо, а также в случаях, не противоречащих законодательству, получить доступ к информации о детализации телефонных соединений абонента. В ряде случаев возможен доступ к сведениям о движении денежных средств по балансу счета, при использовании абонентского номера в качестве электронного средства платежа;

– использование идентификационного модуля абонента для получения информации о регистрации аккаунтов в социальных сетях. Это возможно путем осуществления попыток восстановления пароля или регистрации с указанием абонентского номера сим-карты. В результате осуществления указанного приема возможно получение информации о тайных анонимных страницах несовершеннолетнего, а также о группах, в которых он состоит. Кроме того, в предусмотренных законом случаях возможно оперативное получение информации о полученных и отправленных сообщениях, а также материалах, размещенных пользователем до совершения преступления;

– использование модуля абонента возможно для получения доступа к аккаунту в программных приложениях – «мессенджерах». Это особенно важно, когда абонентское устройство связи не обнаружено или неработоспособно. Доступ к аккаунту позволяет, в предусмотренных законом случаях, получить информацию о переписке пользователя, а также о дополнительных активных устройствах, на которых может быть сохранена история переписки.

Реализация следователем и оперативными сотрудниками указанного алгоритма действий в рамках первоначального этапа расследования позволяет получить информацию о личности потерпевшего или подозреваемого, установить свидетелей, обладающих информацией о действиях подозреваемого на этапе подготовки преступления, информацию о соучастниках преступления, об источниках и обстоятельствах приобретения огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и других предметов, а также другую информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела. Напомним, что указанный перечень криминалистической информации может быть получен с использованием общедоступных интернет-сервисов и идентификационного модуля абонента на первоначальном этапе расследования преступления в небольшой промежуток времени.

Как ранее указывалось, значительная доля времени подростка приходится на нахождение в информационном пространстве. Эта особенность обусловливает необходимость изучения виртуальной активности подростка для предупреждения или расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении них. Сегодня получение информации о действиях подростка в интернете и установление круга его общения возможно с применением доступных программ, так называемых информационных ботов, которые в автоматическом режиме по заданным параметрам способны осуществлять поиск необходимой информации или контента в различных сегментах сети Интернет, в частности в социальных сетях. Как правило, такие программы в виде удобных веб-сервисов создаются отдельными группами разработчиков в коммерческих целях, для предоставления услуг родителям по контролю за детьми. Вместе с тем представляется необходимым использование информационных «ботов» для получения кри-

миналистической информации об интернет-активности интересующего пользователя. Принцип работы указанных сервисов основан на мониторинге социальных сетей, анализе сообщений, контента, выявлении опасных групп с последующим формированием баз данных. В массив данных включаются образцы сообщений, изученные лингвистами, относящиеся к категории пропагандирующих девиантное поведение, видео- или фотофайлы, демонстрирующие действия, способные причинить вред жизни и здоровью несовершеннолетнего, и многое другое. Последующее создание правил поиска позволяет осуществить проверку страницы интересующего пользователя на предмет связи с множеством опасных групп в социальной сети. Одним из примеров такого сервиса может служить так называемый информационный бот «Герда»[1], при помощи которого на безвозмездной основе можно осуществить мониторинг активности любого пользователя социальной сети «ВКонтакте» на предмет связи с опасными группами. Таким образом, лицо, проводящее расследование в режиме реального времени, обладая информацией об аккаунте интересующего пользователя, в том числе несовершеннолетнего, имеет доступ к цифровому инструменту, позволяющему оперативно получить информацию, значимую для расследования уголовного дела.

Вместе с тем применение перечисленных приемов и цифровых средств в криминалистической деятельности связано с рядом имеющихся правовых и процессуальных неопределенностей. Во-первых, информация, получаемая в результате таких действий, как правило, подлежит правовой охране как тайна переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, либо как банковская тайна или тайна личной жизни. Поэтому деятельность правоохранительных органов по получению информации такого рода должна строиться с учетом положений процессуального законодательства и соблюдения ряда принципов. Во-вторых, сегодня окончательно не разработан вопрос о процессуальных формах фиксации деятельности следователя по получению такого рода информации. Это относится к процедуре оформления доступа к аккаунтам пользователей, процедуре восстановления идентификационного модуля абонента с использованием услуг оператора связи, процедуре фиксации цифровой информации в социальной сети, которая в последующем может быть уничтожена. В-третьих, использование следователем приемов по дистанционному добыванию компьютерной информации не должно противопоставляться процессу отыскания и закрепления другого рода следов преступления, тем более приводить к их уничтожению.

Список литературы

1. Богданов А. В. Проблемы разграничения оперативной, следственной и криминалистической информаций // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2009. № 7. С. 122–125.

2. Ищенко Е. П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 168 с.

[1] Чем занимается ваш ребенок в социальных сетях? [Электронный ресурс] // Герда – старшая сестра в интернете. URL: https://gerdabot.ru/index (дата обращения: 07.12.2018).

УДК 343.9

ПУТИ АВТОМАТИЗАЦИИ ЭКСПЕРТИЗ: ОТ ПРАВОВОЙ КИБЕРНЕТИКИ ДО ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Себякин Алексей Геннадьевич
руководитель экспертно-криминалистического отдела СУ СК России по Иркутской области
г. Иркутск, e-mail: quattro.sa@yandex.ru

WAYS OF AUTOMATION EXPERTISE: FROM LEGAL CYBERNETICS TO DIGITAL CRIMINALISTICS

Alexey Sebyakin
Head of Forensic Division of Investigation Department of Investigative Committee of Russia in Irkutsk Region, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Проанализированы направления современного развития автоматизации производства экспертиз, выделены два основных аспекта развития: автоматизация организационной составляющей и автоматизация непосредственно деятельности эксперта. Процессы автоматизации работы эксперта рассмотрены с позиции двухуровневой системы. Обозначены тенденции развития автоматизации производства экспертиз в свете динамики информатизации общества, а также связанные с ними потенциальные проблемы в области образования.

ABSTRACT

The article analyzes the directions of the modern development of the automation of the production of expertise, highlights two main aspects of development: automation of the organizational component and automation of the expert's activities. The processes of automating the work of the expert are considered from the position of a two-tier system. The author identifies trends in the development of the automation production of expertise in the light of the dynamics of the informatization of society, as well as the potential problems associated with them in the field of education.

Ключевые слова: автоматизация; судебная экспертиза; автоматизированное рабочее место; материальный след; электронный след; программная среда.

Keywords: automation; forensics; automated workplace; material trace; electronic trace; software environment.

Автоматизация производства экспертиз – проблема достаточно актуальная сегодня, хотя первые попытки автоматизации экспертиз можно отнести к 60-м гг. XX в. [5]. Параллельно с возникновением кибернетических задач, задач применения численных методов математики применительно к экспертной практике, стали возникать вопросы и правового характера, касающиеся допустимости результатов вычислений ЭВМ в процессе доказывания. Обсуждение указанных вопросов вылилось в возникновение такой отрасли, как правовая кибернетика. Данной теме было посвящено множество дискуссионных работ ученых второй половины XX столетия [2; 8; 9].

Однако ввиду ограниченного в то время распространения ЭВМ, описанные проблемы имели в большей степени научную, нежели прикладную направленность. Только с появлением персональных ЭВМ (далее – ПЭВМ) автоматизация производства экспертиз перешла действительно в практическую плоскость. Активное внедрение ПЭВМ в различные сферы деятельности человека произошло в 80-х гг. XX в. В 1987 г. издан ГОСТ 27201-87, который определяет ПЭВМ «как средства массовой автоматизации (в основном для создания на их основе автоматизированных рабочих мест) в социальной и производственных сферах деятельности в различных областях народного хозяйства и предназначенные для пользователей, не обладающих специальными знаниями в области вычислительной техники и программирования»[1].

Говоря о процессах автоматизации производства экспертиз, следует отметить, что производство любой экспертизы всегда имеет два аспекта: организационный и непосредственно экспертный. И с активным вхождением ПЭВМ в правовую сферу деятельности человека оба аспекта начали подвергаться процессу автоматизации фактически одновременно.

В автоматизации организационной составляющей можно выделить две развивающиеся

[1] ГОСТ 27201-87 Машины вычислительные электронные персональные. Типы, основные параметры, общие технические требования.

ветви. Первая ветвь развивается в виде создания и наполнения специализированных баз данных, на основе которых впоследствии формируются криминалистические учеты, справочные и информационные фонды. Так, на настоящий момент в системе ЭКЦ МВД функционируют порядка десятка автоматизированных криминалистических учетов. Другой ветвью автоматизации организационной составляющей является автоматизация учета и статистического анализа экспертных исследований. Указанное направление часто рассматривается как второстепенное, и поэтому его развитие ведется наименее активно. Разработки в данном направлении, как показывает практика, реализуются силами сотрудников конкретного экспертного подразделения, имеющих навыки программирования, иначе говоря – кустарным методом. На взгляд автора, это обусловлено отсутствием единообразного видения автоматизированной системы учета и анализа со стороны руководства того или иного судебно-экспертного учреждения: присутствует осознание необходимости существования такой системы, но отсутствует четкое представление о ее функциональном наполнении. Единственная на настоящий момент централизованная система учета реализована в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции России, которая имеет название «комплекс управления ведомственным контентом» (КУВК). Успешность реализации данного проекта заключается в том, что подход к исполнению был в достаточной мере профессиональным: изначально продумана концепция системы, составлено подробное техническое задание, в качестве исполнителя выступала организация, на профессиональной основе занимающаяся программированием и автоматизацией различных процессов.

Если рассматривать вопрос автоматизации непосредственно экспертной составляющей, становится очевидно, что основная масса процессов автоматизации затрагивает исследовательскую часть заключения. Тем не менее существует сегмент программных средств, затрагивающих автоматизацию оформительской части экспертизы (набор и форматирование текста заключения, подготовка иллюстративного материала). Указанные средства настолько плотно вошли в повседневную практику, что уже не воспринимаются как средства автоматизации. Тем не менее еще 10–15 лет назад были актуальными дискуссии о допустимости применения цифровых систем фотофиксации в процессе производства экспертиз [1; 4; 7].

Гораздо более разнообразны и интересны для рассмотрения процессы автоматизации, затрагивающие исследовательскую часть заключения эксперта, которые можно условно разделить на два уровня. На первом уровне развитие происходило параллельно по нескольким направлениям:

– фиксация и обработка экспериментальных данных. В большей степени автоматизация указанных процессов отразилась на исследованиях, имеющих естественно-научную основу. Прежде всего, это криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий, а также прочие виды экспертиз, содержащие в своем арсенале приборные методы анализа. Сочетание автоматической обработки результатов с созданными на уровне автоматизации организационной составляющей производства экспертиз криминалистическими учетами и справочно-информационными системами породило новый вид автоматизированного процесса, называемого сейчас «автоматизированная информационно-поисковая система» (АИПС). Функционирование АИПС основано на принципе сопоставления полученного результата с имеющимися сведениями в базе данных и позволяет эффективно решать экспертные задачи различного характера: идентификационные, классификационные, диагностические;

– математическое моделирование. Данное направление автоматизации коснулось как криминалистических объектов (например: создание 3D-моделей внешности человека по фотографиям, реконструкция внешности по костным останкам, в частности по черепу), так и экспертных процессов (например: моделирование механизмов развития ДТП);

– алгоритмизация типовых экспертных задач. В основе создания алгоритмов лежит принцип формализации экспертных процессов (диагностических, идентификационных). Сегодня, в век больших вычислительных мощностей, создания систем на основе искусственных нейронных сетей, это направление автоматизации выходит на новый виток развития, и в ближайшее время именно в этом направлении следует ожидать новых решений в области судебной экспертизы.

Вышеописанные направления в развитии автоматизации можно обобщить как уровень исследования материальных следов. В настоящее время, с внедрением цифровых технологий во все сферы человеческой деятельности, которое можно охарактеризовать, как лавинообразное, имеет смысл говорить уже не столько об автоматизации, сколько о цифровизации и информатизации экспертной работы. Наиболее наглядно

это происходит в таких отраслях судебной экспертизы, как компьютерно-техническая, видеотехническая, фоноскопическая, информационно-аналитическая экспертизы. Огромные массивы цифровой информации привели к возникновению автоматизированных систем поиска и анализа информации. Данный уровень можно охарактеризовать как уровень исследования электронных (виртуальных, информационных) следов. Подобно тому, как процессы исследования материальных следов привели к появлению понятия «правовая кибернетика», процессы исследования информационных следов породили направление, называемое «цифровой криминалистикой» [3] или «электронной криминалистикой» [6]. Данное направление является достаточно молодым относительно традиционных видов экспертных исследований, но одним из самых актуальных в настоящий момент.

Таким образом, в настоящее время прогрессивные процессы автоматизации приводят к созданию автоматизированного рабочего места (АРМ) эксперта, позволяющего производить комплексное исследование объекта и генерировать отчет о проделанной работе. Хочется подчеркнуть, что АРМ является не автоматическим рабочим местом, а именно автоматизированным, т. е. подразумевающим непосредственное участие человека в принятии конечного решения. Поэтому оценка сгенерированного отчета или набора предложенных решений и формулирование вывода по-прежнему являются прерогативой эксперта-человека.

Сегодня тенденция развития общества такова, что информационно-телекоммуникационное пространство уже не является отдельной сферой деятельности, а интегрировано в повседневную жизнь каждого человека. Соответственно, значимость информационных (электронных) следов сегодня не меньшая, а при расследовании отдельных видов преступлений и большая, чем следов материальных. И на этом фоне уже очерчивается потребность разработки программных средств автоматизации не только экспертной работы, но и работы всех участников правового регулирования отношений. Такие средства могут быть реализованы в виде универсальной программной среды, включающей в себя АРМ следователя, АРМ эксперта, АРМ судьи как модулей единого комплекса. Однако современный уровень информатизации общества предъявляет повышенные требования и к уровню знаний сотрудников, осуществляющих правоохранительную функцию. В этом видится определенная сложность, поскольку сегодня выпускник юридического вуза фактически не имеет структурированных знаний в области формирования, обнаружения и использования электронных следов. В качестве решения обозначенной проблемы может явиться введение в процесс обучения вузов юридических специальностей отдельного адаптированного курса, в процессе которого до слушателей будут в доступной форме доведены особенности формирования, обнаружения и использования электронных следов.

Список литературы

1. Антонов В. П. Использование цифровой фотографии при производстве следственных действий // Вестн. криминалистики. 2007. Вып. 1(21). С. 67–72.

2. Ароцкер Л. Е. Организационные и процессуальные вопросы использования электронно-вычислительных машин в экспертной практике // Криминалистика и судебная экспертиза : Республ. межведомств. сб. науч. и науч.-метод. работ. Киев : РИО МВД УССР, 1969. Вып. 6. С. 182–190.

3. Вехов В. Б. «Электронная криминалистика»: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д : Ростов. ЮИ МВД РФ. 2017. С. 40–46.

4. Газизов В. А., Четверкин П. А. Доказательственное значение цифровой фотографии при производстве экспертных исследований в уголовном процессе // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 19–27.

5. Ланцман Р. М. Кибернетизация почерковедческой экспертизы // Правоведение. 1966. № 4. С. 128–132.

6. Мещеряков В. А. Особенности специальных знаний, используемых в цифровой криминалистике // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. экон. и юрид. науки. 2013. № 4-2. С. 87–92.

7. Сафонов А. А. Правовые проблемы применения компьютерных технологий в криминалистической фотографии // Вестн. криминалистики. 2003. Вып. 2(6). С. 86–90

8. Селиванов Н. А. Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений // Вопр. предупреждения преступности. 1965. Вып. 1. С. 143–159.

9. Шляхов А. Р. Проблемы теории правовой кибернетики (основные положения доклада) // Проблемы правовой кибернетики : материалы симпозиума. М., 1968. С. 5–20.

УДК 341.3

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И НЕЗАКОННЫХ КОМБАТАНТОВ

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия
г. Иркутск, e-mail: barahevaev@bk.ru

Власова Елена Львовна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия
г. Иркутск, e-mail: vlasovael1963@gmail.com

THE INEFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN THE IDENTIFICATION OF CIVILIANS AND ILLEGAL COMBATANTS

Elena Barasheva
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the State Traffic Safety Department
The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

Elena Vlasova
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the State Traffic Safety Department
The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Проведен анализ международно-правового регулирования положения комбатантов, незаконных комбатантов как участников военного конфликта, даны рекомендации по разработке переходного статуса между гражданским лицом и незаконным комбатантом.

ABSTRACT

The article analyzes the international legal regulation of the situation of combatants, illegal combatants, as participants in a military conflict, and gives recommendations on the development of a transitional status between a civilian and an illegal combatant.

Ключевые слова: комбатант; гражданское лицо; незаконный комбатант; военный конфликт.
Keywords: combatant; civilian; illegal combatant; military conflict.

На современном этапе развития мирового сообщества, как и в прежние времена, вооруженные конфликты приносят народам тяжелые бедствия. По этой причине не перестает быть актуальной необходимость выработки действенного механизма, ориентированного на смягчение ужасов войны и гуманизацию военных действий. При этом одним из основных условий в данной области является четкое определение статуса лиц в рамках вооруженного конфликта.

Статья 51 протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, определяет, что гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население.

Гражданские лица пользуются защитой, предусмотренной данной статьей, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях.

Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. в п. 2 ст. 43 определяет комбатантов как лиц, входящих в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте.

Основное положение, позволяющее различать комбатантов и некомбатантов, – это наличие права принимать непосредственное участие в военных действиях. Комбатанты вправе участвовать в боевых действиях и уничтожать неприятеля, в то время как некомбатанты в определенных случаях лишь обслуживают вооруженные силы и вправе применять оружие только в целях самообороны [1, с. 65].

Законные комбатанты могут быть схвачены и заключены под стражу противником в качестве военнопленных. Незаконные комбатанты также могут быть захвачены и заключены под стражу, однако помимо этого специальная военная коллегия будет судить этих лиц за незаконное участие в вооруженном конфликте [4, с. 185].

Таким образом, незаконные комбатанты – это лица, противоправно принимающие участие в вооруженных конфликтах. При этом данный термин имеет разноплановое значение, в силу чего доктрина и практика международного гуманитарного права понимают под ним различные категории незаконных участников вооруженного конфликта:

- лиц, входящих в вооруженные силы, не имеющих статуса комбатанта, однако принимающих непосредственное участие в вооруженном конфликте (например, медицинский и духовный персонал);
- лиц, являющихся комбатантами, однако нарушающих международное гуманитарное право (например, шпионы);
- лиц, которые не входят в вооруженные силы, не имеют статуса комбатанта, однако принимают участие в вооруженном конфликте.

В силу того, что под категорию незаконных комбатантов могут попадать иные лица в рамках вооруженного конфликта, особенно важным становится вопрос о том, каким статусом будут наделены данные лица, и в первую очередь о круге их прав и обязанностей в случае задержания.

В этой связи под него могут подпасть: гражданские лица, принимающие непосредственное участие в боевых действиях, которые на момент такого участия теряют иммунитет, свойственный данной категории лиц; члены народного ополчения и других добровольных формирований (в том числе участники организованных движений сопротивления), не входящие в состав регулярных вооруженных сил, однако принадлежащие стороне в конфликте, при условии, что они не соблюдают требований, содержащихся в Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.; по мнению некоторых специалистов, как шпионов, так и наемников было бы целесообразно выделить в качестве отдельной категории и, дополнив этот перечень диверсантами, членами международных террористических организаций, предоставить им определенный, специальный правовой статус, отличный как от статуса гражданского населения, так и от статуса комбатантов. Однако, в нынешних правовых реалиях, все они относятся к гражданскому населению [3, с. 130].

В случае сомнения лицо считается гражданским, а если задержанное лицо признано комбатантом, характер гражданской операции должен быть доказан обвинением. В случае возникновения сомнений, человек, в отношении которого оно возникло, должен рассматриваться как пользующийся защитой от прямых нападений. Международный трибунал по бывшей Югославии также указывает на то, что, в случае сомнений о статусе лица (является ли оно гражданским лицом либо комбатантом), лицо должно считаться гражданским. На практике все равно одной из основных сложностей является сам процесс определения: принадлежит ли лицо к гражданским. В особо сложных случаях, когда на первый взгляд невозможно определить, к какой категории принадлежит лицо, необходимо руководствоваться общими понятиями: одежда, возраст, пол, степень уверенности в действиях, совершаемых лицом.

Доказательства, что атака была направлена на гражданские лица преднамеренно, можно установить, приняв во внимание конкретные ситуативные обстоятельства: предел видимости потенциальной цели и способность разглядеть внешние признаки, выводы из которых можно сделать, руководствуясь здравым смыслом [Там же, с. 131].

Проблема международно-правового статуса незаконных комбатантов в современных условиях имеет принципиальное значение, так как существующие в этой области пробелы международного гуманитарного права, и в частности Женевских конвенций, создают возможность грубых нарушений прав человека и вызывают угрозу безопасности гражданского населения в условиях вооруженного конфликта.

Также многие военнослужащие как в Российской Федерации, так и за рубежом привлекались к ответственности за преступления, направленные якобы против гражданских лиц во время вооруженного конфликта, на деле же они защищали свои жизни от действий незаконных комбатантов. Во время чеченской кампании была распространенная практика использовать в своих целях боевиками женщин и детей, например, для отвлечения внимания колонны и последующей ликвидации российских солдат.

Помимо этого, женщины и дети нередко выступали как незаконные комбатанты, и тут возникала ситуация: либо дать убить себя и своих товарищей, либо ликвидировать этого самого незаконного комбатанта, но в последующем плохая правовая урегулированность данного вопроса о разграничении гражданских лиц и незаконных комбатантов вытекала в реальный уголовный срок для военнослужащего, ибо очень трудно доказать принадлежность лица к незаконным комбатантам, а не к гражданскому населению.

В данной конвенции будут присутствовать следующие положения: введение переходного статуса (лица с неопределенным статусом) между гражданским лицом и незаконным комбатантом.

Лица с неопределенным статусом – внешний вид этих лиц подходит под статус гражданского лица, но их намерения и действия непосредственно препятствуют выполнению военных операций и влияют на ход боевых действий. Цели таких лиц неизвестны и неоднозначны. Такие лица не реагируют на требования покинуть место боевых действий, препятствуют передвижению вооруженных сил и создают условия для возникновения боевой ситуации, прямого столкновения противоборствующих сторон.

Лица с неопределенным статусом – временный статус лица, которое своими действиями создает потенциальную угрозу или возможность появления таковой, позволяющий военным обезопасить себя от внезапного нападения со стороны противника, а также со стороны данного лица, из-за невозможности быстрого определения его статуса, и с наибольшей вероятностью сохранить жизнь предположительно гражданскому лицу.

Необходимо закрепить в данной конвенции системы мероприятий, позволяющих определить статус лица, с целью исключения опасности по отношению к гражданским и военным лицам.

В отношении этих лиц предполагается применение силы, без угрозы их жизни и нанесения тяжкого вреда здоровью. Если после силового воздействия их действия не меняют характер, появляется правомерная возможность применения к ним правовых последствий перехода их из статуса неопределенного лица в статус незаконного комбатанта.

Список литературы

1. Кнут Д. Правовой статус незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов // Междунар. журн. Красного Креста. 2003. № 849. С. 51–87.

2. Мишкуро М. Понятие «незаконный комбатант» и его правовое положение в международном гуманитарном праве // Отечеств. юриспруденция. 2016. № 3. С. 20–26.

3. Павлова Л. В., Талеренок А. В. Понятие гражданского населения в международном гуманитарном праве. Новые концептуальные подходы // Труды факультета международных отношений : науч. сб. 2012. № 3. С. 129–132.

4. Тамразян М. В. Международно-правовой статус незаконных комбатантов. // Альманах современной науки и образования. 2008. № 6. С. 185–187.

УДК 340.1

ПАРАДИГМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Зарубаева Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия
г. Иркутск, e-mail: zarubaeva@ngs.ru

THE PARADIGMS OF HUMAN RIGHTS: THEORETICAL AND HISTORICAL ANALYSIS

Evgenia Zarubaeva

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and the State
The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются парадигмы правопонимания с точки зрения теоретико-исторического аспекта, проводится анализ формирования и эволюции традиционных типов правопонимания в контексте национальной правовой системы. Сделан вывод о том, что существование различных и зачастую противоборствующих концепций правопонимания есть закономерный результат развития системы права. Помимо этого, существующий в современности компромисс разных взглядов и принципов права – не что иное, как необходимый для достижения определенных практических целей способ официально-властного сочетания разных принципов для достижения максимально возможного согласия.

ABSTRACT

Legal understanding is a certain concept of the essence of law. For a long time, taking into account the changes of historical epochs, the term under consideration contained different notions about the importance of law, approaches to understanding its purpose varied. The author examines the paradigms of legal understanding from the point of view of the theoretical and historical aspect, analyzes the formation and evolution of traditional types of legal understanding in the context of the national legal system. In the course of studying the topic the author comes to the conclusion that the existence of various and often opposing concepts of legal understanding is a natural result of the development of the system of law. In addition, the existing compromise in the modern world of different views and principles of law is nothing more than a method of formal and imperious combination of different principles necessary to achieve certain practical goals in order to achieve the greatest possible agreement.

Ключевые слова: правопонимание; парадигма; концепция; парадигмы правопонимания; право; государство; мораль.

Keywords: legal understanding; paradigm; concept; paradigms of legal understanding; law; state; morality.

В современной отечественной правовой доктрине парадигмальному подходу в правопонимании уделяется достаточно много внимания. В частности, данной проблематике посвящены труды таких известных российских правоведов, как В. С. Нерсесянц, В. В. Лазарев, М. Н. Марченко, В. М. Сырых и многих других. М. Н. Марченко, рассуждая о проблеме правопонимания, отмечает, что нахождение единой позиции в правопонимании весьма важно и вместе с тем сложно, в первую очередь, в связи с познанием смежных, неразрывно связанных с пониманием права таких явлений, как политика, экономика, нравственность, мораль и многое другое [4].

На наш взгляд, данная точка зрения автора является справедливой, так как в действительности право, являясь социальным регулятором общественных отношений, непосредственно взаимодействует с моралью, нравственностью, политикой, экономикой, что необходимо учи-

тывать при осуществлении правоприменительной деятельности.

Хочется отметить, что категория «парадигма» первоначально была введена в науку Т. Куном, который указывал, что она представляет собой набор приемов познания и моделей (образцов) постановки и решения задач. Сама история науки представляет собой, по мнению Т. Куна, процесс эволюционного развития и революционной смены парадигм, предлагающий отказ ученых от устоявшихся стандартов профессиональной деятельности [2].

В отечественном правоведении существуют различные подходы к интерпретации понятия парадигмы. Под парадигмой в отечественной теории права понимают, как правило, типы правопонимания. На таком подходе настаивает, например, Н. В. Варламова [1]. Более широкое понимание парадигмы применительно к праву принадлежит Г. В. Мальцеву, который указывает: «Термин "парадигмы" мы берем в распространительном науковедческом смысле – это общепринятые в определенном месте и времени образцы постановки и модели решения научных проблем, своего рода теоретические и методологические координаты науки. Они меняются реже, чем основная масса научных идей, конструкций и теорий, представляют устойчивые рамки развития науки на протяжении столетий и целых эпох» [3].

В данной статье категория «парадигма» рассматривается как философская парадигма, которая служит методологической базой для правовых исследований, а именно понимание общества и права как социального регулятора в гуманитарных науках в определенные периоды развития отечественной теории права.

Определяющее значение той или иной концепции и типа правопонимания в собственно научном плане обусловлено научно-познавательным статусом и смыслом понятия права в рамках любой последовательной, систематически обоснованной, развитой и организованной юридической теории и невозможно без исследования исторических предпосылок, лежащих в основе каждой из существующих парадигм. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Господствующее место в юридической доктрине дореволюционной России занимала позитивистская (государственно-организационная, пользуясь терминологией того времени) школа права, в соответствии с которой под правом понималось средство государственного принуждения. По мнению Г. Ф. Шершеневича, являющегося сторонником данной теории, правом следует считать совокупность императивно-атрибутивных душевных переживаний, которые путем психического взаимодействия членов какой-либо группы приобретают общее значение и объективируются в правовых нормах.

Помимо позитивистской, существовала и активно поддерживалась научным сообществом другая концепция – социологическая (иначе – социологический позитивизм). Яркими ее представителями были С. А. Муромцев и Б. А. Кистяковский. По мнению сторонников данной концепции, под правом следовало понимать совокупность осуществляющихся в жизни правовых предписаний, в которых вырабатываются и выкристаллизовываются правовые нормы.

Ко второй половине XIX – началу XX в. сложились по меньшей мере следующие школы права: юридический позитивизм (догматический и социологический – право есть продукт воли государства, а также и других факторов); нормативизм (этический, логический, собственно юридический); психологическая теория права (право есть императивно-атрибутивные переживания); реалистическая теория права (право есть закрепленный государством интерес); различные версии естественного права; философское обоснование права (право есть мера свободы, формальная свобода).

Перестроечные и постперестроечные процессы в современной России содействовали не только значительным и глубинным социальным трансформациям, но также вполне определенным переменам политическим (новый вариант представительного правления, узаконенный политико-партийный плюрализм и др.). Одновременно была сделана заявка на коренное обновление законодательства. Несколько в тени остался и продолжает оставаться вопрос о своеобразии соответствующего новой исторической обстановке правопонимания. При этом необходимо отметить, что различные «новшества» того времени порождали и определенные противоречия в судебной практике, ведь, с одной стороны, уже прочно закрепились в сознании старые представления о праве, а с другой – социалистическое правосознание настойчиво требовало отказа от таких понятий и представлений [7].

Юридическое сообщество ученых и практиков советского периода довольствовалось упрощенной версией представлений о природе и назначении права. Право как совокупность определенных правил, ожиданий и требований в этот период ассоциировалось прежде всего с конкретными положениями текста законов (по принципу: право = закон), а главным его изготовителем и оформителем считалось исторически

новое государство в лице учреждений верховной власти, включая, разумеется, и коммунистическую партию, хотя фактическая олигархическая и доминирующая роль партии в таких делах по понятным причинам всячески маскировалась и затушевывалась в угоду официальной версии о социалистическом народовластии, «пролетарском праве» и революционной (социалистической) законности. Неудивительно, что в этой связи в настоящее время предпринимаются попытки рассматривать подобное (социалистическое) правосознание в качестве разновидности правового нигилизма, рядом автором вводится понятие «коммунистический правовой нигилизм» без обоснования последнего, но который отягощает посттоталитарное правосознание [5].

Правопонимание советского периода характеризует и отличает, таким образом, преимущественно социологизированное истолкование природы и социального назначения права в обществе и государстве. Оно отчасти основывалось на знаменитом высказывании авторов Коммунистического манифеста (1848) о том, что право есть лишь возведенная в закон воля господствующего класса, а государство в таком случае – всего лишь комитет, ведающий делами этого господствующего класса. Основоположники «научного социализма» имели в данном случае в виду господство класса буржуазии в современном им обществе и государстве. Их последователи, находясь уже в других исторических и политических условиях, распространили социополитический смысл этой формулы и на истолкование природы господства пролетариата в условиях государства диктатуры пролетариата и, как следствие, в условиях возникновения и упрочения так называемого пролетарского права, переименованного впоследствии в социалистическое право.

Новшеством в этой традиции стало восприятие государства публично-властной организацией и трактовка теории государства и права не только как науки о праве и государстве как социальных институтах, но также как «науки о человеке в его многообразных юридических связях и опосредованиях» [6].

Правопонимание советского периода – узко законническое, в этом смысле – узко позитивистское, в ряде случаев – с элементами социологического подхода. Последний компонент связан с определенным пониманием способов выражения классовой служебной роли права (социологизированная и отчасти психологизированная версия естественного права – П. Стучка, М. Рейснер и др.), а также с восприятием права в качестве формы общественного сознания и выражения социальных и политических идеалов (И. Разумовский и др.). В таком ключе право воспринималось в первую очередь как средство выражения воли господствующего класса, своеобразное орудие диктатуры пролетариата, что, по убеждению правоведов, не исключало правового регулирования общественных отношений. По этой логике право европейских государств также рассматривалось как орудие классового господства и выполнения в этой связи определенной служебной, в особенности угнетательской и репрессивной, функции.

П. Стучка, нарком юстиции и председатель Верховного Суда РСФСР, определял право как порядок общественных отношений, выгодный и угодный правящему классу. В этой трактовке заметно влияние конструкций немецкого юриста-социолога Р. Иеринга и русского правоведа С. Муромцева. По мнению Е. Пашуканиса, право есть некий равный масштаб в регулировании человеческого общения. Таковым является, например, равенство в торговле между участниками товарообмена в условиях капитализма. Правовое равенство в таком случае всегда есть равенство лишь формальное и ограниченное. При социализме право вначале есть инструмент технический, который, однако, способствует наступлению реального равенства, а не только формального. Пашуканису принадлежит инициатива в переименовании пролетарского права в социалистическое право.

Самым распространенным и задогматизированным на многие десятилетия определением права стала дефиниция А. Вышинского, обнародованная им на Всесоюзном юридическом совещании 1938 г., где она была возвышена над всеми иными, объявленными либо ошибочными, либо навеянными враждебными советскому строю взглядами и предрассудками. Право, по толкованию Вышинского, «есть совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью (как властью господствующего в обществе класса), а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата.» (Вышинский)

Именно определение Вышинского стало на многие годы не только общепринятым в массовой книжно-журнальной публицистике, но и официальным партийно-государственным правопониманием.

Отход от задогматизированного определения Вышинского начался в 60-е гг. усилиями А. А. Пионтковского и С. Ф. Кечекьяна, акцен-

тировавших внимание на том обстоятельстве, что для правильного восприятия права следует обращать внимание одновременно не только на нормы права, но и на регулируемые ими правоотношения. Затем в центре дискуссии оказалось противостояние узкого нормистского истолкования природы права (право есть установленные государством нормы регулирования общественных отношений) и широкого (многоаспектного) правопонимания (право есть не только норма, но и правоотношение, и правовое знание).

Что же касается современной юридической литературы, то хочется отметить, что по-прежнему доминируют легистские (позитивистские) воззрения, а участившиеся (под влиянием положений действующей Конституции РФ об основных правах и свободах человека) апелляции к естественному праву пока еще весьма далеки от теоретико-концептуальной осмысленности и определенности. Немаловажно и то, что каждый из этих двух подходов имеет свой типообразующий принцип правопонимания (и понятия государства), отрицающий все остальное, причем для одних все нелегистское (непозитивистское) – это юснатурализм, для других все неюснатуралистское – это легизм (позитивизм).

Таким образом, обобщая все рассмотренные концепции правопонимания в теоретико-историческом аспекте, придем к следующему выводу. Практическое сосуществование (с их взаимодействием, борьбой, взаимовлиянием и т. д.) различных принципов в одной предметной сфере (например, наличие принципиально различных типов правопонимания в рамках юридической теории) возможно и закономерно, и не означает, конечно, их теоретического единения. Существующий прагматический компромисс различных принципов в действующем праве (например, компромисс между естественным правом и позитивным правом с требованием соответствия второго первому в современных конституциях, включая и Конституцию РФ) – это не единство разных принципов, а не что иное, как необходимый для достижения определенных практических целей (для реального осуществления в жизни общепризнанных требований естественного права в организации и деятельности государства и в позитивном праве) законодательный способ официально-властного сочетания разных принципов для достижения максимально возможного согласия и продуктивного взаимодействия между ними в сфере правовой регуляции.

Список литературы

1. Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журн. рос. права. 2009. № 12. С. 24–35.

2. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М. : Прогресс, 1975. 288 с.

3. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 309с.

4. Марченко М. Н. Современное правопонимание : курс лекций. М. : Норма: ИНФРАМ, 2016. 200 с.

5. Мигущенко О. Н. Было ли революционное правосознание больным и вырождающимся? // Юрид. мир. 2007. № 8. С. 76–80.

6. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Современные концепции правопонимания : учеб. пособие. Казань : Познание, 2013. 159 с.

7. Шакирьянов Р. В. Эволюция института принятия нового решения в суде второй инстанции в гражданском процессе // Рос. судья. 2010. № 11. С. 7–11.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.9

РАЗВИТИЕ ГАС «ПРАВОСУДИЕ» В СУДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Данеев Алексей Васильевич
доктор технических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, e-mail: daneev@mail.ru

Данеев Роман Алексеевич
кандидат технических наук, преподаватель кафедры информационно-правовых дисциплин Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации г. Иркутск, e-mail: romasun@mail.ru

DEVELOPMENT OF GAS "PRAVOSUDIYE" IN COURTS OF THE IRKUTSK REGION

Alexey Daneev
Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

Roman Daneev
Candidate of Technical Sciences , Lecturer of the Department of Information and Legal Disciplines, The East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются вопросы создания и внедрения ГАС «Правосудие» в судах России, в том числе и в Иркутском областном суде. Обсуждаются также первоочередные задачи по ее развитию.

ABSTRACT

The article deals with the creation and implementation of GAS "Pravosudiye" in the courts of Russia, including the Irkutsk Regional Court. The priorities for its development are also discussed.

Ключевые слова: информационные технологии; ГАС «Правосудие»; видеоконференцсвязь.
Key words: information technology; GAS "Pravosudiye"; video conferencing.

Жизнь современного общества сегодня невозможно представить себе вне использования информационных технологий, применяемых практически во всех сферах деятельности человека.

Информационные технологии, представляя собой весь накопленный опыт человечества в форматизированном виде, пригодном для прикладного использования, в котором сконцентрированы научные знания и материалистический опыт для осуществления общественных процессов, дают возможность выстраивания эффективной системы управления, обеспечивающей повышение качества выполняемых работ, дальнейшее увеличение их объема и сокращение сроков выполнения.

Безусловно, информационные технологии активно используются в юриспруденции и непосредственно в судопроизводстве.

Информатизация судебной деятельности в Российской Федерации является одним из приоритетных направлений реформирования и совершенствования судебной системы, реализации целей федеральных программ «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг., 2007–2012 гг.,

2013–2020 гг. (к примеру, согласно приложению 7 к программе 2013–2020 гг. на информатизацию судов России всех уровней и системы Судебного департамента в 2017 г. было запланировано и направлено 1525,88 млн руб.)[1].

Говоря о внедрении информационных технологий в судебную деятельность, исследователи, как правило, берут за точку отсчета 2002 г. – год принятия Советом судей РФ Концепции информатизации судов общей юрисдикции, предусматривающей разработку Судебным департаментом при Верховном Суде РФ самого масштабного информатизационного проекта – Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»).

Между тем следует отметить, что первые шаги по внедрению отдельных информационных и коммуникационных технологий в судопроизводство были сделаны еще в 1989 г. – именно тогда были начаты работы по созданию автоматизированной системы учета рассмотрения уголовных и гражданских дел в Московском городском и Челябинском областном судах [1].

С 1992 г. стали предприниматься первые попытки по обеспечению судов электронно-вычислительными машинами в целях компьютеризации делопроизводства и использования их в последующем для анализа судебной практики с возможностью обновления и передачи информации на места.

В 1996 г. Министерством юстиции России принимается «Программа информатизации судов и органов юстиции на 1996–1997 гг.», в рамках которой предусматривалось приобретение для судов Российской Федерации компьютерной техники, предназначенной для ведения баз данных правовой информации и судебной статистики**,** в количестве не менее 1 тыс. шт. и аппаратно-программного обеспечения AS/400 для разработки указанных баз данных и автоматизации делопроизводства, а также обеспечение постгарантийного обслуживания компьютеров. В это же время предпринимается попытка по обеспечению областных и равных им судов выходом в интернет [1].

Сегодня эти шаги мы назовем, конечно, точечными, но в период серьезного недофинансирования судебной системы, испытывающей не только кадровый, но и материально-технический, финансовый «голод», даже эти небольшие «вливания» единиц информационно-вычислительной техники стали хорошим подспорьем для судов (по информации «старожилов» – сотрудников Иркутского областного суда, работающих в суде в 90-е гг., к примеру, в 1995 г. в Иркутском областном суде – суде уровня субъекта Федерации, имелся в наличии всего один (!) компьютер, который использовался в качестве кодификационной базы).

Конец 1990-х гг. был ознаменован началом создания Верховным Судом РФ в 1998 г. электронного банка судебных решений, первым в мировой практике рассмотрением 8 ноября 1999 г. Челябинским областным судом («пилотным» судом) кассационной жалобы осужденного в режиме видеоконференцсвязи.

Постановление Совета судей РФ от 11 апреля 2002 г. № 75 «Об информатизации судов» стало мощнейшим импульсом для разработки и внедрения в суды России совершенно новых, предназначенных *именно* для судов информационных технологий, направленных на совершенствование судебной деятельности, улучшение доступа граждан к правосудию. В пунктах 1 и 2 постановления утверждалась представленная Судебным департаментом при Верховном Суде РФ редакция Концепции информатизации судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента как составная часть единой Концепции информатизации всей судебной системы Российской Федерации и как база для создания единой Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие»; Судебному департаменту и структурным подразделениям Высшего Арбитражного Суда РФ рекомендовалось согласовать механизмы взаимодействия действующих и вновь создаваемых информационных систем в рамках единой Концепции информатизации судебной системы России и создаваемой ГАС «Правосудие».

Сегодня ГАС «Правосудие» входит в пятерку крупнейших государственных автоматизированных систем России; с ее помощью формируется единое информационное пространство судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Задача ГАС «Правосудие», как указывает руководство федерального государственного бюджетного учреждения «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие», весьма широка и амбициозна: обеспечивать информационную и технологическую поддержку российского судопроизводства.

[1] Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе : постановление IX Всерос. съезда судей от 8 дек. 2016 г. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssrf.ru/page/22596/detail/.

Возвращаясь к истории создания и внедрения ГАС «Правосудие» в судах России, в том числе и в Иркутском областном суде (поскольку наш суд был одним из «пилотных»), необходимо выделить следующие этапы реализации данного проекта:

- 2004 г. – разработка технорабочего проекта и формирование базы для развертывания работ по созданию ГАС «Правосудие» во всех субъектах Российской Федерации;
- 2005 г. – отработка функционирования подсистем и оснащение объектов информатизации;
- 2006 г. – полномасштабное оснащение и внедрение функциональных систем.

Головным исполнителем проекта стало федеральное государственное унитарное предприятие Научно-исследовательский институт «Восход» (ФГУП НИИ «Восход»).

Как указывали разработчики, ГАС «Правосудие» на первоначальном этапе предназначалась для предоставления информационно-телекоммуникационных услуг работникам судов и органов Судебного департамента, взаимодействующим организациям и гражданам, поддержания в работоспособном состоянии компьютерных средств, а также обучения кадров новым информационным технологиям и представляла собой территориально-распределенную информационно-телекоммуникационную систему обработки и передачи информации [1].

С 2004 г. на основании контракта между ФГУП НИИ «Восход» и ООО «Агора-Софт» была создана автоматизированная система «Судебное делопроизводство и статистика», которая в дальнейшем вошла в состав ГАС «Правосудие».

Апробация подсистем ГАС «Правосудие» проводилась на базе «пилотных» судов, в число которых, как уже мною упоминалось, вошел и Иркутский областной суд.

В течение 2006 г. – в период с 1 января по 20 декабря, в г. Иркутске на базе областного суда проводилась опытная эксплуатация подсистем «Документооборот и обращения граждан», эксплуатация и техническая поддержка программного комплекса судебного делопроизводства разработки компании ЗАО «КРОК Инкорпорейтед», во время которой согласно акту выполнялись следующие виды работ:

– отработка подсистемы и эксплуатационной документации в реальных условиях функционирования;

– анализ и устранение замечаний, возникших в процессе опытной эксплуатации;

– отработка должностных инструкций для пользователей в связи с применением средств автоматизации ГАС «Правосудие».

Во время эксплуатации по каждой системе велись рабочие журналы, в которые заносились сведения о неисправностях, отказах, аварийных ситуациях и сбоях программно-технических средств объектов автоматизации.

Результаты эксплуатации подсистемы в Иркутске в целом были признаны положительными. Предлагалось рекомендовать Судебному департаменту при Верховном Суде РФ предъявить подсистему «Документооборот и обращения граждан» на приемочные испытания.

В 2005 г. разработчиками ГАС «Правосудие» создано СПО, документация, проведены проверки на стенде головного исполнителя (ФГУП НИИ «Восход»), предварительные испытания в опытной зоне и базовых судах следующих подсистем: «Право», «Кадры», «Документооборот», «Видеоконференцсвязь», «Банк судебных решений (судебной практики)», «Отображение информации коллективного пользования», «Судебное делопроизводство и статистика», «Обращения граждан», «Организационное обеспечение», «Недвижимость», «Финансы», «Интернет-портал ГАС “Правосудие”», «Общественные связи», «Судейское сообщество», «Связь и передача данных».

В том же 2005 г. разработаны макеты (прототипы) подсистем: «Административное управление», «Ведомственная статистика Судебного департамента», «Контроль финансов», «Материально-технические ресурсы», «Международно-правовое сотрудничество», «Обеспечение безопасности информации», «Обеспечение эксплуатации и сервисного обслуживания», «Обучение кадров», «Обучение», «Судебная экспертиза», «Управление и контроль функционирования».

Обучение сотрудников судебной системы России (судей и сотрудников аппаратов судов, управлений Судебного департамента – всего более полутора тысяч человек) работе с подсистемами «ГАС “Правосудие”» велось сразу в пяти центрах в городах Москве, Новосибирске, Самаре, Казани, Уфе, а также в Российской академии правосудия и ее филиалах. Кроме того, группы пользователей ГАС «Правосудие» занимались в учебных классах в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Екатеринбурге, Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Новосибирске, Самаре, Казани, Уфе, Ростове-на-Дону, Воронеже, Челябинске.

В ноябре 2006 г. ГАС «Правосудие» была принята Государственной приемочной комиссией и повсеместно внедрена в судах общей юрис-

дикции России, а также управлениях Судебного департамента в регионах.

За прошедшее десятилетие ГАС «Правосудие» совершенствовалась и модернизировалась с учетом ее использования судами на практике, внесения изменений в действующее законодательство, требований времени и удовлетворения постоянно возрастающей потребности общества в информации обо всех аспектах деятельности судебной системы.

К примеру, в связи с принятием Федерального закона 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», предоставившим гражданам право получать открытую информацию о решениях судов, в ГАС «Правосудие» были включены необходимые модули, позволяющие публиковать на сайтах судов деперсонифицированные данные. В результате на объединенных в общую инфраструктуру сайтах судов с 2010 г. любой пользователь сети Интернет может получить информацию о вынесенных судебных решениях, о назначенных судебных заседаниях. С 2012 г. участники судебных процессов информируются о судебных заседаниях посредством СМС-уведомлений, только в 2016 г. в целом судами России было направлено 9,5 млн СМС-уведомлений о назначенных судебных заседаниях [2], а с января 2017 г. в судах общей юрисдикции появилась возможность подачи юридически значимых исков в электронном виде через официальные сайты судов.

Сегодня ГАС «Правосудие» является территориально распределенной автоматизированной системой, предназначенной для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Общая численность автоматизированных рабочих мест ГАС «Правосудие» в России превышает 140 тыс. единиц, имущественный комплекс системы включает свыше 700 тыс. единиц средств автоматизации и вычислительной техники (серверное, сетевое и телекоммуникационное оборудование, комплексы видеоконференцсвязи, видео- и аудиопротоколирования хода судебных заседаний, информационные терминалы и экраны (табло), оборудование скрытия свидетеля), размещенных почти на 3 тыс. объектах автоматизации.

Функционально ГАС «Правосудие» на сегодняшний день обеспечивает автоматизацию процессов сбора, обработки, накопления, хранения, выдачи на средства отображения и передачи по КС следующих данных:

– об органах судебной власти, действующих на территории;

– о сроках и состоянии хода рассмотрения уголовных, гражданских дел административного правонарушения в судах различных уровней;

– об оформлении судебных документов уголовных дел в процессе регистрации, ознакомления, подготовки, рассмотрения дел, вынесения приговоров, определений, приостановлении производства по делу, направлении дела по подсудности, прекращении дела, передачи в архив и представление материалов хода судебного заседания на уровне архива фонограммы и оформленного протокола заседания;

– об оформлении документов в ходе работы коллегии по гражданским, уголовным делам и делам административных правонарушений (регистрация жалоб и обращений, работа с материалами, принятие дела в производство и его регистрация, рассмотрение дела с вынесением определения или постановления, передача дел в канцелярию и в архив, хранение дела в архиве);

– о результатах обработки судебной статистики с обеспечением объективного анализа правоприменительной практики и структуры правонарушений;

– о состоянии кассационных уголовных и гражданских дел и дел административных правонарушений;

– о нерассмотренных уголовных и гражданских жалобах, жалобах по административным правонарушениям, истребованных делах и протестах, рассматриваемых в надзорном порядке;

– о составе уголовных и гражданских коллегий;

– о нагрузках судей уголовных и гражданских коллегий;

– о правовой информации по действующему законодательству РФ из автоматизированных правовых баз данных (БД);

– об административном управлении судов общей юрисдикции и системы СД (информационные сведения об использовании финансовых, материально-технических, кадровых и других видов ресурсов; аналитические сведения о ситуациях, выявленных тенденциях; материалы планирования, принятые решения, контроль хода выполнения решений);

– об организационном обеспечении (информация о единой системе классификации и кодирования, принятая в ГАС «Правосудие», нормативно-справочная информация, организационно-распорядительная информация, регламентирующая делопроизводство и деятельность работников судов, информация территориально-

объектового контроля; каталогизированная и библиотечная информация);

– о планах и проектах финансирования судов общей юрисдикции и системы СД, о формировании бюджетных ассигнований, об исполнении расходной части федерального бюджета;

– об организации системы финансового контроля и результатах контрольно-ревизионной деятельности;

– о кадровом обеспечении деятельности судов и органов СД, включая потребности, аттестацию кадров, отбор и профессиональную подготовку, формирование резерва, вопросы социального обеспечения, персонального учета;

– о судебной практике, включая БД судебных решений, информационно-аналитическую поддержку судебного делопроизводства;

– о делопроизводстве и документообороте, включая вопросы контроля исполнения документов и поручений, организации оперативного и архивного хранения;

– о материально-технических ресурсах (МТР);

– о вопросах профессионального образования кадров;

– о материалах по взаимодействию с федеральными органами управления и власти;

– о координации и развитии международных связей в интересах обеспечения деятельности судебной системы;

– об обобщении и распространении опыта деятельности органов судейского сообщества;

– об организации освещения в средствах массовой информации материалов судебной системы и материалов мониторинга СМИ по ключевым вопросам деятельности судов;

– об обращении граждан по вопросам форм и методов работы судебной системы;

– о взаимодействии между центральными национальными органами обеспечения деятельности судов (в первую очередь, в рамках СНГ) с ведущими международно-правовыми и судебными организациями (Международным судом, Советом Европы и другими зарубежными организациями).

При этом автоматизируются функции:

– документооборота (коллективная разработка документов, поиск документов, обмен документами, контроль исполнения);

– правового обеспечения деятельности судов;

– обеспечения эксплуатации и сервисного обслуживания системы;

– управления и контроля функционирования системы;

– обучения пользователей и специалистов системы;

– информационно-справочного обслуживания пользователей системы;

– проведения судебных заседаний с использованием средств видеоконференцсвязи;

– представления информации о судах общей юрисдикции и системе СД в сети Интернет и на средствах отображения коллективного пользования;

– формирования протокола хода судебного заседания на базе фонограмм;

– обеспечения защиты информации.

Стоит отметить, что система видеоконференцсвязи в Иркутском областном суде функционирует уже с 2004 г. и активно используется при рассмотрении дел как по первой, так и в апелляционной и кассационной инстанциях, при допросах свидетелей из других регионов, для работы с Верховным Судом РФ, судами и следственными изоляторами России, что позволяет существенно экономить и судебное время, и финансовые средства. Так, например, в 2017 г. только по уголовным делам – по первой, в судах апелляционной и кассационной инстанций было проведено свыше 3 тыс. судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи, что является ярким свидетельством того, что информационные технологии прочно вошли в деятельность работы судов. Активно используется система аудио-, видеопротоколирования судебных заседаний, предназначенная для автоматизации процессов видео- и аудиофиксации выступлений участников процессов и подготовки протоколов. Как показывает практика, аудио- и видеозапись судебного заседания позитивно влияет на соблюдение процессуальных норм, повышает корректность поведения участников процесса. Подсистемы ГАС «Правосудие» – в первую очередь, «Судебное делопроизводство и статистика», «Банк судебных решений» и ряд других успешно используются в суде для оптимизации делопроизводства, в том числе автоматизированного учета дел, возможности их поиска в базе данных по различным критериям, формирования статистических отчетов. Данные, введенные в указанные подсистемы, также используются для отображения на интернет-сайте суда, информационных киосках и табло, установленных в холлах зданий суда. С их помощью посетители в режиме реального времени могут ознакомиться со списком назначенных к слушанию дел, получить сведения о реквизитах оплаты и размере пошлины, иную полезную информацию справочного характера. Побывавшая с визитом в Иркутской области в августе 2015 г. комиссия Совета судей РФ по информатизации и автоматизации работы

судов, проанализировав состояние дел по эксплуатации ГАС «Правосудие» и формированию информационного пространства судов общей юрисдикции региона, проверив исполнение судами требований Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», дала положительную оценку работе судов Иркутской области, что отражено в постановлении Президиума Совета судей РФ от 6 октября 2015 г. № 473[1].

В рамках комплексного подхода к обеспечению транспарентности и доступности правосудия для граждан во всех судах России средствами ГАС «Правосудие» созданы и ведутся автоматизированные картотеки судебных дел, банки судебных решений; в соответствии с требованиями законодательства осуществляется подготовка текстов судебных актов к размещению на официальном интернет-сайте, в «пилотном» режиме на базе Белгородского областного суда апробируется онлайн-трансляция судебных заседаний.

Для обеспечения эксплуатации программно-технических средств ГАС «Правосудие», проведения их тестирования и тиражирования, формирования моделей реконфигурации региональных фрагментов системы, поддержки пользователей ГАС «Правосудие», хранения и автоматизированной обработки судебной информации (включая электронные архивы судебных дел), интеграции информационных ресурсов и данных судебной статистики в 2012 г. распоряжением Правительства РФ от 2 мая 2012 г. № 681-р созданы «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС "Правосудие"» и его филиалы в регионах (в том числе в г. Иркутске), работает горячая линия, портал технической поддержки.

Современное общество с бурно развивающимися информационными технологиями ставит перед судебной системой новые задачи[2].

В постановлении IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» говорится о том, что «развитие и модернизация ГАС "Правосудие", а именно: организация мероприятий по формированию единого информационного пространства федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и мировых судей, организация взаимодействия ГАС "Правосудие" с информационными системами федеральных органов исполнительной власти и иных федеральных государственных органов, обеспечение необходимых условий для внедрения и использования элементов электронного судопроизводства, обеспечение доступа к информации о деятельности судов в электронном виде, создание единой базы судебных дел, создание системы эффективного поиска документа являются приоритетными в условиях автоматизации судебного делопроизводства и введения на законодательном уровне элементов электронного судопроизводства»[3].

Основополагающим документом, определяющим стратегию внедрения информационных технологий в деятельность судов и их взаимодействие с обществом, является Концепция развития информатизации судов до 2020 г., утвержденная постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439, в которой обозначены основные положения для планирования мероприятий и работ по внедрению электронного правосудия в едином информационном пространстве судов общей юрисдикции, арбитражных судов и участков мировых судей в рамках развития ГАС «Правосудие». При этом внедрение сервисов электронного правосудия – одно из магистральных практических направлений реализации Концепции. Помимо включения в единое информационное пространство судов общей юрисдикции, арбитражных судов и участков мировых судей и совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия, ключевыми задачами являются модернизация программно-аппаратной среды, внедрение современной инженерной инфраструктуры на базе «облачных технологий», центров обработки данных и широкополосных каналов связи, развитие механизмов сквозного юридически значимого электронного документооборота. Планируется, что все вышеперечисленное позволит на более высоком уровне повысить доступ граждан к правосудию, оптимизировать работу судов, снизить нагрузку на судей и сотрудников аппарата, минимизировать бумажный документооборот, сократить расходование бюджетных средств и, в конечном счете, перева-

[1] Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 6 окт. 2015 г. № 473 [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=537; http://www.ssrf.ru/page/18432/detail/.

[2] Звонарева О. ГАС «Правосудие»: реальность и перспективы [Электронный ресурс] // Компьютерная неделя (PC Week/RE). 2017. 24 янв. URL: https://www.itweek.ru/gover/article/detail.php?ID=191427.

[3] Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе [Электронный ресурс] : постановление IX Всерос. съезда судей от 8 дек. 2016 г. № 1. URL: http://www.ssrf.ru/page/22596/detail/.

сти суды на максимально высокий уровень информатизации.

По информации заместителя руководителя ФГБУ ИАЦ Судебного департамента Р. И. Калины, в связи со значительными объемами модернизации ГАС «Правосудие» работы будут проводиться поэтапно, до 2020 г.[1]

В числе первоочередных задач:

• расширение электронного взаимодействия федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, Верховного Суда РФ и мировых судей на основе юридически значимого электронного документооборота в рамках единого защищенного информационного пространства;

• обеспечение доступа граждан и организаций к сервисам ГАС «Правосудие», в том числе создание «личного кабинета» участника судебного заседания, развитие средств интернет-трансляции судебных заседаний;

• развитие и модернизация прикладных информационных подсистем;

• обеспечение взаимодействия с внешними автоматизированными информационными системами на основе юридически значимого электронного документооборота;

• модернизация и развитие инфраструктурной составляющей, в том числе создание стенда Главного конструктора и оснащение зон опытной эксплуатации.

Список литературы

1. Организация судебной деятельности : учебник / В. А. Бобренев [и др.] ; под ред. В. В. Ершова. М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2016. 390 с.

2. Общие принципы и основы функциональных возможностей подсистем ГАС «Правосудие». Порядок их опытной эксплуатации и внедрения на объектах автоматизации // Сб. к семинару представителей информ.-правов. отделов суд. департаментов и обл. судов субъектов РФ. Брянск, 2006. 46 с.

[1] http://docplayer.ru/31228935-Razvitie-gas-pravosudie-o-rezultatah-i-planah.html.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Авдеев Максим Евгеньевич
аспирант, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: Law.38@mail.ru

Сафронова Екатерина Владимировна
адъюнкт, Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации, старший лейтенант полиции
г. Иркутск, e-mail: ekaterina6205@yandex.ru

ON THE CONCEPT OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Maxim Avdeev
Postgraduate student, Baikal State University
Minister for Regulation of the Procurement Contracting System of the Irkutsk Region

Ekaterina Safronova
Adjunct of the Department of Criminalistics, The East-Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Senior Lieutenant

АННОТАЦИЯ

Проанализированы концептуальные понятия раскрытия и расследования преступлений. Сделан краткий анализ взглядов ученых-криминалистов по данному вопросу. Уделено особое внимание допросу лиц, совершивших разбойные нападения на объекты финансово-кредитной сферы.

ABSTRACT

The article analyzes the conceptual concepts of disclosure and investigation of crimes. A brief analysis of the views of forensic scientists on this issue. Special attention is paid to the question of interrogation of persons who committed robbery attacks on objects of financial and credit sphere.

Ключевые слова: расследование преступлений; раскрытие преступлений; допрос подозреваемого; взаимодействие; особенности квалификации.

Keywords: investigation of crimes; disclosure of crimes; interrogation of the suspect; interaction; features of qualification.

В научной литературе и практической деятельности органов предварительного следствия и дознания широко используется понятие «раскрытие преступлений», которое служит критерием оценки деятельности правоохранительных органов и их эффективности в борьбе с преступностью.

На сегодняшний день однозначного определения «раскрытия преступлений» нет. Существует огромное количество мнений ученых-исследователей, трактующих данное определение субъективно. Данный факт указывает на актуальность рассматриваемого вопроса.

Так, специальная инструкция Наркомюста РСФСР № 204, НКВД РСФСР № 657 от 12 декабря 1925 г. раскрытыми считала преступления, если:

1) преступник задержан и сознался, но похищенное имущество изъято;

2) преступник задержан, не признает своей вины, уличается по делу собранными доказательствами;

3) преступник задержан и сознался, по похищенное имущество не разыскано;

4) преступник известен, но не задержан, изобличается обнаруженными доказательствами [6, с. 49].

Необходимо отметить, что указанная инструкция соответствовала теории выдвинутой А. Я. Вышинским, который утверждал, что «объяснения обвиняемых неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств». Данный факт использовался органами НКВД в 30-е гг. при расследовании государственных преступлений, главной задачей которых было получение признательных показаний любой ценой [1, с. 101].

Данное положение просуществовало до 1987 г., когда в стране были объявлены «перестройка, гласность и ускорение» и в периодической печати публиковались статьи, в которых содержалась информация о виновных в судебных ошибках, необоснованных арестах, и, как сказал известный ученый А. К. Гаврилов, «тут-то и подоспел миф и мнимой гигантомании злодеев-следователей, которым же и закон не писан и управы на них нет. И начались накачки, и полетели строгие указания об уплотнении сроков расследования, о сокращении санкции на арест, о передаче больше дел на общественность. Крупные дела стали дробить, резать по-живому, выделяя из них материалы для последующего погребения в пыли архивов. Логическим продолжением борьбы с гигантоманией стало гонение на светлые умы, чистые руки, на мастеров оперативной и следственной деятельности. Началась очередная чистка следственного аппарата, травля строптивых, шельмование чрезмерно активных, компрометация неугодных….» [2].

19 ноября 1987 г. генеральный прокурор СССР и министр внутренних дел СССР подписали совместное письмо «О введении нового критерия оценки раскрытого преступления и внесении изменений в Инструкцию о едином учете преступлений», на основании которого преступление считалось раскрытым только тогда, когда уголовное дело окончено производством и обвинительное заключение утверждено прокурором [11, с. 45].

С развитием общества, укреплением законности в стране, принятием нового Уголовно-процессуального кодекса РФ возникла необходимость в изменении понятия «раскрытие преступления». Так, согласно примечанию к п. 19 «Единой статистической карточки на раскрытое преступление», преступление считается раскрытым с момента предъявления обвинения [6, с. 49]. Таким образом, момент раскрытия неразрывно связан с важнейшим процессуальным действием по вынесению законного и обоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств и установленных материалов. После предъявления обвинения подозреваемому в уголовном судопроизводстве появляется новый субъект – обвиняемый. Соответственно, возникают новые способы взаимодействия, а также права и обязанности субъектов расследования.

Важным этапом после предъявления обвинения выступает допрос лица в качестве подозреваемого, который имеет свои особенности в зависимости от вида и категории преступления. Так, к примеру, при расследовании разбойных нападений на объекты финансово-кредитной сферы, совершенные организованными преступными группами, предъявление обвинения и допрос лица в качестве обвиняемого – ключевое следственное действие, имеющее огромное информационное значение для процесса расследования и планирования последующих следственных действий. Сложность допроса заключается в том, что при квалификации преступного посягательства на объекты финансово-кредитной сферы имеет место сложносоставной субъект – организованная преступная группа. Это говорит о том, что следователю необходимо тщательно подготовиться к допросу каждого участника организованной группы, особое внимание уделить подготовке к допросу организатора, поскольку он является ключевой фигурой указанной группы и, соответственно, эмоционально и интеллектуально более подготовлен к оказанию противодействия расследованию. Возможно, что и другие участники организованной преступной группы настроены негативно, в таком случае следователю необходимо максимально хорошо подготовиться к допросу указанных лиц, для этого необходимо изучить как можно больше характеризующей информации об этих лицах, членах их семей, о деятельности указанной организованной преступной группы. Чем больше следователь при допросе указанных лиц будет информационно подготовлен, тем больше вероятность производства более качественного допроса.

Между тем в отечественной криминалистической науке до сих пор не выработано, как упоминалось выше, общепринятого взгляда на понятие раскрытия преступления. Актуальные понятия раскрытия преступлений можно разделить на три группы:

1) раскрытие преступлений – это установление и привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление;

2) преступление раскрыто, когда уголовное дело передано прокурору с обвинительным заключением;

3) преступление раскрыто, когда вынесен приговор суда [12, с. 139].

По данному факту совершенно справедливо отмечает О. П. Грибунов: «подобный разброс мнений отрицательно сказывается на эффективности разрабатываемых научных рекомендаций, способствует дезориентации практических работников» [4, с. 148].

Анализируя мнения большого числа ученых, можно сделать вывод, что предложения Н. И. Майорова и И. Х. Головченко подразумевают два неравнозначных понятия: раскрытие и расследование преступлений [8, с. 18].

Так, в соответствии со ст. 2 УПК РСФСР под раскрытием преступлений законодатель подразумевает одну из задач уголовного судопроизводства. Термин «раскрыть» обозначает обнаружить тайное, скрываемое, сделать неизвестное известным [5]. Руководствуясь логикой, можно растолковать словосочетание «раскрыть преступление» как обнаружить, сделать известными все факты, касающиеся совершенного деяния. На практике же не каждое расследованное дело обязательно связано с раскрытием преступления. Речь идет об очевидных преступлениях.

Подробней рассматривая вопрос о том, к какому уголовному делу можно применить понятие «раскрытое», необходимо обратить внимание на то, что все уголовные дела можно разделить на две большие группы:

1) дела, по которым установлены признаки преступления, но не установлены лица, виновные в совершении преступлений (так называемые объектовые преступления). По данным категориям уголовных дел выставляется статистическая карточка формы № 1 «Статистическая карточка на выявленное преступление»;

2) дела, которые необходимо расследовать для установления события преступления, а впоследствии принять одно из процессуальных решений [10, с. 277]. Чаще всего «лицевые дела», когда установлено лицо, совершившее преступление, и для полного и всестороннего процесса расследования и доказательства вины преступника.

Расследование преступлений можно интерпретировать как определенный вид познавательной деятельности, тогда как раскрытие преступлений – это задача органов дознания и предварительного следствия, и, по мнению В. А. Образцова, «понятие раскрытие преступления успешно может быть осуществлено лишь на основе разработки частных понятий применительно к деятельности каждого из органов» [9, с. 67].

Поддерживая мнения большинства ученых, необходимо отметить, что расследование – поле деятельности следователя, где он выступает главным связующим звеном при производстве определенных процессуальных действий, а также осуществляет координацию и руководство. Раскрытие – деятельность специально уполномоченных органов оперативных подразделений. Оба указанных понятия неразрывно и тесно связаны между собой. И реализуются посредством взаимодействия в различных формах и проявлениях. К наиболее часто встречаемым и результативным формам взаимодействия при раскрытии и расследовании уголовных дел можно отнести: совместную деятельность в составе следственно-оперативной группы, планирование и проведение совместных оперативных и процессуальных действий, оперативное сопровождение уголовных дел, реализацию материалов оперативной деятельности и другое.

На наш взгляд, самой результативной формой взаимодействия на первоначальном этапе раскрытия и расследования практически всех категорий преступлений является совместная деятельность в составе следственно-оперативной группы. Указанная деятельность в полной мере отражает понятия и раскрытия и расследования преступлений. Поскольку именно при указанной форме взаимодействия оперативные подразделения осуществляют раскрытие, в частности, по горячим следам, а следователи осуществляют расследование преступления в форме производства наиболее значимых следственных действий.

Рассматривая задачи оперативных подразделений и органов расследования, необходимо отметить, что задачи органов расследования гораздо шире, и, анализируя новый УПК РФ, можно выделить следующее:

1) установление события преступления, изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления;

2) установление обстоятельств, подлежащих доказыванию;

3) обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества;

4) выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления [12, с. 139].

Вместе с тем в УПК РФ отсутствует термин «раскрытие преступлений», тем самым можно сделать вывод о том, что в многолетней дискуссии подведен итог. Но это кажется только на первый взгляд, так как в ч. 2 ст. 21 УПК РФ подчеркнуто, что следователь, орган дознания, дознаватель принимают предусмотренные настоящим кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, ви-

новных в совершении преступления, т. е., выражаясь иными словами, принимают меры по раскрытию преступления. По этому поводу справедливо мнение В. А. Образцова: «Раскрыть преступление – это значит установить событие преступления и лицо, его совершившее». Тем самым можно сказать, что изобличение лица, виновного в совершении преступления, и раскрытие преступления – слова-синонимы.

Раскрытие преступления – это одна из стадий сложной поисково-познавательной деятельности по расследованию возбужденного уголовного дела. Данная стадия гораздо уже категории расследования преступления по своему объему, содержанию, а также субъектам познания.

После получения уголовного дела к своему производству, следователь, при выявлении новых эпизодов преступной деятельности, в соответствии со ст. 171 и 175 УПК РФ предъявляет обвинение еще раз, и в этом можно отметить еще одно отличие категории расследования и раскрытия преступлений.

И. М. Лузгин считал, что этап расследования – это его часть, элемент, представляющий собой взаимосвязанную систему действий, объединенных единством задач, условиями расследования, спецификой криминалистических приемов [7, с. 86]. И в принципе он прав, так как законодатель, выделяя ст. 157 УПК, подразумевает их специфику, поскольку они производятся при определенных условиях и им присущи определенные криминалистические приемы.

Таким образом, можно сказать, что раскрытие и расследование преступлений – первостепенные задачи уголовного судопроизводства, при этом каждая из них состоит из нескольких самостоятельных стадий. Раскрытие преступления как составная часть является необходимой стадией расследования преступлений, но и не каждое расследованное уголовное дело заканчивается раскрытием.

Список литературы

1. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1950. 308 с.

2. Гаврилов А. К. О понятии раскрытия преступлений. Волгоград : [б. и.], 1972. 470 с.

3. Головченко И. Х., Михайленко П. П. Раскрытие преступлений и борьба с рецидивом // Соврем. государство и право. 1965. № 4. С. 55–64.

4. Грибунов О. П. Расследование преступлений, совершаемых на транспорте : учеб. пособие. Иркутск : ВСИ МВД России, 2013. 148 с.

5. Даль В. А. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4. М. : Терра, 1995. 684 с.

6. Коренев С. Н. К вопросу об учете раскрытых преступлений // Административ. вестн. 1926. № 1-13. С. 13–18.

7. Лузгин И. М. Методические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973. 216 с.

8. Майоров Е. И. Теоретические вопросы статистического исследования деятельности органов предварительного следствия : автореф. … дис. канд. юрид. наук. М., 1970. 16 с.

9. Образцов В. А. Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1985. 108 с.

10. Протасевич А. А., Образцов В. А. Раскрытие убийств: нетрадиционные методы, приемы, рекомендации. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. 310 с.

11. Савицкий В. М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? // Сов. государство и право. 1974. № 8. С. 83–99.

12. Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов : Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1972. 142 с.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Васть*янова Олеся Дмитриевна**
адьюнкт, Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, e-mail: Vas11Le88@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF THE STATUS OF A SUSPECT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olesya Vastyanova
Adjunct, The East-Siberian Institute, of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Освещаются практические вопросы, возникающие в уголовном судопроизводстве при реализации прав подозреваемого. В результате проведенного исследования сформулированы предложения, позволяющие оптимизировать сроки уголовного судопроизводства и обеспечить механизм реализации прав подозреваемого как участника уголовного судопроизводства.

ABSTRACT

The author of the article highlights the practical issues arising in criminal proceedings in the implementation of the rights of the suspect. as a result of the study, proposals are formulated to optimize the timing of criminal proceedings and provide a mechanism for the implementation of the rights of the suspect as a participant in criminal proceedings.

Ключевые слова: подозрение в уголовном деле; подозреваемый; возникновение статуса подозреваемого; разумный срок судопроизводства; реализация прав.

Key words: suspicion in criminal case; suspect; emergence of the status of the suspect; reasonable term of legal proceedings; realization of rights.

Научные воззрения дают возможность рассмотреть различные точки зрения по поводу сущности института подозрения в уголовном судопроизводстве. Представляется, что подозрение можно рассматривать как предположение о субъекте преступления, неполную осведомленность о каких-либо фактах, обстоятельствах, т. е. вероятное, предположительное их объяснение. Между тем возникшее в сознании следователя (дознавателя) подозрение не делает это лицо подозреваемым в процессуальном смысле. Как обоснованно отмечали отдельные авторы, это происходит потому, что мнение следователя процессуально не закреплено [3, с. 28].

Л. В. Франк, в свою очередь, совершенно справедливо отмечал по данному вопросу следующее: «Подозрение – это суждение следователя о взаимоотношении, взаимосвязи и соответствии между известными обстоятельствами дела и определенной личностью, основанное на достоверных фактах, опытно-научных положениях и умозаключениях, а также на не проверенных еще данных, уличающих это лицо в совершении преступления с той или иной степенью вероятности» [4, с. 64].

В том же ключе подозрение рассматривает Л. М. Карнеева, определяя подозрение в трех ипостасях: как психологическую характеристику состояния сознания следователя, определяющую его субъективное отношение к исследуемому факту; как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и для выдвижения версий, а также как процессуальную категорию [1, с. 72–76].

Анализируя приведенные точки зрения, можно сделать обобщающий вывод, что подозрение – это только версия следователя (дознавателя) о причастности лица к совершению преступления. В ходе расследования уголовного дела версия о субъекте преступления и подозрение достаточно близки, однако, несмотря на это, между ними имеются некоторые отличия.

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве есть четкое определение лица, обвиняемого в совершении преступления, т. е. это лицо, в отношении которого есть достаточно доказательств, дающих основа-

ния для обвинения лица в совершении преступления. В связи с чем следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Статус обвиняемого также конкретно определен ст. 47 УПК РФ. Обвиняемым признается лицо, в отношении которого: вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, вынесен обвинительный акт, вынесено обвинительное постановление.

Однако кем же тогда является подозреваемый в уголовном деле и что является подозрением, порождает множество споров как среди ученых, так и среди правоприменителей. В уголовно-процессуальном законодательстве конкретно указано, в каких случаях лицо приобретает статус подозреваемого. При раскрытии данного понятия, вновь необходимо обратиться к УПК РФ, где указано, что подозреваемый – это уголовно преследуемое лицо на досудебном производстве. В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемый – лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, лицо, в отношении которого избрана мера пресечения до предъявления ему обвинения, лицо, уведомленное о том, что его подозревают в совершении конкретного преступления, либо лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления. Таким образом, чтобы лицо приобрело процессуальный статус подозреваемого, следователю необходимо составить процессуальные документы; к моменту вынесения одного из вышеуказанных решений следователь или дознаватель должен быть уверен в причастности лица к совершению преступления.

Однако, до появления процессуального статуса подозреваемого, «подозрение» изначально формируется у следователя, поскольку это определенного рода информация, которой обладает следователь, о причастности конкретного лица или круга лиц к совершению расследуемого им преступления. Это может быть информация, полученная следственным путем или представленная оперативными сотрудниками. Но для того, чтобы прийти к выводу о причастности лица к совершению преступления, необходимо проверить данную информацию, прежде чем вовлечь «заподозренное» лицо в уголовное судопроизводство, а именно наделить его статусом подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ. Ведь подозрение не является основанием для допроса лица в качестве подозреваемого, поскольку имеется вероятность того, что заподозренный не имеет отношения к расследуемому преступлению, а возможно, является его свидетелем. Таким образом, следователю необходимо проверить всю имеющуюся информацию досконально и сложить определенный «пазл» в виде материалов уголовного дела, после чего прийти к выводу о том, что в материалах дела имеются достаточные основания полагать о причастности заподозренного лица к совершению преступления. Только после совершения этих конкретных действий следователю необходимо наделить лицо статусом подозреваемого, допросить и, при необходимости, применить меру процессуального принуждения.

Неопределенность термина по «подозрению», закрепленного в ст. 91 УПК РФ, не позволяет органу уголовного преследования на этапе подозрения предельно четко обозначить круг обстоятельств, отграничивающих статус свидетеля от статуса подозреваемого.

Необходимо рассмотреть и вопрос о продолжительности нахождения лица под подозрением. Статьей 46 УПК РФ регламентировано лишь только то, что подозреваемый, задержанный в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Однако с какого момента начинает течь срок подозрения после возбуждения уголовного дела в отношении лица – УПК РФ не раскрывает. В какой период следователь должен допросить лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, и когда заканчивается срок подозрения – эти вопросы вновь не урегулированы уголовно-процессуальном законом.

В соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель незамедлительно уведомляют заявителя, а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. На следователе лежит бремя принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, тем самым гражданин приобретает официальный статус подозреваемого. Лишь затем следователь имеет возможность проверить имеющиеся у него подозрения. Как свидетельствует практика, при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, лицо, вынесшее данное постановление, уведомляет подозреваемого по месту регистрации. Однако отметки об этом подозреваемого в деле нет, а само уведомление не содержит сведения о надлежащем извещении подозреваемого. Таким образом, можно констатировать тот факт, что материалы уголовного дела не содержат достоверной информации о надлежащем извещении подозреваемого, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

Актуальными являются и вопросы соблюдения прав подозреваемого в момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. В период времени, когда подозреваемому не известно о возбуждении в отношении него уголовного дела, он не может в полной мере использовать свое право на защиту, не может воспользоваться услугами защитника, обжаловать вышеуказанное постановление.

Так, А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова и В. М. Савицкий неоднократно высказывали критику в отношении норм УПК РФ, регулирующих права подозреваемого, в частности указывали на отсутствие четкого механизма надлежащего информирования подозреваемого о существующем подозрении и принадлежащих ему процессуальных правах [2, с. 114–117], т. е. не ясно, когда лицо, производящее расследование, обязано разъяснить подозреваемому его права, а также обеспечить их реализацию. Таким образом, нарушается закрепленный в ч. 1 ст. 11 УПК РФ принцип уголовного судопроизводства об обязанности следователя не только разъяснить подозреваемому, как участнику уголовного судопроизводства, его права, обязанности и ответственность, но и обеспечить возможность осуществления этих прав.

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, и получать копию постановления о возбуждении против него уголовного дела. Таким образом, появляется нерегламентированный уголовно-процессуальным законом срок, в течение которого возникает вопрос статуса подозреваемого (лица, не обладающего таким статусом) между возбуждением уголовного дела в отношении него и его допросом в качестве подозреваемого. В этот период времени следователь осуществляет сбор доказательств, изобличающих подозреваемого, однако срок этот законом не ограничен. Буквальное толкование уголовно-процессуального закона позволяет прийти к выводу, что срок подозрения завершается вынесением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, составлением обвинительного заключения, а в случае неподтверждения подозрения – вынесением постановления об освобождении лица от подозрения.

Тогда возникает закономерный вопрос: зачем в уголовном деле нужен подозреваемый? Поскольку, если у следователя в соответствии с собранными материалами уголовного дела имеются все основания полагать, что лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, совершило преступление, то у следователя возникают процессуальные основания для предъявления обвинения такому лицу, минуя статус подозреваемого.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что факт вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не должен быть констатацией фактического появления процессуального статуса подозреваемого. Постановление о возбуждении уголовного дела не может формировать процессуальный статус подозреваемого в связи с тем, что на указанном этапе уголовного судопроизводства еще не собрано по делу доказательств, изобличающих лицо в совершении преступления.

В целях соблюдения такого принципа, как разумный срок уголовного судопроизводства, логично сформулировать вывод, что при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, рассмотрев имеющиеся по делу доказательства, целесообразно предъявление такому лицу обвинения путем вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, без допроса его в качестве подозреваемого. Данное предложение приведет к реализации принципа процессуальной экономии, поскольку позволит сократить сроки предварительного расследования. В противном случае, когда собранных по делу доказательств для предьявления обвинения не достаточно, необходимо дополнительно регламентировать процессуальный статус подозреваемого путем внесения изменений в УПК РФ, предусматривающих конкретные сроки, связанные с уведомлением лица о возбуждении в отношении него уголовного дела, а также сроки допроса подозреваемого после возбуждения в отношении него уголовного дела.

Список литературы

1. Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого : метод. пособие. М. : Госюриздат, 1962. 93 с.

2. Ларин А. М. Уголовный процесс России. Лекции. Очерки / А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, В. М. Савицкий / под ред. В. М. Савицкого. М. : БЕК, 1997. 314 с.

3. Строгович М. С., Галкин И. С., Кочетков В. Г. Процессуальное положение подозреваемого // Сов. юстиция. 1968. № 24. 63 с.

4. Франк Л. В. Задержание и арест подозреваемого в советском уголовном процессе. Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование / ред. Я. М. Яковлев. Душанбе, 1963. 236 с.

УДК 343.24

ЛИЧНОСТЬ ВИНОВНОГО, СМЯГЧАЮЩИЕ И ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК КРИТЕРИИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ

Тарасова Маргарита Владимировна

магистрант, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия
г. Иркутск, e-mail: tarasova_margari@mail.ru

THE IDENTITY OF THE PERPETRATOR, MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES AS CRITERIA FOR INDIVIDUALIZATION OF PUNISHMENT

Margarita Tarasova

Master's Degree Students, The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Выясняется соотношение понятий «личность виновного» и «смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства». Сделан вывод, что смягчающие и отягчающие обстоятельства могут характеризовать как личность виновного, так и совершенное им преступление. При этом личность виновного характеризуют не только обстоятельства, учтенные в качестве отягчающих и смягчающих наказание, но и иные свойства личности, влияющие на назначение наказания. Предложено привести в Уголовном кодексе России примерный перечень обстоятельств, относящихся к личности виновного и подлежащих учету при назначении наказания.

ABSTRACT

The purpose of the article is to clarify the relationship between the concepts of «personality of the guilty» and « mitigating and aggravating circumstances». The author comes to the conclusion that mitigating and aggravating circumstances can characterize both the personality of the perpetrator and the crime committed by him. The author notes, that the identity of the perpetrator is characterized not only by the circumstances taken into account as aggravating and mitigating punishment, but also by other characteristics of the individual influencing the imposition of punishment. According to the author, the Criminal code of Russia should give an approximate list of circumstances relating to the identity of the perpetrator and to be taken into account when imposing punishment.

Ключевые слова: наказание; назначение наказания; личность виновного; смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства; индивидуализация наказания.

Keywords: punishment; sentencing; personality of the perpetrator; mitigating and aggravating circumstances; individualization of punishment.

Формулируя принцип справедливости, ст. 6 УК РФ устанавливает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного[1]. Только при условии назначения справедливого наказания могут быть реализованы задачи уголовного законодательства по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Российское уголовное законодательство, раскрывая общие начала назначения наказания, требует учитывать при назначении наказания характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Поскольку любое преступление представляет единство двух начал: деяния и лица, его совершившего, поэтому без учета опасности деяния и лица, виновного в его совершении, невозможно назначить справедливое наказание.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Возникает вопрос, как соотносятся между собой такие критерии индивидуализации наказания, как личность виновного и смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства? Уголовный закон не дает прямого ответа на этот вопрос. Дело в том, что традиционно в российском уголовном законодательстве, начиная с Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., а затем в УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г., в законе приводились перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств, но никогда не раскрывалось содержание понятия «личность виновного». Верховный суд СССР и Верховный суд РСФСР также длительное время не давали судам руководящих разъяснений на этот счет. Между тем выяснение этого вопроса имеет важное практическое значение, поскольку суд в приговоре, не ограничиваясь абстрактной формулировкой об учете личности виновного, должен ссылаться на конкретные обстоятельства, учитываемые при назначении наказания.

Лишь в 1979 г. Пленум Верховного суда СССР впервые раскрыл содержание данного требования. В постановлении от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания» Пленум разъяснил, что при назначении наказания необходимо выяснить отношение подсудимого к труду, обучению, общественному долгу, поведение на производстве и в быту, трудоспособность, состояние здоровья, семейное положение, сведения о судимости[1].

Важное значение для судебной практики имело также содержащееся в упомянутом постановлении разъяснение, согласно которому установленные по делу данные, отрицательно характеризующие подсудимого (уклонение от общественно полезного труда, злоупотребление спиртными напитками, плохое отношение к семье, работе, нарушения общественного порядка и правил общежития и т. п.), подлежат учету при назначении наказания, поскольку они относятся к личности виновного, а не к отягчающим обстоятельствам[2].

После введения в действие Уголовного кодекса России 1996 г. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно обращал внимание судов на необходимость строгого соблюдения требований общих начал назначения наказания об учете характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств[3]. Наиболее развернутое разъяснение относительно содержания требований общих начал назначения наказания содержится в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[4].

Применительно к содержащемуся в ч. 3 ст. 60 УК РФ требованию об учете личности виновного Пленум разъяснил, что к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников). В постановлении также отмечается, что, исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ, суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей.

Таким образом, к личности виновного относятся различные обстоятельства, которые могут характеризовать лицо, совершившее преступление, как с отрицательной стороны (например, недостойное поведение в быту), так и с положительной (например, положительная характеристика по месту работы). Указанные обстоятельства в той или иной мере повышают или, наоборот, понижают общественную опасность виновного. К личности виновного относятся и другие обстоятельства, которые хотя сами по себе и не влияют на общественную опасность лица, совершившего преступление, но учитываются исходя из принципа гуманизма (например, наличие несовершеннолетних детей, состояние здоровья и т. д.).

Что касается смягчающих и отягчающих обстоятельств, то они имеют более сложную струк-

[1] О практике применения судами общих начал назначения наказания : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. // Бюл. Верховного Суда СССР. 1979. № 4. С. 17–21.

[2] Там же.

[3] См.: О практике назначения судами уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 // Бюл. Верховного Суда РФ. 1999. № 8; О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 янв. 2007 г. // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 4).

[4] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

туру. Среди них можно выделить такие, которые влияют либо на степень общественной опасности преступления, например наступление тяжких последствий в результате совершения преступления (п. «б» ч. 2 ст. 63 УК РФ), либо характеризуют личность виновного (например, наличие малолетних детей у виновного – п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ). В то же время среди смягчающих и отягчающих обстоятельств есть и такие, которые одновременно характеризуют и личность виновного, и совершенное им преступление. Например, очевидно, что совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ) не только являются отягчающими обстоятельствами, но и вполне определенным образом характеризуют личность виновного, а также влияют на степень общественной опасности совершенного им преступления.

Следует заметить, что в юридической литературе высказано и другое мнение на этот счет, согласно которому личность преступника характеризуется чертами и проявлениями индивида, которые не относятся к составу преступления [1, с. 52]. На наш же взгляд, в приведенных выше примерах невозможно четко разграничить, что именно (преступление или личность виновного) в большей мере характеризуют указанные обстоятельства.

Общим у смягчающих и отягчающих обстоятельств, так или иначе характеризующих личность, и данных о личности виновного, не включенных в перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, является то, что все они влияют на общественную опасность личности виновного в сторону ее повышения или, наоборот, снижения, либо, хотя и не оказывают прямого влияния на общественную опасность личности, но учитываются при назначении наказания, исходя из принципа гуманизма. Именно так учитываются указанные обстоятельства в судебной практике.

Например, в приговоре Иркутского областного суда по делу Лизунова, осужденного по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к двенадцати годам лишения свободы, суд, в частности, учел личность виновного, который ранее не судим; до ареста имел постоянные места жительство и регистрацию, занимался трудовой деятельностью, по месту жительства правоохранительными органами характеризуется положительно. В качестве обстоятельств, смягчающих наказание, суд учел наличие малолетнего ребенка, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, признание своей вины, раскаяние в содеянном, явку с повинной [1, с. 52].

Что касается соотношения понятий «личность виновного» и «смягчающие и отягчающие обстоятельства», то, как представляется, указанные понятия различаются по объему. Любое смягчающее или отягчающее обстоятельство характеризует либо личность виновного, либо совершенное преступление, либо то и другое вместе. Поэтому смягчающие и отягчающие обстоятельства являются формой закрепления в законе наиболее типичных из указанных обстоятельств. К такому выводу нас приводит и формулировка, содержащаяся в ч. 3 ст. 60 УК РФ, согласно которой «при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание...» Слова «в том числе» означают, что понятия «личность виновного» и «характер и степень общественной опасности преступления» шире по объему, чем смягчающие и отягчающие обстоятельства. Поэтому любое смягчающее или отягчающее обстоятельство, характеризующее личность, в принципе может быть учтено в приговоре среди данных о личности виновного.

Такой вывод вытекает и из анализа судебной практики, которая в ряде случаев смягчающие или отягчающие обстоятельства, характеризующие личность, учитывает при назначении наказания в качестве именно данных о личности. Например, в приговоре по делу Зарыповой и Семенова, осужденных по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, Иркутский областной суд указал, что из данных о личности подсудимого Семенова следует, что по месту жительства он характеризуется крайне отрицательно, как злоупотребляющий спиртными напитками, ранее неоднократно привлекавшийся к уголовной ответственности, постоянного места работы и жительства не имеющий, по характеру вспыльчивый, хитрый, дерзкий, лживый. Как следует из материалов дела, Зарыпов был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и приговорен к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 3 года, и новое преступление совершил, не отбыв наказание[1]. В юридической литературе справедливо отмечается, что аналогичная картина наблюдается и с учетом смягчающих обстоятельств, когда одни и те же обстоятельства, например наличие

[1] Иркутский областной суд [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20133294&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (25.102018).

иждивенцев, инвалидность и т. д., в одних случаях учитываются как данные о личности, а в других как смягчающие обстоятельства [3, с. 136].

В уголовном законодательстве понятие «личность виновного» раскрыто лишь отчасти путем включения отдельных его признаков в перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств. Поэтому возникает вопрос, почему в законе не раскрыто содержание понятия «личность виновного» в целом? Очевидно, что личность виновного в целом не менее значима для назначения наказания, чем отдельные смягчающие и отягчающие обстоятельства. В юридической литературе справедливо отмечается, что в настоящее время сложилась ненормальная ситуация, при которой содержание одних общих начал назначения наказания (смягчающих и отягчающих обстоятельств) раскрыто в Уголовном кодексе РФ, а содержание других (степени общественной опасности преступления и личности виновного) – в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, являющихся актами судебного толкования закона [2, с. 87–88].

В этой связи представляется необходимым в ст. 60 УК РФ раскрыть содержание требований общих начал назначения наказания относительно учета личности виновного при назначении наказания и привести в указанной норме примерный перечень данных о личности виновного. При этом за основу такого перечня можно взять обстоятельства, указанные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Загорский Г. Мотивировка наказания в приговоре суда // Социалист. законность. 1980. № 5. С. 51–52.

2. Татарников В. Г. Уголовно-правовая охрана личности : монография. Иркутск : Изд-во ИРГТУ, 2007. 172 с.

3. Шкредова Э. Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журн. рос. права. 2016. № 6. С. 134–142.

УДК 340.5

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ОСОБЕННОСТИ

Черных Вероника Сергеевна
магистрант 2-го курса, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, секретарь суда, Тоджинский районный суд Республики Тыва, г. Кызыл, e-mail: chernyh-veronika-2011@mail.ru

THE MODERN LEGAL SYSTEM OF JAPAN: GENERAL DESCRIPTION, FEATURES

Veronika Chernyh
Undergraduate of 2 course, The East-Siberian branch of The Russian State University of Justice court clerk, Todzhinsky District, Court of the Republic of Tuva, Kyzyl

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена общая характеристика правовой системы Японии. Проведен анализ действующего законодательства (гражданского, торгового, уголовного и др.) и источников его возникновения**.**

ANNOTATION

This article considers the general characteristics of Japan's legal system. The author analyzes the current legislation (civil, commercial, criminal, etc.) and the sources of its occurrence.

Ключевые слова: Гражданский кодекс; законодательство; Конституция; несовершеннолетние; правовая система; Торговый кодекс; традиционные нормы; Уголовный кодекс; уголовное право; Япония.

Keywords: Civil Code; legislation; the Constitution; minors; thelegal system; the Commercial Code; traditional norms; the Criminal Code; criminal law; Japan.

В настоящее время правовая система Японии носит смешанный характер, поскольку ее источниками стали моральные, религиозные и правовые нормы, основанные как на обычаях и традициях японского общества и древнекитайских религиозных и философских концепциях, так и на заимствованных правовых положениях других правовых систем. В связи с тесным переплетением методов правового регулирования, Япония относится к числу тех стран, которые затруднительно отнести к определенной правовой семье [8, с. 64].

В правовой жизни японцев просматривается тенденция разрешать споры путем медиации, т. е. путем примирения, без обращения к закону и суду, что также указывает на исторически сложившиеся моральные ценности как на источник права.

Основными понятиями японской правовой науки являются право (яп. **法** хо:), система права (яп. **法体系** хо:тайкэй) и система законодательства (яп. **法制** хо:сэй). История права или правовой системы называется историей законодательства (яп. **法制史** хо:сэйси).

Законодательная история Японии отличается от российской тем, что она насчитывает только две Конституции:

– первая была принята в 1889 г. (Конституция Мэйдзи), образцом для которой была монархическая прусская Конституция 1850 г.;

– вторая Конституция (1947) стала результатом поражения Японии в войне. Она разрабатывалась под значительным влиянием США и их союзников.

Новая Конституция Японии значительно ограничила власть императора, установив конституционную парламентарную монархию, где император стал «символом государства и единства нации». Однако реальная сила императора отсутствует, он имеет лишь представительские функции, что закреплено в ст. 3 Конституции, которая гласит: «Все действия Императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты не иначе как с совета и одобрения Кабинета, и Кабинет несет за них ответственность»[1].

Также Конституция Японии ввела новые демократические права и свободы, провозгласила общий принцип отказа от войны [4, с. 621]. Кроме того, в ее положениях была закреплена концепция мирного сосуществования.

[1] Конституция Японии : пер. на рус. яз. Токио, 1995. Ст. 3.

Значительное влияние американских образцов на послевоенное законодательство Японии также можно проследить в положениях ст. 13 Конституции Японии о закреплении права людей «на жизнь, свободу и на стремление к счастью»[1].

В результате принятия Конституции форма правления в Японии стала вместо полуабсолютистской парламентарной монархией с основополагающим принципом разделения властей. Двухпалатный парламент (коккай) стал играть роль высшего органа государственной власти и единственного законодательного органа страны. В его состав входит палата представителей (сюгиин), избираемая сроком на 4 года и состоящая из 511 членов, а также палата советников (сангиин), срок полномочий которой составляет 6 лет с обновлением половины состава каждые 3 года. Она включает в себя 252 члена. Члены обеих палат избираются на основе всеобщего избирательного права.

Согласно порядку, предусмотренному Конституцией Японии, существует два способа принятия законов, где в первом случае речь идет об одобрении законопроекта обеими палатами парламента, а во втором – повторное одобрение палатой представителей (не менее чем 2/3 присутствующих членов) законопроекта, отклоненного палатой советников. Однако в любом случае последнее слово остается за палатой представителей.

Одним из важнейших элементов системы государственного управления является японское правительство, формируемое из числа членов парламента и возглавляемое премьер-министром. Премьер-министр от имени Кабинета выступает в парламенте по вопросам внутренней и внешней политики, вносит в парламент проект бюджета, руководит всеми звеньями исполнительной власти и контролирует их [3, с. 426].

Системе судебной власти посвящена глава шестая Конституции Японии, согласно которой «вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду и таким судам низших инстанций, которые будут учреждены законом» [5, с. 390]. Запрещается создание особых судов и осуществление судебной власти административными органами.

Назначение всех судей как Верховного суда, так и судов низших инстанций осуществляется Кабинетом из списка лиц, предложенных Верховным судом, сроком на десять лет. Исключением является назначение главного судьи Верховного суда, которое осуществляется императором по представлению Кабинета. Конституция предусматривает возможность переназначения судей.

Гражданское право Японии представляют Гражданский и Торговый кодексы. Гражданский кодекс Японии был принят в 1898 г. Образцом положений, включенных в состав Кодекса, стал проект Германского гражданского уложения, в частности в тех статьях, которые касаются вещного и обязательственного права. Другие разделы, а именно посвященные семейным и наследственным отношениям, закрепляли традиционные институты синтоистского права [4, с. 620]. Важно отметить, что данный кодекс действует до настоящего времени с изменениями, внесенными специальными законами.

Кроме того, германская модель легла в основу Торгового кодекса (1899 г.), Уголовного кодекса (1907 г.) (далее – УК), Гражданско-процессуального кодекса (1890 г.) (далее – ГПК), а также Уголовно-процессуального кодекса (1922 г.) (далее – УПК) [7, с. 200].

Торговый кодекс Японии, состоящий из четырех глав, подробно регулирует общественные отношения, связанные с торговыми компаниями, торговыми сделками, а также морской торговлей. Он не содержит процедурных правил, и в Японии нет специальных торговых судов. Его особенностью также является то, что он функционирует до настоящего времени.

Кроме того, к источникам гражданского права относятся дополнительные законы, регулирующие вопросы, не включенные в кодексы, такие как законы о лицензиях (1899 г.), о торговых знаках и об авторском праве (1921 г.), а также об аренде земли, аренде жилища и об обороте ценных бумаг. Особое внимание уделяется действующим обычаям и нормам морали.

В настоящее время возрастает роль судебной практики, повышается ее значение, в частности постановления вышестоящих судов, и в особенности Верховного суда, воспринимаются судами как нормативные акты, которые подлежат неукоснительному исполнению. Также судебные решения выступают средством конкретизации и толкования норм права.

Уголовное право Японии включает в себя такие источники, как Конституция, закрепляющая принцип «нет преступления и нет наказания без указания в законе» (ст. 31, 39 и 36), Уголовный кодекс (1907 г.), специальные уголовные законы (например, Закон о малозначительных преступлениях 1948 г., Закон о несовершеннолетних 1948 г.), а также уголовно-правовые нормы неуголовного законодательства (во всех от-

[1] Конституция Японии. Ст. 13.

раслях права, например Закон о предупреждении загрязнения воздуха) и обязательных постановлений муниципальных собраний, международные договоры и судебные прецеденты.

Основными принципами уголовного права являются:

1) принцип законности, включающий в себя:

– вывод лица из-под действия общего уголовного права;

– запрет приговоров по аналогии;

– неподсудность на основе обратной силы закона;

– запрет уголовных кар с абсолютно нефиксированным сроком;

2) принцип равенства перед законом[1];

3) территориальный принцип (определяет действие уголовного закона в пространстве), который означает, что уголовная акция на территории Японии или на ее водных и воздушных судах наказуема по японским законам вне зависимости от того, гражданином какой страны является преступник[2],

4) принцип гражданства[3] означает, что УК применяется к гражданам Японии, совершившим за ее пределами такие сравнительно тяжкие преступные деяния, как убийство, разбой, изнасилование, поджог и т. п.;

5) принцип защиты[4] закрепляется в положениях о том, что японский уголовный закон карает всякого, независимо от его гражданства, посягнувшего на важные блага Японии за ее пределами (составы внутреннего восстания, вызывания внешней агрессии против Японии, фальшивомонетничества и т. п.);

6) отсутствие у закона обратной силы – это конституционный принцип, закрепленный в ст. 39 Конституции Японии. Исключением из него служит положение ст. 6 УК Японии, согласно которому обратную силу имеет закон, смягчающий наказание [2, с. 427].

Уголовный кодекс Японии состоит из двух частей: «Общие положения» и «Преступления». Его особенностью является то, что он не имеет преамбулы или вводной главы, статьи не имеют своего наименования (они есть только у частей и глав). Также в самом УК нет классификации преступлений по характеру и степени общественной опасности или по степени тяжести. Категория преступлений определяется в соответствии с практикой, унаследованной из ранее существовавшего УК, где критерием были назначаемые наказания, а также иными законами, такими как Закон о введении УК в действие (закон № 29 от 1908 г.), Закон о нетяжких преступлениях (кэйхандзай хо) (1948 г.). Также не выделяется признак общественной опасности, хотя самой общественной опасности внимание уделяется. Отмечается, что в УК отсутствует такой ведущий принцип, как «нет преступления и нет наказания без указания в законе» [6, с. 24].

Кроме того, уголовное право Японии не содержит четкого определения организованной преступности и уголовно-правовых последствий участия в ней [2, с. 444]. Определенные проблемы возникают у правоприменителей при разрешении дел, связанных с множественностью преступлений. В частности, к таким случаям можно отнести совершение нескольких деяний, каждое из которых выглядит самостоятельным и подпадающим под определенный состав преступления. В Японии все эти деяния, объединенные и оцененные с точки зрения состава преступления, признаются как одно преступление.

Понятие ответственности имеет сходные черты с российским. В японской доктрине утвердилась концепция об уголовной ответственности как социально-правовом последствии совершения преступления.

Институт судимости также известен уголовному закону Японии. Согласно положениям УК Японии судимость прекращается с момента утраты силы приговором к наказанию (погашение судимости, ст. 34-11 УК) в связи с истечением срока отсрочки исполнения наказания (ст. 27) или установленного срока после отбытия наказания [2, с. 449].

Свои особенности, отличающие японское уголовное законодательство от российского, имеет и система элементов состава преступления. Своеобразие заключается в том, что здесь может быть как два элемента состава – объективная и субъективная сторона преступления, а субъект и объект преступления оказываются включенными в объективную сторону, так и привычные нам четыре.

Особый интерес вызывает такая система контроля за лицами, проходящими стадию реабилитации после вынесения решения суда, как защитный надзор. Под его действие подпадают пять категорий граждан:

1) несовершеннолетние по соответствующему решению семейного суда;

2) несовершеннолетние, условно освобожденные от содержания в исправительно-воспитательном учреждении;

---

[1] Конституция Японии. Ст. 14.

[2] Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева. СПб., 2002. Ст. 1.

[3] Там же. Ст. 3.

[4] Там же. Ст. 2.

3) условно-досрочно освобожденные из тюрем;

4) осужденные условно с постановкой под защитный надзор;

5) женщины, условно освобожденные от содержания в воспитательном учреждении (проститутки и т. п.).

Эта система работает следующим образом: на некоторое время осужденному дается отсрочка от помещения в указанное в приговоре учреждение, его оставляют в обычном обществе и привычной обстановке и ставят на особый контроль. В том случае, если преступник нарушит условия пребывания на свободе, то действие отсрочки прекращается и приговор приводят в исполнение.

Такая форма «второго шанса», выраженная в возможности реабилитироваться перед обществом, имеет важное значение, особенно если речь идет о несовершеннолетних. Внедрение подобного принципа в российское законодательство могло бы способствовать выходу оступившихся детей из сложившейся ситуации, связанной с рассмотрением дела, с наименьшими психологическими травмами.

Таким образом, анализируя законодательство Японии, можно выделить его особенностью сочетание как традиционных норм, так и норм романо-германской правовой семьи. До настоящего времени сохраняется обычай преимущественно решать все проблемы мирным путем, считая обращение в суд чем-то «позорным» и не соответствующим состоянию вещей.

Право Японии сформировалось под влиянием различных западноевропейских правовых систем. В ее законодательных актах можно встретить правовые нормы не только германские, но и французские (нормы УК и УПК), английские (Закон о доверительной собственности 1922 г., Закон о присяжных 1923 г.) и американские (Закон о судопроизводстве (1947 г.), Закон о прокуратуре (1947 г.), Закон об адвокатуре (1949 г.)). В связи с чем такое своеобразие и смешение вызывает определенные трудности при определении правовой семьи, к которой относится Япония. Однако сохранение до настоящего времени основных законодательных актов (некоторым уже более ста лет!), в которые вносятся лишь некоторые изменения, свидетельствует об удачном их сплетении. Также это обстоятельство показывает стабильность государственной политики страны.

Список литературы

1. Давид Р., Жоффре-Спиноси К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Междунар. отношения, 1999. 400 с.

2. Козочкин И. Д. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. пособие. М. : Омега-Л, Ин-т междунар. права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003. 576 с.

3. Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 2: Современная эпоха : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2018. 816 с.

4. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. В 3 т. Т. 3: Правовые системы Азии. М. : Контракт: ИЗиСП, 2014. 704 с.

5. Маклаков В. В. Конституции зарубежных государств : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2003. 592 с.

6. Оно Сэйитиро, Накано Цугио, Уэмацу Тадаси, Датэ Акио. Кэйхо (Уголовный кодекс). Токио, 1981. 88 с.

7. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности : учебник / под общ. ред. В. А. Туманова. М. : Юристъ, 2003. 448 с.

8. Чиркин В. Е. Сравнительное правоведение : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. 320 с.

Правила оформления статей, представляемых для публикации в журнале «ГлаголЪ Правосудия»

Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы; соответствовать правилам оформления. Статья должна содержать: заглавие (название), аннотацию, ключевые слова, основной текст статьи.

В представленной статье обязательно указываются:

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью, ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность, полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках).
- Адрес электронной почты для каждого автора.
- Название статьи пишется прописными буквами и располагается по центру – на русском и английском языках.
- Аннотация (объемом 200–250 слов), в которой описываются цели и задачи проведенного исследования, а также возможности его практического применения – на русском и английском языках.
- Ключевые слова – до 10 слов – отделяются друг от друга точкой с запятой, на русском и английском языках.
- Тематический рубрикатор – обязательно указывается код УДК и/или ГРНТИ и/или код ВАК (согласно действующей номенклатуре специальностей научных работников).
- В конце статьи – список литературы.

Объем представляемого в редакцию материала не должен превышать 15 страниц формата А4.

Работа должна быть выполнена в текстовом редакторе Word; шрифт Times New Roman – 14 пт, межстрочный интервал 1,5; параметры страницы: поля – 2 см, нумерация страниц не выставляется; абзац 1 см.

Все аббревиатуры и сокращения при первом упоминании в тексте должны быть расшифрованы.

Наличие списка литературы обязательно. Список литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Ссылки на литературу необходимо оформлять в квадратных скобках согласно списку литературы.

Библиографическая ссылка. Источник приводимых в рукописи цитат, статистических данных и т. п. должен быть точно указан. Цитаты (знаки препинания, правописание и пр.) должны быть выверены. Когда ссылка делается на иностранный источник, библиографические элементы необходимо указывать в той же последовательности, что и для источников на русском языке. Ссылка делается на языке оригинала без сокращений и аббревиатур.

Ссылки на нормативные правовые акты, судебные решения, акты иных правоприменительных органов, стандарты, архивы, интернет-ресурсы и иные подобные источники должны быть оформлены как подстрочные сноски. В списке использованной литературы соответствующие источники не указываются.

Оригинальность каждой статьи проверяется редакцией с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов. К опубликованию допускаются статьи, уровень оригинальности текста которых составляет не менее 70 %.

Представляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование (после которого в обязательном порядке автору направляется по электронной почте отредактированный текст для подтверждения согласия на его публикацию в таком виде), размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение.

Статьи аспирантов и соискателей проходят рецензирование на кафедрах ВСФ «РГУП».

При направлении в редакцию статьи прилагается заполненная и подписанная оферта, которую можно скачать на сайте Восточно-Сибирского филиала «РГУП» после ознакомления с редакционной политикой ВСФ «РГУП».

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, а также опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов, к рассмотрению и рецензированию не принимаются. Автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Статьи направляются в электронном и бумажном вариантах по адресу: 664074, г. Иркутск, ул. И. Франко, 23а и на e-mail: nauka@esbrsuj.ru.

Глаголъ
ПРАВОСУДИЯ

Научное издание

№ 4 (18)

Ответственный за выпуск:
канд. юрид. наук *А. А. Митрофанова*

Распространяется бесплатно
Дата выхода в свет 27.12.2018

Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 11,0. Тираж 100 экз. Заказ 50

Адрес редакции и издателя:
664074, Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а
Отпечатано в типографии Издательства ИГУ
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 124